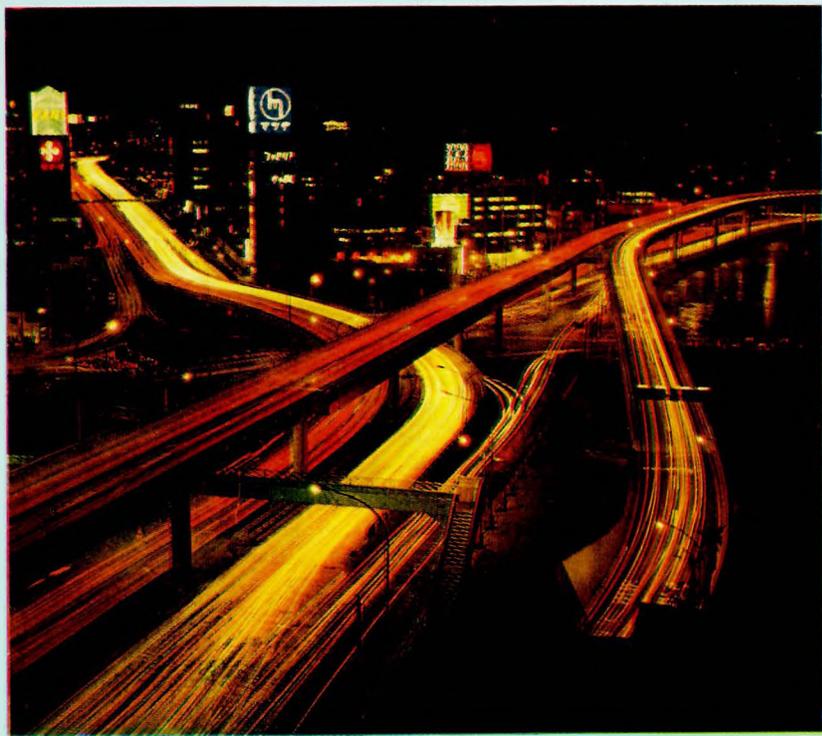

• ЛИКИ ЯПОНИИ •

Юрген Берндт

Юрген Берндт

ЛИКИ ЯПОНИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Юрген Берндт

ЛИКИ ЯПОНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1988

ББК 66.3(5Я)
Б51

Jurgen Berndt
Streiflichter aus Japan
Leipzig, 1983

Редакционная коллегия

К. В. Малаховский (*председатель*), Л. Б. Алаев,
Л. М. Белоусов, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, Н. А. Симония

Перевод с немецкого
Л. Л. Шохиной

Ответственный редактор
и автор предисловия

С. А. Арутюнов

Рецензенты

А. М. Кабанов, В. А. Островский

Берндт Ю.

Б 51 Лики Японии. Пер. с нем. Л. Л. Шохиной. Предисл. С. А. Арутюнова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

293 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Автор книги — специалист по японской литературе, профессор университета им. Гумбольдта в Берлине, неоднократно бывал в Японии в период с 1958 по 1981 г. и наблюдал жизнь этой страны во всей ее динамике.

Читатель познакомится со многими сторонами японской действительности, с тем, как развивалась экономика страны за последние годы, с ее политическими проблемами, с некоторыми аспектами ее культуры, религии, языка, искусства, литературы.

Б 1805030000-149 59-89
013(02)-88

ББК 66.3(5Я)

ISBN 5-02-016586-7

© VEB F. A. Brockhaus Verlag,
Leipzig, DDR, 1983.

© Перевод, предисловие:
Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга известного немецкого исследователя японской литературы Юргена Берндта посвящена на сей раз отнюдь не только вопросам литературы; как раз об особенностях литературного творчества и его истории в Японии он пишет очень мало. Это раздумья и впечатления о Японии в целом, о различных сторонах японской современной действительности, об особенностях японской национальной психологии, об условиях жизни в Японии, об отношении к внешнему миру и т. д. В то же время характерно, что книгу написал профессиональный японовед, знакомившийся с Японией и ее культурой долго, детально и целенаправленно. Наверное, именно поэтому, хорошо зная свой предмет, автор отказался от последовательного, всестороннего рассмотрения страны и ее народа, а дал ряд очерков об отдельных, наиболее близких ему аспектах японской жизни. Более того, и здесь надо отдать ему должное как ученому, он постоянно подчеркивает, что впечатление есть впечатление; всегда остается возможность того, что что-то недопонято, что под внешним контуром лежат какие-то иные, более глубинные пласты, в которые иностранцу, даже хорошо знающему страну и язык, нелегко пропикнуть. Такая осторожность, несомненно, делает автору честь, и она для читателя ценнее, чем те поспешные категорические суждения, которые порой выносятся более поверхностными и менее профессиональными наблюдателями и, нередко попадая в печать, способствуют формированию расхожих, с трудом изживаемых стереотипов.

Не ставя задачу показать читателю всю Японию или создать нечто такое, что могло бы претендовать на показ ее сущности, факторов, определяющих различные стороны жизни, автор тем не менее очень ярко освещает многие существенные грани этой жизни. Многие его наблюдения, описания, встречи, переживания говорят сами за себя и не нуждаются в комментировании, но по некоторым моментам представляется необходимым кое-что сказать, причем не столько вступая с автором в полемику, сколько дополняя его материалы и суждения.

С одной стороны, автор вполне оправданно и правомерно иронизирует над тем, как любят многие японцы (особенно те, для ко-

торых рассуждения о соотношении японской и иностранной культуры являются профессиональным занятием) подчеркивать уникальность, неповторимость и непереваемость глубинных основ японской цивилизации, особенностей исторического развития Японии. С другой стороны, он и сам на многих примерах с первых же страниц своей книги старается показать, что в Японии на каждом шагу встречается необычное, своеобразное, такое, к чему плохо приложимы традиционные «западные» мерки и понятия.

Как человек, достаточно долго занимавшийся изучением японской культуры и истории, я должен сказать, что, по крайней мере по моему личному мнению, то и другое, разумеется, своеобразно и самобытно, но не в большей степени, чем культура и история любого другого большого народа, любой другой крупной страны. Культура и история русских, французов, шведов, а также малайцев, сингалов, вьетнамцев, арабов или мексиканцев обладает своей самобытностью и уникальностью в той же мере, как японская, и если ряд европейских культур по определенным параметрам можно объединить и противопоставить японской, то некоторые азиатские культуры (например, на Филиппинах) весьма сходны с японской (то, что в психологии, в поведении роднит филиппинцев и японцев, противопоставляет их европейцам). Короче говоря, несостоятельна будет попытка провести дихотомию мировой культуры по линии «японцы — неапонцы». Между тем произведения многих японских авторов — социологов, психологов, специалистов по истории культуры — явно или косвенно содержат именно эту претензию.

Подобная претенциозность не нова в японской истории. Идеологи правящих кругов неоднократно выступали в аналогичном духе и в недавнем, и очень давнем, и даже незапамятно давнем прошлом. Ненаучно было бы говорить, что японцам присущ воинственный дух. Однако конкретная историческая обстановка — разделение страны на много островов, а отдельных островов — на изолированные долины, наличие отсталой и беззащитной айнской северной периферии, близость богатых, но уязвимых в военном отношении побережий Китая и Кореи — и ряд других обстоятельств делали японскую феодальную верхушку действительно весьма воинственной и агрессивной, и инерция этой феодальной традиции живет кое в ком и по сей день, о чем говорит рассказанная в книге история с писателем Юкио Мисимой.

В этой связи не вполне верно и утверждение, что японцы якобы «никогда не были народом мореходов». Завоевательные походы за море, в Корею, предпринимались и в IV веке, при императрице Дзингу, и в XVI веке, при диктаторе Хидэёси. В течение всего средневековья японские пираты были настоящей чумой для прибрежного населения Восточного Китая; японская экспансия в XVI веке, политическая, экономическая и отчасти военная, распространялась

на Филиппины и Таиланд. Лишь с XVII века, когда правительство сёгунов Токугава, взяв курс на самоизоляцию страны, запретило строить суда дальнего плавания, японское мореходство на два столетия стало исключительно каботажным.

Воинственность и экспансионизм японской правящей верхушки почти во все периоды истории вызывали к жизни идеологию японской исключительности и претенциозность в самооценке. Так, старое название Японии, Ямато, восходящее к названию одного из княжеств-гегемонов в начале нашей эры, еще до возникновения единого японского государства, значит попросту «горцы», «люди гор». Но это значение забыто, ибо пишется это слово искусственным сочетанием иероглифов «дай» и «ва», что и впрямь буквально читается как «великая гармония». Однако в древнекитайских хрониках начала нашей эры японцы действительно называются «люди ва», но пишется это «ва» или «во» отнюдь не иероглифом «гармония», а другим, менее почетным. «Ва» по-японски — корень местоимения I-го лица (вага, варэ, ватакуси); видимо, при первых встречах японцы называли себя перед китайцами просто «мы», что и вошло в хроники, потом появились «большие ва», а потом уже домыслена «гармония». Китайское обозначение Японии Жибэнь (откуда пошло Нихон, или Ниппон) означает просто «где восход солнца», но в японском переводе-кальке Хи-но-Мото, употребляющемся в поэзии, это уже «пьедестал солнца». Примеры такого рода можно было бы умножать без конца.

Проповедь «японской исключительности», «непохожести на других» действительно очень распространена в Японии. Однако, даже если и не все «проповедники» субъективно осознают это, объективно она служит вполне определенным классовым целям, выполняет вполне определенный классовый заказ. Одна из этих целей, пожалуй самая важная, такова: внушить японским трудящимся, что исторические закономерности, действующие в остальном мире, к Японии неприменимы. А стало быть, неважно, что во всем мире есть антагонистические классы, есть классовая борьба, чреватая необходимостью перемен в общественном устройстве и т. д. Но Япония, говорят «проповедники», совсем другая, и здесь эти явления не только не обязательны, но и совершенно противоестественны. Япония может и должна обойтись без них и пойти по пути классового мира и пресловутой «великой гармонии». Думается, что причину живучести мифа о японской исключительности следует искать прежде всего в стремлении обосновать этот тезис.

В этой связи, когда мы читаем рассуждения автора о том, что японцы мыслят по-другому, нежели европейцы, и проявляется это в отношении к флагу, гимну, годовщине основания империи, девизам правления, к храмам синтоизма вообще и к храму Ясукуни в частности, то здесь нужно сказать следующее. Достаточно точно дока-

зано, что человек, послуживший прообразом легендарного императора Дзимму, жил не в VII веке до н. э., а в III—IV веке нашей эры, т. е. на тысячу лет позднее, и двадцатисемивековая древность японской империи — просто мифологическая фикция. Что же касается храма Ясукуни, то, во-первых, это самое настоящее место религиозного культа, а, во-вторых, в нем обожествлены наряду с просто погибшими солдатами и военные преступники. Тем не менее кигэнсэцу, «день основания империи», празднуется как официальная годовщина государства, а борьба за включение Ясукуни в систему светских государственных учреждений не утихает. Одним в Японии это по душе, а другим нет: по душе это милитаристски настроенным кругам, а не по душе миролюбивым, прогрессивным силам страны. Есть японцы, которым содержание гимна представляется чрезмерно монархистским, и те, кто считает, что нынешний флаг запятнан войной, даже самим своим милитаристским происхождением. То же самое относится и к способу летосчисления: одни предпочитают придерживаться девизов правления, другие — общемировой системы. Указываемое автором своеобразие присуще образу мышления не всех японцев. Оно характерно именно для консервативных, а порой и прямо реакционных кругов и находит свое отражение в официальной политике. Японцы прогрессивной политической ориентации могут смотреть на эти же вещи совершенно по-иному и вполне сходно со взглядами людей аналогичной политической ориентации в Европе.

В целом автор, гражданин социалистической страны, стоит на близких и понятных нам классовых и политических позициях, но иногда он недостаточно ясно их выражает. Так, говоря о структуре японского общества, о том, что каждая фирма, каждое учреждение представляют собой пирамиду и что множество таких пирамид складываются в общеяпонскую пирамиду, вершиной которой является император, автор ничего не пишет о том, все ли японцы довольны такой структурой вообще и своим местом в ней в частности.

Ряд замечаний автора, касающихся своеобразности и даже парадоксальности поведения японцев в тех или иных ситуациях, может быть действительно разделен немцами, для которых такое поведение нехарактерно, но советскому читателю, знакомому с многообразием культурных традиций, форм этикета, национальных психологических особенностей в такой многонациональной стране, как СССР, вряд ли оно покажется необычным или уникально японским.

В самом деле, является ли сугубо японским внимание к вопросам старшинства, взаимоотношения между «сэмпаем» и «кохаем», изысканная вежливость в одних случаях и невнимательность и даже невежливость друг к другу в других? Является ли призыв открывать свою малую родину, призыв вернуться из городов к земле, хранящей прах предков, столь уж характерным именно для Японии?

Разве одни японцы задумываются о себе, о том, откуда они пришли и что они собой представляют? В классической русской и в современной советской литературе мы можем найти немало произведений, притом прекрасных, где звучит та же ностальгия жителя большого города по родной деревне и ее забытым ценностям. Да, впрочем, и в Германии в начале нашего века «почвенническое» направление в литературе было весьма заметным явлением. И то, что человек, вежливый и обходительный в своей среде, у себя в деревне, дома, в кругу знакомых, может потерять эту вежливость в толпе, в электричке, в магазине, где его окружает множество незнакомцев, где люди обезличены,— это ведь тоже явление, встречающееся далеко не в одной Японии.

Мне немало приходилось заниматься этнографией бытового поведения народов разных уголков мира, в том числе столь далеких друг от друга, как Япония и Северный Кавказ. И нередко случалось, что, обсуждая с моим коллегой, этнографом из Кабардино-Балкарской АССР, специфические вопросы этикета, моральных ценностей, норм поведения, принятых у адыгейцев, черкесов, кабардинцев, я вновь и вновь отмечал, что буквально то же самое, в тех же словах можно было бы сказать и о японцах: здесь и почтение к старшему, будь он даже старше всего на два-три года, и культ стойкости к страданиям, и даже нарочитый поиск неудобств и лишений, чтобы ярче показать свою стойкость, и нетерпимость к публичному выпячиванию своего «я», и внешнее, показное безразличие мужа к жене, отнюдь не отражающее его подлинных чувств, и многое-многое другое.

По-видимому, то, что кажется в японцах необычным для европейцев и что на самом деле можно найти у других народов, отражает общеисторические закономерности перехода от феодализма к капитализму. В большинстве стран Европы этот переход произошел уже несколько столетий назад, тогда как для японцев еще в сравнительно недавнем прошлом, и многие пережиточные внешние черты феодального типа поведения, уже не соответствующие содержанию повседневного поведения, все еще стойко сохраняются в быту и выглядят особым диссонансом на фоне супериндустриализованного общества.

К сказанному здесь и к сказанному Юргеном Берндтом в его книге можно было бы добавить многое, но это означало бы написать еще одну такую же книгу, притом без всякой гарантии, что она исчерпала бы все возникающие в связи с рассмотрением современного японского общества вопросы. Достаточно и того, что книга Ю. Берндта показала нам в новом ракурсе, со своеобразной авторской точки зрения, несколько ликов бесконечно многоликой страны — Японии.

С. Арутюнов

ОТ АВТОРА

Впечатления о Японии, вынесенные мной за двенадцать посещений (между 1958 и 1981 годами), хотелось бы упорядочить. Что оставило наиболее глубокий след? О чем стоит рассказать? Что требует обобщения? В каких случаях лучше отказаться от этого? Обращаюсь к своей памяти. Собственные записки вряд ли здесь помогут, ибо настоящий дневник я никогда не вел. Несколько сделанных наспех коротеньких записей или бегло набросанная для дальнейшего анализа мысль — вот все, чем я располагал, приступая к книге, правда, если не считать весьма обширного материала о Японии, накопившегося у меня за несколько лет.

Как автору мне следовало остерегаться и субъективности, и излишней уверенности в суждениях, а также преувеличенной восторженности, которая часто овладевает приезжими в Японии. Трезво и непредвзято оперируя фактами, необходимо было избежать жонглерства.

Признаться, задача оказалась не из легких, так как мои возможности как автора были ограничены. И причина не в последнюю очередь в том, что моей специализацией является не история, не экономика или политика Японии, а японская литература. Так что я не преследовал цель представить всеохватывающую картину страны. Для этого мне недоставало непосредственности путешественника, который, побывав в стране всего несколько недель и чаще всего не владея даже японским языком, без особых угрызений совести, не задумываясь, берется писать об этой стране и делает вид или даже верит, что все написанное им — бесспорная истина. Мне хотелось бы поделиться с читателем тем, что я лично пережил и познал на собственном опыте, что услышал или прочитал, не делая, однако, попыток все и вся объяснить и истолковать. На многое у меня у самого нет ответа, а многое в книге является сугубо личным. Ни для кого не секрет: любой, кто сегодня пишет о Японии, должен быть готов к тому, что иные придерживаются противопо-

ложных взглядов и могут даже привести аргументы в доказательство своей правоты.

Япония многолика. И если бы все ее лики собрать, то все равно не получилось бы единого лица страны. Многообразие ее велико. Поэтому не остается ничего иного, как выхватывать из этого многообразия нечто, в надежде, что оно и есть самое существенное. Однако это надо делать с оглядкой на то, что оно, как таковое, само по себе не существует, а только во взаимосвязи с другими явлениями, в определенной системе.

При всем единстве и однородности, о чем так часто и охотно говорят, Япония — страна больших противоречий и контрастов, подлинных и мнимых, как в материальной сфере, так и в духовной. Поэтому складывается впечатление, что как отдельная личность, так и общество в целом живут в невероятном напряжении. Общая динамика и мобильность сегодняшней жизни производят сильное впечатление на всех, кто попадает в Японию. В зависимости от темперамента одних она пленяет, других утомляет и в соответствии с миропониманием вызывает либо восхищение, либо озабоченность, становясь страной грез или страной кошмаров.

Многое в этой стране создается в поистине захватывающем темпе. То, что сегодня еще актуально, завтра безнадежно устареет. Даже сложившиеся в течение длительного периода жизненные навыки, составляющие самые консервативные факторы в укладе каждого народа, в Японии зачастую претерпевают быстрые и коренные изменения. Когда я сравниваю многое из увиденного мною в 1958 году с тем, что было гораздо позднее, то не нахожу ничего общего, — будто попал в другую страну.

И еще одно признание: я отнюдь не считаю, что японист прежде всего должен быть страстным почитателем всего японского. Восхищение изучаемым предметом, симпатия и любовь к нему (в данном случае к Японии) может, правда, служить предпосылкой к этому, но ни в коей мере не означает, что японист всегда и при всех обстоятельствах обязан преклоняться перед предметом. Долг ученого — выступать посредником между изучаемой им страной и своей родиной и в меру скромных возможностей вносить посильный вклад в лучшее взаимопонимание между странами.

Одни объяснения в любви не принесут пользы, к ним необходимо присовокупить трезвые суждения, что ис-

ключает полное согласие автора со всеми 120 миллионами японцев. Эта книга отражает его личные воззрения, и рассчитывать на то, что они будут безоговорочно разделены всеми читателями, не приходится.

Ю. Берндт

О САМОБЫТНОСТИ ЯПОНЦЕВ

Завидовать другим, жаловаться на свою участь, приставать с расспросами по любому пустяку, а если человек не пойдет на откровенность, из злобы очернить его; краем уха услышать любопытную новость и потом рассказывать направо и налево с таким видом, будто посвящен во все подробности,— как это мерзко!

Сэй-Сёнагон. Макура-нососи (Записки у изголовья)

Когда небо отделилось от земли, появились боги. Так говорится в одном из древнейших дошедших до нас письменных памятников, «Кодзики» («Записки древних дел»), датированном 712 годом. Вначале богов было пять; один следовал за другим, и только по одному. За ними появились еще двое и также поодиночке. Но тем не менее у них были дети. Последовавшие за ними пять богов уже появлялись парами, а завершающая пара, Идзанаги и Идзанами, по единодушному решению всех богов была призвана придать находившейся под небесным сводом водной стихии твердую форму. Тогда божественная пара отправилась на небесный мост, окунула украшенное драгоценными камнями копьё в воду, помешала ее, и когда вытащила копьё наружу, то стекавшие с него капли застыли, образовав небольшой остров. Затем они спустились с небес и поселились на этом острове.

О каком острове идет речь, никто до сих пор не знает. Несомненно, однако, что он образует центр дальневосточного архипелага, распростершегося широкой дугой почти на три с половиной тысячи километров вдоль материкового побережья на расстоянии 200 километров от Корейского полуострова и 800 километров от Китая. Сегодня мир называет этот архипелаг «Япан», «Япония», «Жапон» и т. п.

Первыми сведениями об этой стране средневековая Европа была обязана венецианскому купцу Марко Поло. Следуя китайскому названию цепи островов, которых

он сам никогда не видел, Марко Поло говорил о «Чипангу», а это означает «страна рождения солнца», что, в свою очередь, свидетельствует о факте местоположения островов восточнее Китая. И когда Христофор Колумб (в пятницу 3 августа 1492 года) отплыл со своими тремя каравеллами от испанских берегов, взяв курс на запад, чтобы открыть морской путь в Индию, он надеялся причалить к Чипангу, которой его соотечественник Марко Поло приписывал сказочные богатства.

А как именовала себя сама страна? До IX и, вероятно, даже до X века она называла себя «Ямато», что означает буквально «Большая гармония». Можно считать, что утвердившееся после X века название «Нихон», или «Ниппон», — это вариант возможных произношений двух китайских иероглифов, обозначающих «день» или «солнце» и «корень», «исток». В сообщениях первых христианских миссионеров, посетивших страну около середины XVI века, она называется «Ниффон», или «Нифон».

Как же называют японцы свою страну сегодня? Этим вопросом 20 июля 1946 года занималась конституционная комиссия, а в августе следующего года — премьер-министр. Ответ всякий раз гласил: «Ниппон» или «Нихон» — решить невозможно, из чего следует, что оба названия одинаково правомочны.

Когда Токио с большим энтузиазмом и с не меньшими финансовыми затратами готовился в 1964 году к XVIII летним Олимпийским играм, вновь возникла проблема наименования страны. Японский олимпийский комитет высказался за «Ниппон».

С тех пор на тренировочных костюмах спортсменов японских национальных команд значится именно это название, изображенное латинскими буквами. Если кто-либо из них одерживает победу, по флагштоку поднимается белый флаг с кроваво-красным солнечным диском. Это, согласно предписанию 1870 года, прямоугольник в соотношении десять к семи, в середине которого размещен круг диаметром три пятых ширины флага. При поднятии флага звучит гимн, начинающийся словами «Кими га йо», что примерно означает «Да продлится ваше господство», под словом «ваше», естественно, подразумевается император.

Некий Франц Эккерт (родился в 1852 году в Силезии), будучи с 1879 по 1898 год дирижером оркестра

японских военно-морских сил, отобрал эту песню из множества других представленных ему японских мелодий и в 1880 году аранжировал ее и переложил для европейских музыкальных инструментов. Однако только в 1955 году в Ниппоне (или Нихоне), то есть в Японии, и затем во всем мире вновь стали привыкать к тому, что «Кими га йо» — национальный гимн, а знамя с изображением солнца — национальный флаг. Но ни в новой конституции, ни в каком-либо другом принятом парламентом законе это не закреплено. В начале семидесятых годов тогдашний премьер-министр пытался положить конец этому «беззаконию», но так и не довел дело до конца. Поэтому, если, например, какой-нибудь авторитетный университет (правда, частный) в Киото, бывшей японской столице, не позволяет на своей территории поднимать флаг и исполнять гимн даже во время официальных церемоний, он не нарушает законов, и прокурор здесь совершенно бессилён.

Кое-кто может возразить, что существует обычное право. Ведь знамя с солнечным диском уже в 1860 году, во время первого путешествия официальной японской делегации в США, было закреплено на борту американского фрегата «Паухэттен» и признано символом Японии, ибо если на носу фрегата развевалось звездное знамя, то на корме — знамя с солнцем. Кое-кто мог бы также заметить, что упомянутая песня еще в 1888 году была объявлена национальным гимном. Это так, однако правовой основы для действующего в настоящее время закона, как говорится, нет. Что же касается поднятия флага с солнечным диском, то оно после войны на несколько лет было запрещено. Запрет был снят только 14 сентября 1948 года. Но даже по истечении тридцати лет многим японцам флаг и гимн, как выяснилось, не пришлись по душе. В самом деле, как иначе истолковать некоторые сообщения в предназначенных для заграницы японских публикациях 1979 года? Там говорилось, что по данным широкого опроса «Японского общества содействия воспитанию» во второй половине 1978 года почти одна треть всех учителей высказалась за пение «Кими га йо» в качестве национального гимна в школах, одна треть отклонила его вообще, а еще одна треть не имела по этому вопросу твердого мнения. За поднятие в школах знамени с солнечным диском высказались приблизительно 19 процентов учителей.

Таким образом, страна не только не знает, как она называется, но и не имеет, по сути дела, ни своего национального флага, ни национального гимна. На первый взгляд это кажется чистой формальностью, однако за этим, быть может, кроется нечто большее. Хотя бы то, что японцы на многое смотрят не так, как мы.

В 1966 году в Японии был учрежден государственный праздник — 11 февраля. Собственно, не учрежден новый, а возобновлен старый праздник. Прежнее название «Кигэн-сэцу» заменили более современным «Кэнкоку кинэн-но хи», однако оба названия означают одно и то же, а именно «День основания империи», ибо якобы 11 февраля 660 года до н. э. первый японский император Дзимму взшел на трон, став тем самым родоначальником царствующей до настоящего времени династии. Статья 1 обнародованной в 1889 году (11 февраля) японской конституции гласит: «Империей Великая Япония правит и осуществляет власть император, ведущий свое происхождение от непрерывно господствующей со времен основания империи династии».

Что же представлял собой император Дзимму? Согласно упомянутой книге «Записки древних дел» 712 года, он должен был приходиться правнуком Ниниги, а тот, в свою очередь, — внуком богини солнца Аматэрасу. После споров и ссор между богами из небесной обители он был отправлен на острова в Тихом океане, точнее, на Кюсю, самый южный из четырех основных Японских островов. Отсюда правнук его Дзимму, то есть прапраправнук богини солнца, начал свое продвижение на север и 11 февраля 660 года до н. э. основал в Ямато Японскую империю.

Однако откуда, собственно, появилась прародительница первого японского императора богиня солнца Аматэрасу — «Великая сияющая, освещающая небо богиня», которой до настоящего времени оказывают величайшее почитание и культ которой отправляют в святилище Исэ, расположенном в живописной местности на берегу маленькой речки Исудзу, все еще славящейся своей хрустально чистой водой? Ее чтут как родоначальницу японской правящей династии и высочайшее божество синтоизма — древнейшей религии Японии. Таким образом, мы снова возвращаемся к божественной чете — Идзанаги и Идзанами или по меньшей мере к Идзанаги, ибо богиня солнца Аматэрасу была... Но отвлечемся не-

надолго, так как миф, приведенный в «Записках древних дел», настолько хорош, что его хочется вкратце пересказать.

Итак, Идзанаги и Идзанами спустились с небес на образовавшийся из водных капель остров. Здесь они возвели небесный столб и свадебный дворец.

«После этого Идзанаги спросил свою спутницу Идзанами: „Как устроено твое тело?“

Она ответила: „Мое тело устроено так, как оно устроено. Но в одном месте будто чего-то не хватает“.

Тогда он сказал: „Мое тело также устроено так, как оно устроено. Но в одном месте что-то выступает. Возможно, оно подойдет туда, где тебе чего-то не хватает. Давай попробуем! Таким образом мы могли бы вдохнуть жизнь в один остров за другим. Что ты об этом думаешь?“

И она ответила:

„Это было бы прекрасно“.

Он сказал:

„Тогда обойди небесный столб справа, а я обойду его слева. Там, где мы встретимся, мы соединимся“.

Так они и сделали. Тогда Идзанами сказала:

„Как ты великолепен, удивительный мужчина!“

Он ответил:

„Как ты прекрасна, чудесная девушка!“

Однако он тут же добавил:

„Нехорошо, что женщина заговорила первой“».

Тем не менее они соединились; однако то, что она производила на свет, нельзя было назвать иначе как ублюдками.

Они пробовали еще раз, но снова ее ребенок — как и первый остров — был уродцем.

«После этого они посоветовались и сказали:

„Ребенок, которого мы произвели, некрасив. Нам следует об этом сообщить богам на небе“.

Тогда они поднялись на небо, чтобы узнать волю небесных богов. Последние обратились к оракулу и объявили:

„Ребенок получился некрасивым потому, что женщина заговорила первой. Спуститесь снова на остров и произнесите свои слова еще раз!“».

Так они и поступили. Теперь он первый обратился к ней, а затем уже она заговорила с ним. Отныне все шло хорошо. Идзанами родила один остров за другим, чис-

лом всего 14, а затем одно божество за другим — всего 35. Но рождение бога огня стоило ей жизни. Опечаленный, Идзанаги похоронил свою спутницу, обнажил свой меч и заколол родное дитя — бога огня. Из этой пролитой крови снова и снова появлялись на свет божества. Охваченный безмерной тоской по Идзанами, Идзанаги отправился на ее поиски и нашел в царстве мертвых. Однако там при виде ее его объял ужас. Он обратился в бегство. Она последовала за ним. Тогда он подвинул к выходу огромную скалу, преградившую ей путь.

«Тогда она сказала:

„Раз ты так поступил, я буду умерщвлять в твоей стране ежедневно 1000 человек!“

Он ответил:

„Если ты это сделаешь, я позабочусь о том, чтобы каждый день появлялись на свет 1500 человек“».

После возвращения из царства мертвых Идзанаги совершил тщательное омовение, и из каждой детали его одежды, из его украшений и из воды вновь появлялись божества.

«Когда же он омыл свой левый глаз, появилось божество по имени Аматэрасу Омиками...» — богиня солнца Аматэрасу, прапрабабка Дзимму-тэнно, родоначальница императорского дома Японии, божество, чье святилище, расположенное в прекрасном Исэ, до сих пор ежегодно привлекает сотни тысяч паломников.

У каждого народа свои мифы, легенды и сказания, и весьма часто царствующая династия ведет свое начало от солнца. Однако вряд ли найдется другой высокоразвитый народ, у которого бы мифы занимали и занимают донныне столь важное место в формировании общественного сознания. Возможно, это объясняется преклонением перед традициями как выражением национального самосознания. Неужели в Японии вопреки наблюдаемым повсеместно высоким темпам жизни традиции отмирают медленнее, чем где бы то ни было? Иностранца это очень удивляет, так как в подобном явлении немало противоречивого. Япония — страна, в которой с давних пор почти все умеют читать и писать, страна, где со ступеней спускаются крупнейшие в мире суда, страна, славящаяся самыми чувствительными электронно-вычислительными машинами...

Исторической наукой в Японии, хоть и не во всех малейших подробностях, освещено поступательное разви-

тие страны начиная с глубокой древности, то есть с того периода, когда на Японских островах еще обитали слоны, и каждому японцу ясно: то, о чем говорилось в конституции 1889 года (о «беспрерывно правящей со дня основания империи династии», с 11 февраля 660 года до н. э.), не что иное, как миф, иначе пришлось бы поверить в то, что некоторые правители достигали возраста по меньшей мере библейских патриархов; кроме того, японские мифы об основании государства обнаруживают поразительное сходство с корейскими. Не следует ломать голову, кто у кого что заимствовал, ибо значительно более развитая культура материковой Азии проникла в самом начале нашей эры в Японию через Корею и потом в течение многих веков оказывала существенное влияние на страну, так что первые ученые в Японии были, вне всякого сомнения, корейцами. Кстати сказать, в XIV веке в течение нескольких десятилетий в Японии существовали два соперничавших императорских дома: один в Киото, а другой в Йосино (сегодня расстояние между ними машина покрывает за час), однако власть их была чисто номинальной.

Летописцы с грустью повествуют о времени, отдаленном от нашего менее чем четырьмя веками, когда некоего правителя долго не хоронили из-за отсутствия денег в казне. Кстати, в Японии всегда управлял страной кто-то другой, только не тэнно (император).

11 февраля — день основания империи — впервые был объявлен государственным праздником лишь в 1873 году, и это положение стало частью той идеологии, которая восходит к началу XVIII века, а с 1868 года возводится в ранг государственной идеологии. Основа этой идеологии коренится в синтоизме — «пути богов», первоначальной и единственной (кроме местных верований) религии Японии, бывшей таковой до той поры, пока в VI веке в страну из Кореи не проник буддизм.

Термин «религия» для синтоизма не совсем верен, ибо по своему происхождению он является скорее культом природы и почитания предков. В нем отсутствует что-либо, напоминающее вероисповедание, догматы и этику, которые существуют в других религиях. Таким образом, синтоизм мог без особых трудностей «заключить брак» с буддизмом, и обе религии более тысячи лет довольно хорошо ладили друг с другом, хотя проникновение буддизма было связано с ожесточенной борьбой за

власть в стране. Ни одна сторона при этом не отличалась разборчивостью в средствах. Огонь и меч служили самыми убедительными аргументами в поединке между соперничающими домами, к числу которых принадлежал и дом тэнно. В 644 году борьба закончилась, и вскоре распри были забыты.

Когда затем, в 743 году, в Наре, тогдашней столице Японии, решили отлить статую Будды высотой около 16 метров и весом 452 тонны (сегодня это самая большая бронзовая скульптура не только в Японии, но и во всем буддийском мире), то предусмотрительно осведомились у богини солнца Аматэрасу в Исэ, не возражает ли она против этого. Она не возражала, вернее, не возражали священнослужители. Богиня не возражала и тогда, когда ей по инициативе одной из буддийских сект был придан облик Будды, вернее, одного из его многочисленных воплощений.

В XVIII веке несколько японских ученых, воспользовавшись необычной политической обстановкой в стране, сделали попытку возродить «чистый синтоизм». Они тщательно дешифровали и всесторонне прокомментировали древние рукописи, чем снискали всеобщее признание. Однако в качестве идеологов они заслуживают упрека, так как явились духовными отцами особой формы национализма, принесшей позднее неисчислимы несчастия и бедствия не только японцам, но и многим другим народам Азии.

Одним из самых выдающихся среди них был Норинага Мотоори (1730—1801). Он внимательно изучил «Кодзики». В 712 году, когда Оно Ясумаро по приказу императора составил эту книгу, она служила лишь одной-единственной цели: доказать законность господства династии тэнно. Норинага принял содержащиеся в древнем письменном памятнике мифы из «эры богов» за историческую правду.

Норинага несколько не сомневался в том, что в Японии прямые потомки богини солнца, отправившие своего внука Ниниги-но Микото на острова, действительно господствовали. Правда, когда Норинага создавал свою теорию, вообще не могла идти речь о господстве в Японии прямых потомков богини солнца, ибо вся полнота власти была сосредоточена с 1603 года в руках феодального рода Токугава, резиденция которых находилась в Эдо — сегодняшнем Токио. Именно оттуда управляли

страной, а не из Киото, где размещался императорский двор.

Немногие европейцы, которым было позволено посетить Японию, после того как в тридцатых годах XVII века истинные правители страны (Токугава) осуществили строгую изоляцию страны, подтвердили это. К ним относится, например, известный немецкий исследователь географии и флоры Японии, а также врач Энгельберт Кемпфер (1651—1716), которому Европа обязана первыми обстоятельными сообщениями о Японии, почерпнутыми из его книги «История и описание Японии». Она, правда, была издана лишь в 1727—1729 годах сначала на английском, затем на голландском и французском языках и только в 1777—1779 — на немецком. Вольтер и Монтескье в значительной мере обязаны своими знаниями о Японии Кемпферу. Представления Виланда, Гёте, Гердера и Канта о Японии также основывались на его книге. Даже братья Гримм позаимствовали оттуда для своих «Детских и семейных сказок» японскую сказку «Ночной мотылек», на сюжет которой Гейне написал стихотворение «Стрекоза».

«В Японии принято, чтобы все высшие чины империи, а также представители Голландской Ост-Индской компании ежегодно один раз посещали императорский двор, чтобы засвидетельствовать императору свое почтение и вручить ему подарки», — отметил в 1691 году в своем дневнике Энгельберт Кемпфер.

Под «императором» здесь, без сомнения, подразумевался представитель рода Токугава, правивший из Эдо под титулом «сёгун», первоначально означавшим высший военный чин, присваиваемый императором. Что же касается «настоящего императора», то у Кемпфера в его дневниковых записях от 17 февраля 1691 года сказано следующее: «Еще в тот же день мы достигли Миако. Город этот является резиденцией дайри, духовного главы японского народа, и изобилует многочисленными прекрасными храмами, монастырями и часовнями, расположенными на склонах с первозданным горным лесом».

Вот и все, о чем Кемпфер поведал нам в своем дневнике о тэнно. Создается также впечатление, что внешний вид города Киото (а именно он подразумевается под названием «Миако», точнее «Мияко», что означает «столица») вызывает у Кемпфера гораздо больший интерес, чем сам император. Вероятно, память о тэнно «из непре-

рывно господствующей со дня основания империи династии» в тот период уже в значительной степени стерлась из общественного сознания, а развитие производительных сил во второй половине XVIII века все настойчивее требовало смены существовавшей социальной системы. Противоречия находили свое выражение прежде всего во все возрастающем недовольстве господством сёгуната Токугава. Но, чтобы начать борьбу с Токугава, необходимо было найти идеологическое оправдание, которое и было представлено Норинага Мотоори и другими учеными того же направления. Ссылаясь на синтоизм, они обосновали божественное право дома тэнно на господство в стране.

События 1868 года, приведшие к низвержению сёгуната Токугава и переходу власти к императору Мэйдзи, известны в японской истории как «Мэйдзи исин», то есть «реставрация Мэйдзи» (в смысле восстановления императора в его исконных правах). А эти права основывались на божественном происхождении дома тэнно, как об этом повествует «Кодзики».

Следствием «реставрации Мэйдзи» явилось то, что синтоизм отныне стал государственной религией. Если, по мнению Норинаги, и прежде не приходилось сомневаться в исторической достоверности древних мифов и легенд «Кодзики», то теперь тем более — малейшие сомнения не допускались.

Однако Норинага Мотоори не ограничился «доказательством» божественного происхождения императора, он пошел дальше. Исходя из того что родина богини солнца — Япония, он сделал вывод, что она стоит выше всех остальных стран планеты, ибо ни одна страна не может существовать без солнца. Самого Норинагу превзошел его ученик Ацутанэ Хирата (1776—1843), который весьма успешно распространял идеи «чистого синто», придав им неприглядные шовинистические акценты. Японцы, говорил он, принципиально отличаются от народов Китая, Индии, России, Голландии, Сиамы, Камбоджи (Кампучии) и всех остальных народов, они их всех намного превосходят.

Согласно статье 3 конституции 1889 года, император считался «священным и неприкосновенным». Но после того как было пролито море крови, 1 января 1946 года император Хирохито объявил своему народу и всему миру: «Я не являюсь воплощением бога». Статья 1 про-

возглашенной 3 ноября 1946 года и вступившей в силу 3 мая 1947 года новой конституции (оба дня были с тех пор объявлены национальными праздниками: 3 ноября под названием «День культуры», а 3 мая — «День конституции») говорит, что «император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей всего народа, которому принадлежит суверенная власть». А статья 20 гласит: «Свобода религии гарантируется для всех. Ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью... Государство и его органы должны воздерживаться от проведения религиозного обучения и какой-либо иной религиозной деятельности».

Тем самым было осуществлено отделение государства от религии. Синтоистские святилища, которые до этого в какой-то мере субсидировались государством, отныне были вынуждены содержать себя сами. Правда, не все они были объединены культом тэнно. Наряду с тэнноизмом и возникшим в XIX веке государственным синтоизмом существовали так называемый народный синтоизм, основанный на древних шаманских культах и поверьях, и сектантский — новые отдельные религии, позаимствовавшие свои догмы из арсенала синтоизма, в том числе из древнейшей книги Японии — «Кодзики».

И прежняя конституция 1889 года формально гарантировала гражданам свободу совести. Статья 28 гласила: «Японские подданные могут пользоваться свободой вероисповедания в той мере, в какой оно не скажется отрицательно на мире и порядке в стране и не будет препятствовать выполнению гражданами своего долга в качестве подданных». Тем не менее посещение синтоистских святилищ было для всех обязательным, ибо, как было объявлено, они якобы не являлись религиозными учреждениями. Подобная двусмысленность уже сама по себе вызывает удивление, однако особенно поражает то, что и в наши дни прибегают к той же аргументации, чтобы обойти зафиксированное в конституции отделение религии, точнее, синтоизма от государства.

Так, в Токио расположено Ясукуни-дзиндзя — святилище, воздвигнутое в память о многочисленных жертвах войны, включая заодно и семь главных военных преступников во главе с генералом и бывшим премьером Тодзио, приговоренных Международным военным трибуна-

лом 12 ноября 1948 года к смертной казни. Святилище служило символом шовинистических и милитаристских сторон синтоизма (своего рода японская Валгалла¹). Теперь оно, по мысли милитаристов, снова должно перейти в подчинение государству, так как якобы не является религиозным центром.

Коренным образом отличается от европейского японское летосчисление. Одно время оно было основано на буквальном понимании синтоистского мифа о восшествии на трон 11 февраля 660 года до н. э. первого японского императора. Этот год был обозначен как первый год японского летосчисления. Так, 1941 год торжественно праздновался как 2600 год со дня основания японского государства. Принятое ныне японское летосчисление производится, как и в средние века, на основе так называемых правительственных девизов, по-японски «нэнго». Введена была эта система в 645 году, когда со дня мифологического основания империи прошло уже почти двенадцать столетий.

По этой системе каждый император мог по собственному желанию в пределах своего царствования установить или изменить государственный девиз. С каждым новым девизом летосчисление начиналось с единицы. Однако лишь с 1868 года стало правилом, чтобы император при вступлении на престол провозглашал девиз, который был бы действителен до его смерти. Когда император Хирохито занял в 1926 году японский трон, он объявил девиз «Сёва» («Сияющий»). 1926 год европейского летосчисления является, таким образом, согласно японскому летосчислению, 1-м годом Сёва, а 1980 год — 55-м годом Сёва. В официальных документах, в том числе и в газетах, да и в повседневной жизни, как правило, пользуются японским летосчислением. Так что имярек, например, родился не в 1933 году, а в 8-м году Сёва. Эта система многое затрудняет, особенно если учесть всевозрастающие международные связи: приходится постоянно прибегать к пересчету многочисленных дат. Поэтому в японских публикациях все чаще встречаются европейские даты или они приводятся рядом в скобках.

¹ Валгалла (Вальхалла) — др.-сканд. Valhöll — чертог мертвых, в скандинавской мифологии — дворец Одина, куда попадают после смерти павшие в битве воины. В ФРГ, близ Регенсбурга, есть пантеон славы, называемый Валгалла, с изображениями выдающихся деятелей Германии (*здесь и далее — примеч. ред.*).

Но тот, кто, руководствуясь этой системой, захочет сориентироваться в японской истории, сталкивается с немалыми трудностями. Он должен постоянно иметь под рукой хронологическую таблицу, ибо кто в состоянии запомнить точную последовательность и продолжительность всех 262 государственных девизов, существовавших с 645 года по сегодняшний день? Несмотря на неудобство этой системы, нечего и думать, что ее упразднят в обозримом будущем. В 1979 году японский парламент принял закон, закрепивший ее на ближайшее будущее.

Хотелось бы подчеркнуть, что все это время речь шла не о кажущейся странной нерешительности японцев в вопросе, как назвать свою страну, не о государственных символах — национальных гимне и флаге, не о мифе, касающемся основания государства в 660 году до н. э. и провозглашения дня 11 февраля праздником, не о Ясукуни-дзиндзя в Токио и своеобразной системе летоисчисления в Японии, — во всяком случае, не только об этом. Все эти факты можно было бы заменить многими другими, хотя и не любимыми. Речь шла о самобытности, о том, что люди, живущие в иных, чем мы, широтах, мыслят по-другому, поэтому, чтобы лучше понять их, надо бросить взгляд в глубь истории.

Фактор географических расстояний играет на нашей планете все меньшую роль. С тех пор как был подписан договор о воздушном сообщении между СССР и Японией (13 февраля 1969 года) и тем самым установлена самая скоростная связь между Европой и Японией, можно пообедать в Токио, а поужинать в Берлине. От разницы во времени выигрываешь семь или восемь часов. Правда, эти часы добавляются при обратном полете.

Если четыре столетия назад подход к японским берегам таил для европейцев большие опасности и каких-нибудь двадцать лет назад лететь через юг Азиатского континента в громоздком самолете, взявшем курс на Токио, было нелегким делом, то сегодня путешествие в Японию не назовешь ни рискованным, ни утомительным. Время, которое требуется самолетам на преодоление бескрайних далей континентов и морей, все сокращается. 6 апреля 1937 года впервые стартовал самолет японского производства из Тасикавы в Лондон. Ему присвоили многозначительное название «Камикадзе» («Божественный ветер»), что несколько лет спустя стало синонимом

смерти. Продолжительность полета — 94 часа 17 минут 56 секунд, из них чистого полета — 51 час 19 минут 23 секунды. Сегодня расстояние между этими городами преодолевается всего за 12 часов.

Чувство расстояния в наше время постепенно теряется. Неспешная поездка сменилась стремительным полетом; резкая смена одного континента другим, одной культуры другой стала обычной. Как же относится к этому сама Япония, то самое островное государство, для которого в течение столетий весь мир (за исключением соседних государств на континенте) был бесконечно далеким и которое остальному миру, после того как он открыл это государство, казалось также бесконечно далеким? А оно неожиданно проложило мосты, правда, лишь воздушные, ведущие во все страны света, которыми ежегодно пользуются около 4 миллионов японцев (в 1981 году — 4,01 миллиона). Исходя из статистических данных, каждый пятый японец к настоящему времени побывал за границей. Число путешественников в обратном направлении, несомненно, меньше, но и оно не так уж мало (в 1981 году — 1,58 миллиона, на 20 процентов больше по сравнению с предыдущим годом). Но возникает вопрос, углубило ли наведение мостов взаимопонимание между народами?

В 1944 году, во время социологического опроса в США на предмет того, что американцы знают о Японии, 50 процентов опрошенных ответили, что им лишь известно, будто половина всех японцев умеет читать и писать. Сегодня результат подобного опроса оказался бы в любой стране совершенно иным. В наше время знают друг о друге гораздо больше. Спрашивается, однако, насколько эти знания соответствуют действительности? Вопрос этот следует задать обеим сторонам, и скорее всего окажется, что Япония знает об остальном мире значительно больше, чем остальной мир о Японии. Чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть хотя бы в школьные и вузовские учебники.

В начале лета 1976 года японский министр иностранных дел посетил несколько европейских стран. По возвращении собравшиеся на токийском аэродроме журналисты задали ему вопрос: «Господин министр, ваше главное впечатление о поездке?» «Европейцы нас не понимают!» — гласил краткий ответ. Возможно, и не следовало придавать такого большого значения этим сло-

вам, если бы они не произносились в Японии слишком часто. «Вы нас все равно не понимаете!» — слышишь повсюду. Не так уж редко в Японии не считают нужным прислушаться к разумным доводам со стороны, а чужеземцу, если он придерживается другого мнения, без обиняков объявляют, что тот не имеет никакого представления о стране, не понимает ее и никогда не сможет понять, на что ему подчас хочется задать вопрос, много ли сделала сама Япония, чтобы быть понятой? Однако взаимные упреки, как известно, не способствуют пониманию.

Но, может быть, эта страна в самом деле трудна для понимания? Несколько лет назад некий француз написал книгу, ставшую даже в Японии бестселлером. В ней, в частности, сказано: «Японцы не думают о вчерашнем дне, не подвержены привычкам. Они думают о дне завтрашнем». Возможно, но неужели все японцы страдают неоманией, все 120 миллионов? Затем появился другой европеец и пустился в поиски «истинной» Японии. Его книга в свое время также завоевала большую популярность. Он утверждал, что истинную Японию представляют вовсе не Токио и Осака (странным образом он добавил к ним Киото — древний город императоров и единственный крупный центр Японии, не разрушенный войной и потому сохранивший, хоть и частично, облик типично японского города), истинную Японию можно найти в районе Тохоку, малоразвитого северо-востока главного острова Японии. Люди здесь совершенно другие, а самое главное: туда еще не проник туризм.

Что же представляет собой «истинная» Япония? Япония трехсотлетней, столетней или пятидесятилетней давности? Не та ли это Япония, которую любовно, романтично и идиллически изобразил в своих многочисленных книгах умерший в 1904 году писатель греко-английского происхождения Лофкадио Хирн, проживший полтора десятка лет в Японии и принявший японское подданство? Его книги вплоть до тридцатых годов в значительной степени влияли на создание образа Японии как в Америке, так и в Европе. Переведенные на многие языки и доступные по цене, они заполняли не один книжный шкаф и библиотеку. Их еще и сегодня можно приобрести в Японии по сходной цене. Выходит, что взгляд Хирна на Японию до сих пор продолжает влиять на представление о ней в англоязычных странах. При не-

котором благодущии его описание Японии можно охарактеризовать как изображение волшебного царства, хотя на самом деле оно — не что иное, как прискорбное искажение действительности.

Однако экзотически-романтическая завеса, сотканная с большим старанием (порой не без содействия самих японцев) европейской буржуазией, уже обветшала. Ей давно пора быть выброшенной на свалку истории. Но кое-кто все еще не желает отказываться от этих устаревших представлений. Почему в Европе упорно не хотят расставаться с подобным образом Японии?

Что же представляют шумные крупные города, такие, как Токио и Осака, с их огромными высокопроизводительными промышленными предприятиями, если не истинную Японию наших дней? Что скрывается за демонстрациями, за забастовочной борьбой рабочих, если не истинная Япония? Разумеется, несколько отрешенный от мира самый северо-восточный район главного японского острова с его сдержанными, трудолюбивыми и скромными людьми — также часть «истинной» Японии сегодняшнего дня.

Поэт Кэндзи Миядзава, который, не считая нескольких посещений Токио, никогда никуда не выезжал и провел свою полную лишений жизнь в уединенной сельской местности, написал в 1931 году стихотворение, полюбившееся большинству японцев, хотя молодежь относится к нему уже иначе. Приведем его подстрочный перевод:

Перед дождем и
бурей не следует сгибаться.
Надо пренебрегать снегом и зноем.
Надо быть здоровым телом,
свободным от страстей,
всегда улыбаться,
есть неочищенный рис,
но съедать не более четырех мисок в день
с рыбой и овощами.
Надо наблюдать за всем непредвзято,
внимательно все выслушивать,
пытаться понять
и не забывать.
В тени соснового бора
иметь пристанищем
крытую камышом хижину.
Если на востоке заболел ребенок,
иди к нему и выхаживай его.
Если на западе живет уставшая мать,

иди к ней и помоги ей нести вязанку риса,
Если на юге умирает человек,
иди к нему и избавь его от страха смерти.
Если на севере люди ссорятся и жалуется
друг на друга в суде,
скажи им: Прекратите!
Это безрассудство.
Проливать слезы во время засухи,
странствовать в печали в холодное лето,
не удостоившись ни от кого похвалы, но
никому не доставляя огорчений,—
таким человеком
я хотел бы быть.

При всей своей любви к поэту, к его простым, трогательным стихам я, однако, должен сказать, что и это не «истинная» Япония. Только частица ее. Равно как и скрытые горами прекрасные храмы или завоевавший мировую известность кукольный театр, или напоминающие больше священнодействие спектакли театра ноо, или цветная ксилография художников Утамаро, Сяраку, Хокусая и Хиросигэ, которым европейское искусство со времен Моне, Дега и Ван Гога обязано многим.

Чтобы понять Японию, необходимо проникнуться ее своеобразием, самобытностью, но и Япония должна понять Европу. Японцы часто упрекают европейцев в индивидуализме и ставят при этом между ним и эгоизмом знак равенства. Эгоцентрическое мышление, утверждают они, в Японии отсутствует или выражено крайне слабо. Эта точка зрения коренится в разных направлениях общественного развития, в разных духовных традициях и исходя из этого может быть довольно просто истолкована. Но ведь из своего менее выраженного эгоизма японцы делают вывод о моральном превосходстве. В то же время, противореча самим себе, они жалуется на то, что из-за живучести феодальных пережитков в японском обществе, особенно ощутимых в семейных отношениях, их «я», индивидуальность, неповторимость личности не могли раскрыться по меньшей мере до конца войны.

А как ведет себя другая сторона? О какой безмерной заносчивости и потрясающем невежестве свидетельствует, например, бесцеремонное сообщение о Японии, опубликованное 31 марта 1979 года в одной западногерманской газете со ссылкой на Европейское экономическое сообщество. «Это страна людей,— говорилось в статье,— одержимых работой, а жилища их, по западным представлениям, не что иное, как клетки для кроликов».

Недопустимо, чтобы одна сторона мерила другую сторону только своими мерками и возводила собственное мнение в принцип. Речь может идти только о понимании, а не о взаимных упреках и стремлении доказывать свое превосходство. Однако и неоправданные восторги также не будут содействовать взаимопониманию. Экзальтированный поклонник Японии даже не представляет, что оказался жертвой самовосхваления определенных японских кругов и своими заявлениями о «необыкновенной японской душе», об «эстетической утонченности японца» и тому подобном способствует чему угодно, но только не лучшему пониманию страны. Необходимо, повторяю, распознать своеобразие другой стороны, объяснить его, возможно, даже демистифицировать и в конце концов признать. Так уж получилось, что вплоть до наших дней почти отсутствовали точки соприкосновения между японской и нашей, европейской, историей. Поэтому европейцу многое в Японии казалось долгое время иным, непривычным, и все своеобразие этой страны для него сводилось к экзотике. Отсюда возникали ставшие уже стереотипными представления, которые и сегодня находят отклик, о чем убедительно свидетельствуют рекламные афиши и почтовые открытки.

Можно вполне отказаться от упоминания горы Фудзи, замечательно правильного конуса вулкана, все снова и снова воспеваемого и репродуцируемого; можно не восторгаться цветением сакуры — древним символом красоты японского ландшафта; можно не упоминать живописные кимоно, грациозных гейш и презирающих смерть самураев, дабы избавиться от упрека в приверженности к стереотипам. И без всего этого достаточно материала, способного заинтересовать (или напугать) читателя.

Стоит хотя бы заглянуть в японскую кухню и обратить внимание на рыбу-шар, которую японцы едят в сыром виде. Это блюдо здесь называется «фугу» и обозначается иероглифом «речная свинья», хотя рыба-шар — морская. «Фугу» считается деликатесом. Рыба эта очень ядовита. Повара, которые готовят ее, должны иметь диплом об окончании школы «фугу», поэтому ее рекомендуется только в специализированных ресторанах, где работают повара, квалифицированно удаляющие ядовитые части рыбы. Тем не менее нередко рыба-шар жестоко мстит за себя и становится причиной преж-

девременного ухода гурмана из жизни. Так, в 1975 году подобная участь постигла одного знаменитого актера, о чем немало писала японская пресса. Но, похоже, даже смертельные исходы не сдерживают любителей экзотики.

Можно остановиться и на менее опасных вещах, например на «кобэ-биф» (если позволяет бумажник). Эта нежнейшая «говядина из города Кобэ» получается в результате откармливания крупного рогатого скота остатками продуктов пивоварения. Кроме того, «животных ежедневно массируют под музыку Моцарта,— писала одна японская газета,— чтобы жир равномерно распределялся между мышечными волокнами».

От кухни можно перейти в другие сферы жизни, например в область языка, и найти там очень много своеобразного и необычного, но о нем речь пойдет в специальной главе.

Все это — часть сегодняшней японской действительности. И Фудзи, и цветение сакуры, и кимоно, и гейши... Только самураев больше нет. Во всяком случае, время древнего самурая, вооруженного двумя мечами — длинным и коротким,— давно миновало, и надо надеяться, что время нового самурая, для которого меч служил лишь символом и который предпочитал пользоваться достижениями военной техники, тоже миновало.

Что касается японской кухни, то для японца она так же обычна, как для нас наша. А кто отважился бы исключить японский язык из жизни японского народа?

Тот, кто хочет во всем видеть лишь одну экзотику, а не часть обыденного в Японии, не выходящего за пределы нормы, а также кто намерен лишить все это его естественных связей и свести к чему-то необычайному, впадает в иллюзию и поступает (сознательно или неосознанно) нечестно по отношению как к тому, для кого пишет, так и к тому, о ком пишет. В итоге создается односторонняя или безнадежно искаженная картина, наподобие той, какую так едко высмеял уже в 1949 году в одном из своих стихотворений Ику Такэнака:

Фудзияму мы продаем,
Миядзиму мы продаем,
Никко мы продаем,
Ниппон продаем,
Наруга Исо —
все для продажи.
Пожалуйста, пожалуйста, приходите,
посмотрите.

Мы довольно потираем руки.
Мы улыбаемся.
Все японцы покупают машины.
Все японцы любят зажигалки.
Все японцы — хорошие садовники.
Все японцы поют шлягеры.
Все почтительно кланяются.
Все тихи и скромны.
Да, это так.

СКОЛЬКО ЛИКОВ У ЯПОНИИ

Приятно бывает в задушевной беседе с человеком одних с вами вкусов беспечно поболтать о чем-нибудь интересном и о разном вздоре. Когда же нет такого человека, а собеседник обеспокоен лишь тем, чтобы не перечить вам в какой-нибудь мелочи, появляется чувство одиночества.

Кэнко-хоси. Цурэдзурэгуса (Записки от скуки)

Февраль 1972 года. Высоко над траверсами конькобежного стадиона в Макономае в огромной асимметричной впадине впервые в Восточной Азии полыхает огонь XI зимних Олимпийских игр. Перерыв между соревнованиями каждый гость с удовольствием использует для прогулки по олимпийскому городу Саппоро, и не в последнюю очередь чтобы приобрести какой-нибудь подарок для своих домашних. Многих тянет, как и год назад, когда они были приглашены в Саппоро на генеральную репетицию зимних игр, на Тануки-кодзи (Пассаж барсука) — торговую улицу недалеко от центра.

За тот год произошло много изменений. В том числе был закончен первый отрезок будущей линии метро для нового миллионного города. Одновременно с этим отрезком, соединившим Олимпийскую деревню с центром города, появилась подземная торговая улица. Таких улиц в японских крупных городах за последние десятилетия становится все больше. Здесь можно не только все приобрести — от цветного телевизора до золотых рыбок, от войлочных домашних туфель до кимоно, от губной помады до украшений из жемчуга, — но и уютно посидеть под тихое журчание искусственного водопада за чашкой крепкого кофе или полакомиться национальными блюдами японской кухни, например ломтиками сырой рыбы, сырым мясом моллюсков, различными видами морских трав, и запить все это глотком сакэ — японской рисовой водки, или «Саппоро-биру» («пивом Саппоро»), которому многие отдавали предпочтение перед другими сорта-

ми японского пива, так как оно якобы в течение многих десятилетий варится по баварским рецептам.

Несмотря на то что в городе была новая, с иголки, сверкающая чистотой утепленная крытая торговая улица, называемая «депато», или «департамент стор», откуда к тому же можно было, не замочив ноги, попасть в два крупнейших универмага Саппоро, Пассаж барсука со своими многочисленными маленькими магазинчиками оставался для приезжего главной тритягательной силой, хотя сквозь покрытие, натянутое над торговыми рядами, то и дело за воротник посетителя падали холодные капли растаявшего снега, и он не был уверен, что не переплатил за покупку несколько йен. В Пассаже барсука гостя охватывало чувство человеческой близости в отличие от слишком стерильной, безликой атмосферы интернациональных универмагов подземной торговой улицы.

Посетители видели то закутанную с головой старушку, сидящую на корточках перед половинкой бидона, в которой тлели древесные угольки и жарились кукурузные початки, то не привыкших к чужеземным лицам детей, бросавших на них недоверчивые, но чаще робкие взгляды. Один из них набрался храбрости и обратился ко мне со словом «sign» — «автограф» (это английское слово, очевидно, все знают), протянув на некотором расстоянии тетрадь и карандаш, чтобы затем с благодарной и счастливой улыбкой сразу исчезнуть. Посетители слышали хотя и дружелюбные, но вместе с тем несколько ироничные реплики продавцов, которые думали, что иностранец их не понимает. Создавалось впечатление, что эти реплики отпускались с целью произвести впечатление на окружающих. На «депато» подобное немислимо. Там с клиентом обращаются очень учтиво и предупредительно, даже, может быть, слишком предупредительно, но довольно холодно. Возле эскалатора стоит девушка в белых перчатках, в нарядном голубом костюме, с лицом, похожим на маску от наложенной косметики, и с неизменной рекламной улыбкой. Согласно сообщению одной японской газеты, девушка кланяется 2560 раз в день, произнося звонким голосом: «Ирассяймасэ!» («Добро пожаловать!»). Или, пригласив подойти поближе, скороговоркой перечисляет все, что можно купить этажом выше. Если и обращаешь внимание на эту девушку, то только потому, что при первом взгляде на нее задаешься

вопросом, а не стоит ли у эскалатора искусно сконструированная механическая кукла — настолько отлажены движения и интонация девушки. Такой сервис, правда, не во всех универмагах Японии.

После открытия в 1904 году первого универсального магазина в Токио их число, по данным 1977 года, достигло почти 240. Хотя в общем объеме торговли страны эта цифра составляла лишь 0,02 процента, в розничном товарообороте их доля занимала целых 10 процентов.

Два раза в году — в июле и в декабре (по десятым числам) — для универсальных магазинов наступают торжественные дни. В эти дни рабочим и служащим выплачивается знаменитое «бонасу» (бонус — единовременное денежное вознаграждение, которое ничего общего не имеет с премией и которое в зависимости от прибыли предприятия на данный период иногда достигает суммы заработной платы за несколько месяцев). Согласно традиции, в середине и в начале года японцы делают друг другу подарки и дарят, как правило, не такие, как в наших широтах, вещи, вызывающие у того, кому они предназначены, подчас недоумение, поскольку он не знает, что с ними делать. Японцы более практичны и преподносят друг другу что-либо съедобное или какой-нибудь напиток, необязательно слишком дорогой, или вещь, тоже не очень дорогую. Но что бы это ни было, оно всегда весьма искусно упаковано. Последний «доск» наводится на упакованный во множество коробок и завернутый в красивую бумагу подарок с помощью «мидзухики» — маленькой связки тонких бумажных лент — с одной стороны белого, с другой — красного цвета; подарок перевязывается таким образом, чтобы красный цвет был снаружи, а белый внутри. В особо торжественных случаях «мидзухики» бывают золотого или серебряного цвета. Подарки же по случаю траурных событий перевязываются черно-белыми или бело-серебристыми лентами.

Если подарок предназначен не соседу, которого и без того одаривают чаще других, ибо, как гласит японская пословица, «хороший сосед ценнее далекого брата», то дарящий не принесит подарок в дом, а идет в самый лучший универмаг, выбирает вещь, оплачивает ее, указывает адрес, остальное (доставку и вручение подарка) берет на себя универмаг; он же может послать подарок за границу.

Наступает первая неделя декабря. В торговых цент-

рах из громкоговорителей непрерывно, до пресыщения, раздаются рождественские песни самого разного происхождения. Само собой разумеется, повсюду — снаружи и внутри универсальных магазинов — стоят рождественские елки, естественно, пластмассовые. Однако, за исключением весьма немногочисленных верующих христиан, ни один человек в Японии не испытывает эмоциональной привязанности к Рождеству. Невозможно избавиться от впечатления, что оно существует здесь единственно для оживления торговли. Чтобы еще больше повысить заинтересованность в покупке, по воскресеньям устраивают не только «sale» — распродажу по сниженным ценам, но и «big sale» — «большую распродажу». (Социологи пришли к выводу, что английские или вообще иностранные слова усиливают воздействие рекламы на человека.) Распродажа имеет место не только в предрождественский период, но и в течение всего года, особенно по воскресным дням, которые в крупных городах являются днями семейных покупок. Хорошо информированные лица уверяют, что часть товаров производится исключительно для распродажи. Эти товары, особенно выпускаемые текстильной промышленностью, более низкого качества, но покупатель не может сразу это определить.

В то время как в предрождественские недели на верхних этажах универсальных магазинов вокруг стендов с тканями толпятся женщины, на первом и втором подземных этажах, где торгуют продовольственными товарами, публика не столько покупает, сколько пишет. Повсюду выставлены красочные образцы упаковок, разложены бланки, которые следуют заполнить.хлопоты клиента сводятся лишь к тому, чтобы сделать выбор из множества упаковок. Система эта работает безукоризненно, как и многое другое в Японии, она доведена до совершенства. Чужестранец недоумевает, ему хочется задать вопрос, почему японцы отказывают себе в радости, которую обычно испытываешь от вручения подарка собственноручно? Но разве имеет право чужестранец на подобные вопросы? Не пытается ли он свои представления о духовных ценностях переносить на жизнь другого народа?

Подарки в Японии делают по любому поводу, но иногда это обязывает получателя ко многому, и дарящий даже не считает нужным скрывать, что рассчиты-

вает на особые услуги. Здесь, конечно, не всегда применимо слово «подкуп», и получивший подарок, как правило, делает встречный подарок, стоимость которого должна быть ниже стоимости полученного. Разница компенсируется благодарением, которое зависит от статуса того, кто преподносит подарок, и того, кто его получает. Дарят все и всем, и все остаются в конце концов довольны, так как никто не дарит ненужные вещи. И все же в Японии бытует выражение: нет ничего дороже, чем то, что получаешь бесплатно.

Если кто-нибудь на несколько дней уезжает из Токио в другой район страны, то оттуда обязательно привозит своим близким подарки, чаще всего какое-нибудь изысканное кулинарное изделие местного производства.

Если же не удалось купить его там, не беда: под Центральным вокзалом в Токио, где целый километр занимает лабиринт торговых рядов, можно приобрести, разумеется в фирменной упаковке, любое кулинарное изделие, которыми славятся отдельные префектуры Японии.

Тот, кому посчастливилось остановиться в одной гостинице со школьниками старших классов или понаблюдать за ними во время загородной экскурсии, станет свидетелем, как девушки, весело болтая и хихикая, обсуждают купленные ими традиционные подарки. За границей японские туристы веселой толпой отправляются в магазины за подарками. Ничто так сильно не разочаровывает их, как неудача в подобном деле. Если японец не может найти для подарка ничего подходящего, он чувствует себя «сабиси» — слово, обозначающее такое множество эмоций, что с трудом поддается переводу. Основной смысл: «одинокий», «покинутый», «печальный» и все, вместе взятое. Подарок — это «удостоверение», что ты посетил ту или иную страну, но, главное, вещественное доказательство того, что и на чужбине ты не забывал о своих близких и друзьях. Черта сама по себе не такая уж необычная и вовсе не сугубо японская; для японцев лишь свойственно проявление настойчивости и целеустремленности, с которой осуществляются покупки и оформление подарка.

Вручение подарка сопровождается словами, что он не имеет никакой ценности. Точно так же как японская хозяйка приглашает гостя к столу, говоря: «Извините, что так скромно, но...». На самом же деле и подарок имеет

цену, и стол отнюдь не скромнен, а, напротив, весьма обилен. И то, и другое — лишь форма извинения и означает, что ты очень старался, но не знаешь, доставит ли твой подарок (или угощение) радость и удовольствие.

Однако со временем в подобных обычаях стало кое-что меняться. Так, в Токио, наименее консервативном городе страны, над человеком порой потешаются, если он при вручении подарка обращается с заранее заготовленной фразой. Токийцы вообще по своему образу мысли несколько отличаются от остального населения страны: они более находчивы и независимы, непосредственны в общении, менее сложны и официальны.

Если тебя пригласили в японский дом на обед, что для иностранца большая честь, бери с собой подарок. От принятых у нас цветов можно (но не нужно) отказаться, лучше взять что-нибудь из еды или напитков, как принято в Японии. В ответ хозяйка завернет вам кое-что из оставшегося угощения. Это немало вас удивит, но отказываться не следует. После больших торжеств, например свадьбы, в Японии никто не возвращается домой с пустыми руками. Как упаковка, так и вручение подарка требуют настоящего искусства. Иностранцу трудно во всем разобраться, но пусть это его не беспокоит, — японцы и не ждут, чтобы он неукоснительно следовал японским традициям (здесь проявляют большую терпимость, чем в других странах). Если бы он даже попытался следовать всем нюансам в японских церемониях, то все равно потерпел бы неудачу. Начинаются они, как правило, с поклонов при встрече, затем — сидением на полу с поджатыми или скрещенными ногами (мужчины обязаны соблюдать эту позу только в особо торжественных случаях, женщины же — всегда), прощание также сопровождается поклонами.

О сидении, которое теперь в ресторанах японского стиля и в квартирах облегчается опорой, подставляемой под спину сидящего, у меня остались не самые приятные воспоминания.

Однажды верховный священнослужитель согласился принять меня для беседы в одном буддийском монастыре. Сидеть, естественно, пришлось на плоской подушке в традиционной позе с подогнутыми ногами. Через полчаса начавшиеся были мучительные боли в ногах исчезли, но я перестал их чувствовать: ноги будто омертвели. Когда собеседник, говоривший со мной больше о мирских де-

лах, чем о боге, и обнаруживший прекрасную осведомленность по очень многим житейским вопросам, предложил мне наконец устроиться поудобнее, то есть скрестить ноги, я решил воспользоваться советом, но тщетно. Еще через полчаса беседа была окончена и я почувствовал себя счастливым лишь оттого, что не нужно было вставать на ноги, ибо покидать помещение следовало ползком на коленях. Дверь отсутствовала, имелся только лаз, через который, распрямившись во весь рост, пройти невозможно. Когда я наконец очутился на свободе, то долго не мог встать на ноги.

С 1953 года у мелкого торговца «за углом», а также у японского «депато» появился мощный конкурент в лице «супа» — супермаркета, который особенно удобен для тех, кто не владеет японским языком, ибо, по официальному определению министерства торговли и промышленности, «является учреждением самообслуживания, где покупатель сам выбирает товар, кладет в корзину и при выходе оплачивает». В середине семидесятых годов в Японии имелось 66 торговых рядов, включающих 2100 супермаркетов. Их доля в обороте розничной торговли почти достигла доли «депато», однако на них приходилось лишь около одной пятой всего оборота розничной торговли. Остальное распределено по многочисленным магазинчикам, определяющим как прежде, так и теперь внешний облик многих районов не только Токио, но и других городов, особенно вблизи вокзалов, наземных железнодорожных станций и метро. Своим многообразием и пестротой они производят неотразимое впечатление на иностранца. Это магнетическое воздействие исходит не в последнюю очередь от иероглифов, обыденный смысл которых иностранцу недоступен.

Пестрым и разнообразным был и Пассаж барсука в Саппоро, который, однако, привлекал нас как раз своей заурядностью, повседневностью. Мы бесцельно бродили между его торговыми рядами, когда кому-то из нас внезапно пришло в голову поискать грампластинку с записью одного из вариантов южноамериканской песни под названием «El condor passa» («Орел пролетел»). Нам сразу же удалось отыскать ряды грампластинок, и я попытался объяснить продавщице, что нам нужно. Однако я не знал, под каким названием эта песня известна в Японии и как перевести на японский язык слово «condor». Вдобавок ко всему наши вокальные способности

отнюдь не позволяли нам спеть эту песню. Продавщица, улыбаясь в типично японской манере, склонила голову набок, что должно было означать растерянность, но тут же на ее лице появилась другая, спасительная улыбка. Бесконечно извиняясь, она достала со стеллажа пластинку. Песня была найдена, я же на всю жизнь запомнил, как по-японски будет «condog» — всего-навсего «кондору». Но почему продавщица извинялась перед нами? Не потому ли, что покупатель считается «королем»? «Окякусама ва камисама дэс» («Покупатель — божество»), — говорят в Японии. Правда, это выражение появилось впервые лишь в конце 1972 года. Продавщица просила прощения за то, что плохо помнила название всех пластинок! Для меня этот случай послужил поводом лишний раз поразмыслить над японской улыбкой, которая подчас характеризовалась как «зловещая», а также над японской учтивостью, о которой многие говорили, что она лишь внешнее проявление вежливости и даже пережиток феодальных отношений.

В начале зимних Олимпийских игр я ехал в метро, напротив меня сидел маленький, лет пяти-шести, мальчик со своей мамой и украдкой меня разглядывал. Неожиданно он выпалил: «Мама, сорэ ва гайдзин да!» («Мама, иностранец!»). «Дзин» означает «личность, человек», «гай» — «извне». «Гайдзин» в сегодняшнем разговорном языке употребляется для обозначения любого иностранца и не содержит ничего враждебного или унижительного, но все-таки в нем есть какая-то доля неприязни. В литературных произведениях XIII—XIV веков это слово толковалось иногда как «враг», «противник», который необязательно должен был прийти извне, и под ним подразумевался кто-то, кто находится снаружи, «ёсомоно» — чужой, не принадлежащий к собственной «группе», то есть не являющийся ни «накама», ни «ути-но моно», к которым относится любой член семьи или человек из домашнего окружения, школы, предприятия, то есть своей группы. Что касается «гайдзин», то его могут принимать и обращаться с ним весьма вежливо и даже сердечно, но «накама» он не станет. Разумеется, и в этом правиле есть свои исключения: привязанность японца к «гайдзин» может быть так же глубока, как к «накама», ибо при всем кажущемся единообразии по внешности и в манерах поведения не все японцы одинаковы, как неодинаковы все «гайдзин».

Когда малыш произнес это слово в метро, меня оно несколько не озадачило. Помнится, события развивались дальше так. Не успел малыш закончить фразу, как мать тихо, но весьма решительно одернула сына, сказав: «Гайкоку-но о кякусама на но ё!» («Это гость из-за границы!»). Притом слово «о кякусама» («гость») было произнесено столь учтиво, что не поддается переводу. Передать его как «почтенный гость» было бы неточно, ибо прозвучало бы несколько иронично. Я поневоле улыбнулся, мать в ответ также улыбнулась (хотя было ясно, что она испугалась) и стала что-то шепотом объяснять малышу. Затем она замолчала, а потом все время упорно отводила глаза в сторону, а ребенок стал разглядывать меня с еще большим любопытством. Вероятно, он никак не мог понять, что «гайдзин» — «человек извне», который внешне не похож на японца, обязательно должен быть «посторонним».

Это произошло в феврале в 30 километрах от Саппоро, в Дзодзанкэе, небольшом местечке, славящемся своими горячими минеральными источниками. Во время Олимпийских игр они пользовались большой популярностью, так как можно было купаться в бассейнах с водой разной температуры (и едва теплой, теплой и, в нашем понимании, очень горячей). Японцы даже для повседневного купания предпочитают воду, кажущуюся нам невыносимо горячей. Приняв такую ванну, можно было расслабиться, любуясь через большие окна покрытыми снегом горными склонами.

Однажды после переговоров с администрацией отеля по поводу вечернего купания и последующего ужина для большой группы туристов у меня оказалось несколько свободных часов, и я отправился побродить по снегу, пока не набрел на маленький храм, вплотную примыкавший к крутой горе. К стене была прикреплена плита, повествующая об истории основания деревни.

В 1874 году, сказано там, японцам, появившимся в этой суровой местности (освоение Хоккайдо — второго по величине из четырех главных японских островов с площадью 79 тысяч квадратных километров — началось лишь в прошлом веке, но особенно интенсивно оно осуществляется в наше время), коренные жители, айны, поведали о чудодейственных источниках, целебные свойства которых они проверили на оленях, наблюдая, как быстро заживали в воде их раны.

Во время прогулки я встретил троих мальчиков, на пару лет постарше, чем мой недавний знакомый в метро. Несколько удивленно оглядев меня, они принялись непринужденно болтать между собой. Я попытался вмешаться в их разговор.

— Гм, похоже, он нас понимает,— заметил один из мальчиков.

Мы немного побеседовали. Я отвечал на их вопросы, но больше расспрашивал сам и вскоре знал о них почти все. Одному из них вопрос о «гайдзине», как мне показалось, был не совсем ясен. Возможно, он впервые в жизни встретился с «человеком извне». Вдруг мальчик спросил:

— Ты понимаешь по-японски?

И это после того, как мы более получаса говорили на этом языке. Я вновь тогда вспомнил мальчика в метро и его мать. Почему она тогда одернула сына? Не потому ли, что в те дни все жители Саппоро чувствовали себя гостеприимными хозяевами?

Здесь же, в Саппоро, со мной произошел еще один случай. После театрального представления в заново отстроенном городском павильоне я стоял в фойе среди друзей из Токио — театральных деятелей. Мы обсуждали, как лучше провести вечер. Ко мне подошла девушка лет шестнадцати-семнадцати, — возможно, ученица старших классов средней школы. Она беспрерывно кланялась и говорила тихо, нерешительно. Вначале я никак не мог понять, что ей нужно и потому стал оглядываться, ища помощи. Постепенно до меня дошел смысл ее слов: она просила прощения. Но за что, ради всего святого?! Оказывается за то, что уважаемые гости из дальних стран должны были претерпевать столько неудобств, ибо не все получилось так хорошо, как того хотели жители Саппоро, пригласившие гостей. И она протянула мне красочный плакат-рекламу о выставке резьбы по дереву, которую я уже несколько дней назад посетил, получив истинное удовольствие, и прежде чем я успел поблагодарить девушку и заверить ее, что о неудобствах не могло и не может быть и речи, что, напротив, мы глубоко тронуты оказанным нам гостеприимством, она исчезла.

Что было в душе у девушки, не знаю. При всей спонтанности ее поведения оно тем не менее было тщательно продумано. Я был поражен и даже тронут, а мои

японские друзья, которые присутствовали при этом разговоре, делали вид, что это так и должно быть.

В августе 1958 года, во время моего первого краткого пребывания в Японии, мне хотелось проверить на деле все, о чем я узнал и прочитал о ней, о чем мне рассказал учитель. И все равно меня подстерегали неожиданности. Вот одна из них, возможно не столь существенная, но достаточно типичная для Японии. Мне говорили, что сакэ пьют теплым из маленьких фарфоровых чашечек. Первое в своей жизни сакэ я заказал в небольшом баре на знаменитой Гиндзе (это не улица, как я думал, а целый квартал), и мне вскоре подали наполненный почти до краев стакан величиной с кружку для полоскания зубов. Откуда мне было знать, что его содержимое было сакэ! Вспомнив выдержку из опубликованной в 1912 году книги Бернхарда Келлермана «Прогулка по Японии» (к большому сожалению, сегодня полностью забытую), что вкус сакэ напоминает смесь шампанского с хлороформом, я подумал, это мне из любезности подали стакан воды, чтобы я мог запить сакэ водой и как можно скорее избавиться от вкуса хлороформа. Поэтому я терпеливо продолжал ждать свое сакэ, пока ко мне не подошла «хостесса», точнее, «хосутэсу» — так называются официантки в японских барах, которые присаживаются к каждому посетителю, ибо японец идет в бар один, без женщины,— и спросила, не хочу ли я осушить свой стакан сакэ, что я и сделал, не почувствовав вкуса ни хлороформа, ни шампанского, после чего пулей выбежал из бара.

Позднее, намного позднее, я пил слегка подогретый сакэ из крошечных, величиной с наперсток, чашечек. Лишь тогда я понял, сколько допустил оплошностей при первом моем знакомстве с сакэ. Самая грубая из них состояла в том, что я заказал его именно в баре, а там обычно пьют виски. Сакэ же пьют во время еды, но, чтобы отведать блюда японской кухни, идут отнюдь не в бар, оборудованный по западному образцу. Однако служащие бара были достаточно деликатны, чтобы не говорить чужестранцу: «Сакэ у нас нет!» Вместо этого кто-то из них принес, видимо, из соседнего бара бутылку сакэ и налил в стакан, предназначенный для виски, так как чашечки для сакэ не значились в инвентарном списке этого бара.

В те же августовские дни моего первого пребывания

в Японии мне посчастливилось посетить в Киото одно из самых замечательных произведений классической японской архитектуры и садового искусства, Кацура-рию, — бывший летний дворец императора. И по сей день он находится в личной собственности императорского дома, поэтому осмотр его дозволен лишь с особого разрешения. Только я принялся фотографировать несколько особо изящных деталей главного здания, как гид нашей экскурсионной группы разразился безудержной бранью. Смутившись, я стал наблюдать за красным, как рак, разъяренным гидом, выкрикивавшим ругательства. То, что брань была адресована именно мне, до меня дошло не сразу. Лишь позднее какая-то добрая душа объяснила мне содержание тирад, изобилующих выражениями, с которыми в процессе обучения в вузе не сочли нужным познакомить даже студентов, изучавших японский язык. Я не запомнил ни одного из этих слов. Но дело было не только в бранных выражениях, которых в японском языке насчитывается не слишком много, а в том факте, что на тебя грубо накричали. Потом я убедился, что даже японцам не чужды сильные эмоции (особенно во время политических дебатов). С тех пор больше на меня никто не кричал. А тогда произошло вот что. Фотографируя в саду, я нечаянно сошел с дорожки и ступил на газон. Этого было достаточно, чтобы на меня полился поток оскорблений. Выходит, столь высокопревозносимая японская вежливость все же имеет границы? И, очевидно, при определенных обстоятельствах эти границы резко суживаются?

Мне никогда не приходилось слышать, чтобы в общественном транспорте, даже если он набит настолько, что невозможно стоять на двух ногах, люди оскорбляли друг друга. Конечно, иногда у кого-нибудь вырвется «бакай-ро!» («дурак»), но не больше. Однако именно в общественном транспорте сталкиваешься с японцами (в основном мужчинами 20—45 лет), которые ведут себя с чрезмерной заносчивостью и бесцеремонностью, шокирующими окружающих. Они могут принадлежать к любой социальной группе и иметь различное образование, но это прежде всего лица, которые сами себя охарактеризовали бы как «сарари мэн». Слова эти английского происхождения, только в английском языке нет выражения *salary man*. Оно, вероятно, образовано в самой Японии, как и многие другие понятия, которые, как полага-

ют, английского или американского происхождения, а на самом деле — «джэплиш» («японский английский»). Но подробнее об этом несколько позже. Под «сарари мэн» подразумевают человека, живущего на жалованье конторского служащего. Кое-кто из них находился, и даже довольно длительное время, за границей, и большинство имеют высшее образование, закончили колледж или даже университет. Насколько приветливо и подобострастно они порой относятся к «белому» иностранцу, настолько же заносчиво или с полным безразличием — к своим соотечественникам.

Их поведение шокирует еще и потому, что оно резко контрастирует с распространенной в Японии сдержанностью, скромностью, любезностью, чрезмерной застенчивостью и робостью. Если изучать психологию японцев, то можно прийти к выводу, что подобное ухарское поведение порождено не столько излишней самоуверенностью, сколько чувствами прямо противоположными — неуверенностью, а порой и отчаянием. Или это реакция на постоянные раздражители — нервное перенапряжение, сверхстрессы. Любопытно было бы понаблюдать за теми же мужчинами, когда они в своих конторах разговаривают с шефами!

Нельзя не заметить, что сдержанность и толерантность, которые в Японии выражены сильнее, чем где бы то ни было, при определенных обстоятельствах оборачиваются безразличием к ближнему. Обязанностей по отношению к чужим людям вообще не существует. Поведение отдельного человека ориентировано на группу. В группе он чувствует себя защищенным, вне группы — беззащитным и одиноким. Лицевая сторона и изнанка здесь значительно разнятся. Но разве только здесь, где, скажите, этого нет? В Японии «изнанка» остается скрытой от глаз большинства иностранцев: либо они не владеют языком, либо их внимание с самого начала приковано только к «лицевой стороне».

Никто из тех, кто хотя бы проездом бывал в Японии, не станет отрицать, что учтивость, изысканность манер, чувство собственного достоинства и хороший вкус встречались ему на каждом шагу. А мне кажется, что для любого народа не должно быть позором, если наблюдатель увидит не только его светлые стороны, но и такие явления, как пошлость, цинизм, бесцеремонность, с которыми иностранцу приходится сталкиваться нечасто.

То, что случилось со мной однажды в ночном клубе Тоба, маленького, но знаменитого города (прославившегося тем, что именно здесь «королю жемчуга» Микимото в 1893 году впервые удалось вырастить жемчуг), по своей непристойности и пошлости не поддается описанию. Не надо было быть ханжой, неисправимым пуританином или врагом эротики, чтобы с облегчением вздохнуть, выйдя из этого заведения и закрыв за собой дверь. Однако, еще раз повторяю, где в мире такого вообще нет? И когда иной становится на позицию морального рутинерства, не скрывается ли за этим немного лицемерия?

Итак, почему, собственно, следует отрицать, что в Японии есть лики, отнюдь не пронизанные благородством, совершенно обыкновенные, но притом необязательно отталкивающие, как упомянутый выше ночной клуб в городе Тоба, что не такое уж редкое исключение.

Остановлюсь еще на одном лике. Говорят, в Японии не принято давать водителям такси «типпу» («чаевые»). Днем, правда, внешне все кажется весьма пристойным. Пассажир оплачивает лишь сумму, которая значится на счетчике, таксист возвращает сдачу до последней иены. Но в полночь, когда на Гиндзе в Токио закрываются бесчисленные бары и рестораны и на стоянках выстраиваются длинные очереди, свободные такси проезжают мимо, заворачивая на соседнюю улицу. Кто-то голосует. Водитель останавливается, клиент называет адрес, в ответ таксист отрицательно качает головой — и был таков. Тогда клиент вновь голосует и на сей раз называет сумму, которую он готов заплатить сверх показания счетчика, после чего вновь называет адрес, и тогда дверца автоматически открывается. Бывает, приходится платить вдвое, а то и втрое больше положенного. И никого это не волнует, никто не возмущается по этому поводу. «Сикаганай» — «ничего не поделаешь».

Как говорил поэт?

Все японцы поют шлягеры.
Все почтительно кланяются.
Все тихи и скромны.
Да, это так.

А может быть, все же не все?

НА СУПЕРЭКСПРЕССЕ ЧЕРЕЗ МЕГАЛОПОЛИСЫ

Если спешишь — объезжай окольным путем.
Несколько устаревшая японская пословица

Головной вагон будто грезит или пребывает в глубокой печали, с тех пор как занял свое место в довольно запущенном Музее транспорта в Токио, поблизости от остановки Канда городской железной дороги, проделав с октября 1964 по март 1978 года в общей сложности путь в 6 124 937 километров. Всему вагону было бы здесь слишком тесно (его первоначальная длина — 25,15 метра), и потому представлено всего 8 метров, но зато самые замечательные — красивая, обтекаемой формы кабина управления. Все остальное, как и 359 его собратьев первого поколения, уже давно переплавлено в доменных печах. Его рекордная скорость составляла 256 километров в час, а средняя — 210. Примерно 6 тысяч раз в этом темпе он промчался между Токио и Осакой и обратно. 1 октября 1964 года, отправившись по контактным рельсам (длиной 1500 метров каждый) в свой первый рейс в сопровождении 11 нарядных вагонов по 515-километровому маршруту в Осаку, миновав 300 мостов и 66 туннелей, он вызвал всеобщее удивление и восхищение как у себя на родине, так и за границей. Это была настоящая сенсация, но в наш стремительный век сенсации, как известно, преходящи.

«Экспрессом грез» называли его вначале, «Синкансэн» — «Новая линия» — прозаично именуют сегодня суперэкспрессы, курсирующие по этой дороге. К 1972 году ими было уже перевезено 50 миллионов пассажиров, а четыре года спустя это число превысило 100 миллионов. Согласно статистике, каждый японец за этот период больше одного раза пользовался суперэкспрессом. С конца 1975 года железнодорожная линия была продлена

приблизительно на 500 километров от Осаки до Фукуоки (север Кюсю). Сейчас строятся новые линии: от Токио на юге до Кагосимы и на север до Саппоро, так что к середине восьмидесятых годов суперэкспрессы будут курсировать уже на расстоянии более 5 тысяч километров¹.

На участке пути, ведущем на север, 30 ноября 1979 года был установлен новый рекорд скорости для железнодорожного подвижного состава — 304 километра в час, хотя в течение долгого времени предполагали, что его максимальная скорость не может превысить 300 километров в час. Кроме того, уже давно ведет эксперименты с ракетными поездами профессор Одзава. Возможно, к концу нашего столетия расстояние от Токио до Осаки будет покрыто не более чем за 12 минут.

Это кажется утопией, зато весьма реалистично выглядят планы, которые с начала семидесятых годов осуществляются в Центре исследований и развития, принадлежащем одному крупному концерну. Сегодняшние суперэкспрессы, считают там, не будут отвечать требованиям конца восьмидесятых годов. Будущее — за приводимым в движение линейными моторами подвижным составом, скользящим по магнитной подушке. Наивысшая проектируемая скорость — 500 километров в час.

В свете этих цифр и перспективного развития в будущем экспонат, ходивший со скоростью 210 километров в час, который стоит сейчас в Музее транспорта, выглядит весьма скромно. Но он сделал свое дело: был образцом точности — 3 часа 10 минут до Осаки, ни минуты больше, ни минуты меньше (если он курсировал как «Хикари-экспресс» и имел по пути две остановки — в Нагое и Киото), или 4 часа (если шел как «Кодама-экспресс» с десятью остановками). Могли, конечно, быть и непредвиденные остановки — в случае урагана или ожидаемого землетрясения, о чем сообщал Токийский центр управления, оборудованный электронными счетчиками, пультами, телемониторами и похожий скорее на центр управления космическими полетами. В отношении безопасности движения этот экспресс был безупречен, ни разу не став причиной крупной аварии. Только однажды вблизи Осаки он сошел с рельсов. Это случилось 21 фе-

¹ Значительная часть этих линий уже проведена, но популярность экспрессов оказалась ниже ожидаемой, так как на дальние расстояния японцы предпочитают летать самолетом.

враля 1973 года около 17 часов 28 минут. Пришлось тогда подводить специальные грузоподъемные краны, чтобы поставить шестидесятитонный вагон на рельсы. Но этим все и ограничилось, если не считать, что около 30 поездов, находившихся в пути, сбились с расписания, а 43 поезда были задержаны в пути.

С сооружением скоростной, безопасной и рентабельной транспортной сети, призванной охватить все четыре главных острова, японцы добились замечательных инженерно-технических результатов не только в технологии поездов, но и в прокладке железных дорог. Эти работы приходится осуществлять, преодолевая сложные препятствия в виде естественных преград, как, например, при строительстве Сэйканского туннеля, который должен соединить два самых больших острова — Хонсю и Хоккайдо. Общая длина его составит 53,85 километра, из которых 23,3 километра пройдут под морем. Глубина пролива Цугару достигает 140 метров, затем придется углубиться еще на 100 метров в морское дно, то есть самый глубокий участок будет пролегать на 240 метров ниже уровня моря. В 1972 году еще верили, что туннель будет пущен в эксплуатацию уже в 1979 году. Но, несмотря на тщательнейшее проектирование и проведение подготовительных работ, занявшие все вместе 25 лет, возникли непредвиденные трудности. Не в последнюю очередь задержка в завершении работ произошла из-за вторжения воды, например, 6 мая 1976 года во время работ в туннеле, параллельном главному, насчитывающему в диаметре 3—4 метра, а также в связи с затоплением главного туннеля диаметром в 9,5 метра. Тем не менее есть надежда, что в середине 80-х годов² можно будет пустить в эксплуатацию этот самый длинный в мире туннель, после чего поездка по железной дороге из Токио в Саппоро протяженностью 1200 километров, занимающая сегодня 17 часов 20 минут (одна лишь переправа на железнодорожном пароме из Аомори на Хонсю до Хакодате на Хоккайдо занимает 4,5 часа), сократится на 5,5 часа.

Правда, Япония и так уже владеет (с 15 января 1979 года) самым длинным в мире туннелем, называемым Дайсимидзу, который проходит сквозь гору Танигава на границе префектур Гумма и Ниигата. Его дли-

² Основные отделочные работы в туннеле были завершены в 1985 г., а движение поездов началось в марте 1988 г.

на — 22,2 километра, а длина Симплонского, второго после Дайсимицу, туннеля — 19,8 километра. Весной 1982 года первые поезда суперэкспресса «Дзёцу» промчались через туннель по маршруту Токио — Ниигата. Однако наше путешествие не на север. На билете значится: поездка из Токио в Осаку через мегалополисы.

Очувтившись в чистеньком вагоне, можно с облегчением вздохнуть и удобно устроиться в кресле с откидывающейся, как в самолете, спинкой. Кресло хотя и удобное, но узковатое, так как не рассчитано на европейское телосложение. Средний рост и вес японцев, по данным японского министерства здравоохранения, составляют: для мужчин от 20 до 25 лет — 166 сантиметров и 58,6 килограмма, для женщин соответственно — 153,9 сантиметра и 50,4 килограмма. 20 лет назад средний рост как у мужчин, так и у женщин был почти на 6 сантиметров ниже, а вес на 4 килограмма меньше — у мужчин и на 2 килограмма — у женщин. Согласно китайским историческим хроникам начала нашей эры (самые ранние сообщения о Японии, которыми мы располагаем), в качестве особой приметы людей, живущих на островах восточнее Китая, приводится их карликовый рост. Со временем японцы стали намного выше и значительно прибавили в весе. Но 166 сантиметров, приведенные как средний рост молодого японца, почти ни о чем не говорят. Если оказаться ныне среди толпы молодых людей, то вовсе не сложится впечатление, будто ты выше их ростом на целых десять или более сантиметров.

Итак, усевшись в кресло, можно облегченно вздохнуть, радуясь избавлению от порой невыносимой тесноты токийского городского транспорта и тому, что удалось в путаных лабиринтоподобных проходах под Центральным вокзалом быстро найти правильный выход к поезду, что избавился от толкотни на самом вокзале (возведен в 1914 году, в период «японского грюндерства», пропускает ежедневно около 2600 поездов и почти 800 тысяч пассажиров), притом будучи уверенным, что суперэкспресс отправится в путь с точностью до минуты.

Однако, если вы опоздали к намеченному поезду, не расстраивайтесь, так как с 6.00 утра до 22.04 отсюда ежедневно отправляется 114 экспрессов на Осаку и, разумеется, столько же возвращается оттуда в Токио. В часы пик, между 13.00 и 17.00, ежечасно отправляются с конечных пунктов по 9 поездов (приблизительно через

каждые 6,5 минуты). В среднем число пассажиров, отъезжающих и прибывающих ежедневно упомянутыми 114 поездами, составляет четверть миллиона. Здесь, таким образом, возникло своего рода «пригородное сообщение» между крупнейшими промышленными центрами Японии, такими, как Токио, Иокогама и Кавасаки на одном конце и Осака с Кобэ — на другом (а между ними Нагоя, третий по величине на сегодняшний день индустриальный центр Японии).

Когда 8 июля 1853 года корабли американского коммодора Мэтью К. Перри бросили якоря в сегодняшнем Токийском заливе близ Эдо и ошеломленному чиновнику сёгуната Токугава было заявлено, что отныне Япония должна будет отказаться от своей почти двухсотлетней политики изоляции и открыть свои порты к услугам международного плавания, он якобы в качестве подарка получил действующую модель железнодорожного поезда. При виде маленького дымящего локомотива японские сановники, славящиеся своей сдержанностью, не могли удержаться от восторженных возгласов.

Не прошло и двадцати лет, как 12 сентября 1872 года в Японии была торжественно открыта первая (длиной в 29 километров) железная дорога — от вокзала Симбаси в Токио до порта Иокогама. Построила и оснастила эту линию английская фирма. Первый локомотив японского производства был пущен в эксплуатацию в 1892 году. Члены нового, теперь уже императорского правительства в день пуска пришли на вокзал, чтобы отправиться поездом в его первый рейс, и перед входом в вагон сняли (как принято в Японии, когдаходишь в дом) свою обувь. Когда же они меньше чем за час прибыли в Иокогаму, возникли некоторые трудности, ибо обувь господ осталась в Токио на вокзале Симбаси. Так, во всяком случае, рассказывают.

И сегодня можно увидеть кое-кого в вагоне в одних чулках. Это относится в основном к представительницам слабого пола, да и то если они были обуты в «гэта» или «дзори» — деревянные или кожаные сандалии, которые держатся на ноге ремешками, притом так, что легко сваливаются. Отсюда несколько шаркающий, семенящий шаг японок (правда, еще из-за узкого внизу кимоно). По внешности порой бывает трудно отличить японку от других жительниц Восточной Азии, но по походке ее можно узнать всегда.

Если пользоваться в часы пик государственным либо частным городским и пригородным транспортом, можно оказаться и на перроне без обуви. В утренние часы, примерно между 7.30 и 9.00, когда вагоны бывают забиты на 250, а то и на все 300 процентов, на человека нападает боязнь замкнутого пространства, вызванная нехваткой воздуха. Даже уменьшение интервалов между отправкой поездов на главных направлениях до двух-трех минут ничего не меняет в этой ситуации. Неустанные призывы к школам, конторам и предприятиям упорядочить начало рабочего дня не дают никаких результатов.

Особенно скверно обстоит дело в Синдзюку — самом крупном пересадочном узле в Токио, где сходятся несколько пригородных и городских путей, а также линии метро. Два с половиной миллиона пассажиров пересекаются здесь ежедневно с одного вида транспорта на другой. Когда смотришь на эту толпу, создается впечатление, что она вечна, однако каждый раз толпа рассасывается сама собой. Хотя все очень торопятся, никто никого не задевает, не устраивает суетолюки. Люди терпеливо ждут на перроне, и, когда дверцы поезда автоматически открываются, никто никого не теснит и не подталкивает. Для проталкивания в вагон нанимаются «сири оси». «Сири» означает «зад», «оси» — субстантивированная форма глагола «осу», который означает «толкать, подталкивать, жать, давить, теснить, напирать». Получается, что «сири оси» — это «задотолкатель». Администрация железной дороги нанимает студентов или других молодых людей на часы пик, специально чтобы проталкивать пассажиров в вагоны. Для молодежи это «арубайто», то есть случайная работа, дающая возможность между делом заработать немного денег.

Втиснутый таким способом в вагон, пассажир не в состоянии даже пошевелиться. Ему наступают на ноги или упираются локтями в ребра, но он молча терпит, ибо бесполезно протестовать — все равно ничего не изменишь. Однако физическое напряжение весьма велико, о чем наглядно свидетельствуют лица пассажиров. Не меньше и психологическая нагрузка, которую приходится преодолевать японцу, обычно избегающему любого телесного соприкосновения, непривычному даже к рукожатиям.

Кто при описанных выше обстоятельствах, потеряв обувь, будет пытаться достать ее? Равным образом ему

не помогут никакие сетования, если он неожиданно обнаружит еще какую-нибудь пропажу. В этом случае лучше всего позже обратиться в бюро находок при полицейских участках. Там скорее отыщется пропажа. И чего здесь только нет! Обувь и зонтики (в 1974 году их еженедельно доставляли в среднем по 3400 штук), пальто, шляпы, зажигалки, кольца, стиральные машины, стереофонические проигрыватели, ковры и даже зубные протезы. Бюро приходится регистрировать и такие предметы, которые повергают их служащих в полную растерянность. Так, однажды им доставили урну с прахом умершего. До 1975 года зарегистрировали четыре таких случая, поэтому было принято решение поставить в углу помещения бюро находок, больше смахивающего на универсальный магазин, буддийский алтарь. Утверждают, что каждое утро служащий бюро зажигает в честь умершего несколько ароматических палочек. Если пассажир потерял в толчее обувь, начальник станции может выручить пострадавшего парой соломенных сандалий.

Но в суперэкспрессе нет никакой давки, так как все места сидячие. Герметически закрываются двери, и поезд мягко трогается с места. За окном проносится причудливая панорама города, в которой сумбурно перемешаны новые и старые бетонные постройки, мелькают ряды домов, как на наших старых окраинах. Вот лабиринт домиков, будто построенных специально для карликов. Спустя 15 минут экспресс проезжает по мосту через реку Тамагаву — Токио со своим морем домов остался позади. Появляются новые постройки, тесно прижатые друг к другу фабрики, которые тут же исчезают. Там, где рельсовый путь пролегает по ложбине или впадине, его защищают бетонные или проволочные заграждения. Скорость все возрастает. Въезжаем в первый туннель, за ним проносятся сплошные рисовые поля, сразу после них — горные цепи и холмы, а вдали над ними — покрытая облаками гора Фудзи. Дни, когда можно любоваться этим проявившим себя последний раз в 1707 году вулканом во всей его красе, величественно возвышающимся при ярком солнечном свете среди окружающего ландшафта (каким мы его обычно видим на фотографиях), чрезвычайно редки. Холмы, насколько возможно, террасированы. На возделанных землях, разбитых на небольшие участки, выращивают овощи, чай, рис. Вновь мимо окон проносятся дома, заводы, фабрики

и опять дома — быстрая смена картин, по сути своей одинаковых. Кажется, будто смотришь растянутый научно-популярный фильм. Однако цифры, которые до сих пор говорили об очень немногом, теперь становятся более понятными.

Из общей площади четырех Японских островов (Хонсю, Хоккайдо, Кюсю и Сикоку), занимающих 372,1 тысячи квадратных километров, среди которых самый крупный Хонсю (230,8 тысячи квадратных километров), и остальных примерно 3900 островов и архипелагов 80 процентов заняты горами, крутизна которых в 75 процентах случаев составляет более 15 градусов. Свыше 68 процентов территории Японии классифицируется как лесистая. Только 16,7 процента земель, то есть немногим более одной шестой общей площади, пригодны для возделывания и заселения. В Японии нет ни одного района, о котором можно было бы сказать: перед нами до самого горизонта поля. Вместо слова «поля» следовало бы поставить «горы», правда, они не отличаются (за исключением мощных горных цепей Центральной Японии) ни особой крутизной, ни грандиозностью — наоборот, для них характерны мягкость, плавность очертаний. Даже обширные равнины, занимающие более тысячи квадратных километров, не кажутся бесконечными, так как они то и дело прерываются населенными пунктами да покрытыми лесом холмами и горами. А то, что равнина Канто занимает площадь более 13 тысяч квадратных километров (это самая крупная равнина Японии), осознаешь, лишь глядя на нее с самолета. Если же едешь по ней поездом, то также почти сплошь видишь города и деревни. На этой равнине расположены три крупнейших города с многомиллионным населением — Токио, Кавасаки и Йокогама, которые уже давно слились в единое целое. Йокогама занимает 422 квадратных километра, и в ней проживает около 2,7 миллиона человек; Кавасаки, площадь которого равна примерно 141 квадратному километру, насчитывает миллион жителей, и, наконец, Токио, где на площади в 581 квадратный километр проживает более 8 миллионов человек. Сюда, однако, включены только 23 района собственно Токио. Если же включить еще 17 пригородов, 9 городов-спутников и три сельских округа, то общая площадь токийской конурбации составит около 2100 квадратных километров, а число жителей — более 11 миллионов человек.

Короче говоря, на равнине Канто проживает около восьмой части всего населения страны. Когда проезжаешь крупные индустриальные центры и воочию видишь удручающую скученность, в какой приходится жить людям, становится тягостно на душе.

Менее чем за два часа поезд прибывает в Нагоя — столицу префектуры Айти, одну из 46 префектур и уравненную с ними в правах независимых административных единиц — Токио, Киото и Осака. Приведу немного статистики. В 1978 году Нагоя насчитывала в общей сложности 2,1 миллиона жителей; после Иокогамы и Кобэ она является третьим по величине портом Японии; после Токио и Осаки с 18 тысячами промышленных предприятий, куда причислены также малые и крошечные производства, в которых заняты около 245 тысяч человек, — третьим по величине промышленным центром страны. Это центр японского автомобилестроения — сравнительно молодой отрасли промышленности Японии, имеющей мировое значение.

В поезде появляется контролер, чтобы проверить билеты. Он ведет себя совсем не так, как наши контролеры. Войдя в вагон, снимает головной убор, кланяется, прося у пассажиров прощения за вынужденное беспокойство. Слово «пассажир» (то есть проезжающий гость), очевидно, сохранило в Японии кое-что от его первоначального смысла. Допустим, это мелочь, но как подобные мелочи порой облегчают жизнь! «Доброе утро! Поезд подъезжает к станции такой-то. Проверьте, пожалуйста, не забыли ли вы чего-нибудь!» — раздается из громкоговорителей на пересадочных железнодорожных станциях в Токио. Если же пригородный или дальний поезд прибыл с опозданием, начальник вокзала приносит встречающим свои извинения.

Времени у нас в обрез. Экспресс покидает прибрежный район и направляется к крупнейшему озеру Японии — Бива, площадь которого 675 квадратных километров, а самая большая глубина — 103 метра. По общему признанию, это самое красивое озеро в стране. Поезд приближается к Киото, нам пора готовиться к выходу в Осаке. Кто забыл перед отъездом из Токио уточнить время деловой встречи, может наверстать упущенное, ибо в экспрессе есть телефон. До прибытия поезда на вокзал «Син-Осака» («Новая Осака») остается еще достаточно времени вспомнить несколько цифр.

По площади (209 квадратных километров) Осака занимает предпоследнее — после Кавасаки — место среди десяти японских городов с более чем миллионным населением. Из почти 3 миллионов жителей полмиллиона заняты на примерно 35 тысячах предприятиях города. Плотность населения составляет около 13 тысяч человек на один квадратный километр. Менее чем в 30 километрах западнее Осаки (у пролива Акаси) раскинулся город Кобэ с населением 1,3 миллиона, через который экспортируется более 20 процентов японских товаров.

Цифры, цифры... возможно, это утомительно, однако, нравятся кому-то цифры или нет, они быстрее и убедительнее самых многословных описаний могут подчас объяснить те или иные события, перемены, явления.

Немногим более чем за три часа наш экспресс проехал по территории региона, в котором, согласно статистике, на 1 октября 1975 года проживало около 52 процентов всех жителей Японии (то есть почти 60 миллионов человек на площади, составляющей 18 процентов всей площади страны). На самом же деле эти 60 миллионов живут чрезвычайно скученно на менее чем 1,5 процентах общей площади. К тому же на узкой — длиной в 500 километров — полосе, чаще всего примыкающей непосредственно к Тихоокеанскому побережью, где сконцентрировано почти 75 процентов всех производственных мощностей страны.

Япония, кстати сказать, не так уж мала, хотя японцы пытаются убедить всех в противоположном. Если бросить мимолетный взгляд на географическую карту, то легко можно впасть в заблуждение, так как Япония, расположенная вблизи огромного евразийского материка среди обширнейшей водной поверхности Земли — Тихого океана, действительно производит впечатление крошечной страны. Однако 372,1 квадратных километра — не пустяк, хотя, если эту площадь соотнести с примерно 120 миллионами японцев, обитающих на этих островах, получается весьма высокая плотность населения, но ведь в Бельгии и Нидерландах она еще выше. Это статистика. Действительность же выглядит несколько иначе, так как только одна шестая часть общей территории страны пригодна для застройки и заселения. Если исходить из этого, Япония действительно мала, а плотность населения достигает таких цифр, каких нет почти нигде во всем мире. И до конца нашего столетия на узкой по-

ლოსკე ზემლი ნა პობერჟე ტიხოგო ოკეანა, ოცევიდნო, ბუდუტ ჯიუთ უჟე ტრი ჟეტვერტი ვსეხ ჯაპონცეფ.

И снова сухие цифры. В конце восьмидесятых годов население Японии, возможно, возрастет до 126, а к 2000 году — до 135 миллионов. Японские ученые пришли к выводу, что в Токио с его окрестностями в недалеком будущем будут жить 33 миллиона, в Нагое — 11 и в Осаке — 18 миллионов человек. Правда, в прошлом демографы уже неоднократно ошибались. Неужели на территории, которую мы пересекли в «Хикари» за три часа, живут 90 или даже 100 миллионов человек?!

Представление о мегалополисе, то есть о городе-великане, куда войдут промышленные центры Токио, Нагоя и Осака, отнюдь не утопия далекого будущего, а реальность конца восьмидесятых годов. Уже в 1975 году в стране было 10 городов, насчитывавших свыше миллиона жителей. Семь из них сегодня стали составными частями мегалополисов.

Менее чем за двадцать лет в Японии произошли изменения, по стремительности и масштабности не имеющие себе равных в мировой истории. В 1890 году, когда Япония насчитывала еще неполных 40 миллионов жителей, на долю городского населения приходилось около 10 процентов, в 1950 году при количестве жителей в 83 миллиона — 37,5 процента, в 1960 году — уже 63,5 процента, в 1970 году — немногим более 70 и в 1975 году — примерно 75 процентов. Этот процесс урбанизации, длившийся в других промышленных странах столетия, в Японии занял около двух десятков лет. Только 25 процентов японцев живут еще в деревнях, и лишь 12 процентов самодеятельного населения, по данным 1977 года, заняты в сельском и лесном хозяйствах и рыбном промысле. В 1963 году они составляли еще 23 процента, а в 1966 году — 19,4 процента. Таким образом, за менее чем полтора десятка лет произошло сокращение сельского населения почти наполовину. Правда, 12 процентов, занятых в сельском и лесном хозяйствах, а также в рыболовстве, — это относительно высокий показатель по сравнению с другими развитыми индустриальными странами.

Урбанизация, концентрация населения и производственных мощностей, появление мегалополисов — своего рода символ процесса перестройки структуры населения. Любой, кто сегодня пишет о Японии, не может не упо-

мянуть об этих факторах, ибо они определяют лицо Японии наших дней, они — следствие и одновременно причины ее головокружительного взлета к третьему месту среди самых мощных держав мира.

Япония вовсе не экзотическая, сказочная страна, как она себя рекламирует за границей. Ей, правда, нельзя отказать в своеобразии и привлекательности. Даже в мегалополисах еще сохранились уединенные и идиллические уголки, однако сегодняшняя Япония — в первую очередь высокоразвитая, в высшей степени современная, промышленная страна, хотя по сравнению с другими ведущими капиталистическими державами еще очень молодая, можно сказать, юная страна, приступившая ко многому с размахом, свойственным только юности. Но при этом она столкнулась с множеством проблем, которые либо не могла, либо не хотела предвидеть.

Хорошо с удобствами путешествовать в суперэкспрессе, но далеко не каждый японец относится к этим элегантным поездам благожелательно. Для тех, кто живет поблизости от железнодорожной линии, их движение — настоящая мука, ибо сотрясения, вызываемые проходящим экспрессом, равносильны небольшому землетрясению. И если на некоторых отрезках пути новой, ведущей на север линии происходили длительные задержки сдачи их в эксплуатацию, то отчасти потому, что этому сопротивлялись жители прилегающих к ней районов. А ведь они отнюдь не были луддитами или фанатическими сторонниками охраны окружающей среды. В конце концов сооружение подобной транспортной сети означает для человека одновременно разрушение некоего жизненного пространства, которого Японии от природы отпущено слишком мало и которое нельзя бесконечно перегружать.

СКОЛЬКО СТОИТ ЯПОНЕЦ

Под маяком всегда темно.

* * *

Просишь с палку — получишь с иголку.

* * *

Хоть и протухший, но тай¹.

Японские пословицы

Мне не хотелось бы категорически утверждать, что загрязнение окружающей среды в Японии приняло более опасные размеры, чем где бы то ни было, однако у многих людей сложилось именно такое мнение.

Иностранцы, посетившие Японию, говорили, что по прибытии в Токио они были немало удивлены тем, что им сразу же не надели противогаз. Правда, вскоре они признавали, что в Токио вполне можно дышать.

Если ехать поездом из древнего города-крепости Ку-мамото на юг острова Кюсю, к Кагосиме, по сильно изрезанному и весьма живописному побережью, то через час достигаешь Минаматы, небольшого городка в заливе Яцусиро с портом и паромным сообщением до Нагасаки.

Минамата была мне знакома хотя бы потому, что здесь родился Токутоми Рока (1868—1927), один из выдающихся писателей начального периода современной японской литературы. Он был большим почитателем Льва Толстого и в 1906 году посетил его в Ясной Поляне. Роман «Хототогису», повествующий о трагической любви на фоне китайско-японской войны 1894—1896 годов, — первое произведение современной японской литературы, переведенное в начале XX столетия на европейские языки. Кроме этого, с Минаматой ничего не было связано... Кто мог предвидеть, что «минамата» войдет в международную медицинскую литературу как название болезни, являющейся следствием отравления ртутью — в

¹ Тай — один из наиболее ценных видов рыбы в Японии.

результате употребления продуктов моря, в которых накапливались ядовитые вещества из промывочных растворов, сбрасывавшихся предприятием по изготовлению пластмассовых изделий. Эта болезнь очень мучительна, сопровождается параличом и слепотой, а новорожденные появляются на свет со страшными деформациями.

Может быть, случай в Минамате — чрезвычайное происшествие, несчастный случай на производстве по пути к прогрессу? Но жертвами ртутного отравления стали также люди, живущие близ реки Агано (на острове Хонсю).

Среди населения Футюмати (префектура Тояма) внезапно вспыхнула неизвестная до того времени болезнь, вошедшая в медицинскую литературу под термином итай-итай («итай» значит «болит»). Причины этого мраморно-костного заболевания — кадмий сточных вод некоторых рудников.

Йоккайти-астмой названа особая форма астмы, зарегистрированная впервые в Йоккайти — индустриальном городе, выросшем, подобно грибу после дождя, в 1957 году вблизи Нагон.

При определенных метеорологических условиях (безветрии, повышенной солнечной радиации, высоких температурах) некоторым районам Токио угрожает так называемый фотохимический смог, возникающий, когда газообразные отходы промышленных предприятий и выхлопные газы автомобилей под влиянием ультрафиолетовых лучей образуют сложное химическое соединение. Страдают органы дыхания, глаза, которые сначала слезятся, а затем начинают болеть. Пострадавший должен немедленно обратиться в клинику. В 1970 году к врачебной помощи по поводу этого заболевания вынуждены были прибегнуть 10 тысяч токийцев, в 1971 году — 28 тысяч, в 1975 эта цифра сократилась примерно на пять тысяч. Сигнал тревоги из-за нависшего над Токио подобного рода смога в 1970 году прозвучал семь, а в 1975 — 41 раз.

У каждого пятого жителя японской столицы в возрасте старше 40 лет обнаружены симптомы хронического бронхита. В одном токийском универмаге мне однажды довелось увидеть кресло, изготовленное из плексигласа в форме полушария с воздушными фильтрами и вмонтированным терморегулятором. Неужели это и есть будущее?

Наконец-то мне представился случай поближе познакомиться с островом Кюсю. Меня уговорили непременно посетить город Беппу. Гора Такасаки с живущими на воле обезьянами позабавила меня. Пасущийся на склонах горы Кидзима крупный рогатый скот напомнил мне горные пастбища в Швейцарских Альпах. Когда же мы проезжали на автобусе по сафари-парку и видели, как нам вслед смотрели гулявшие на свободе львы, слоны, жирафы и зебры, казалось, что мы в Африке.

В Беппу едут не только для того, чтобы полюбоваться животными. Основной его аттракцион — «места ада». Опишу лишь одно из них. У склона горы на крошечном пространстве бьют из земли горячие источники, на поверхности принимая причудливые формы. Среди них, например, есть пруд с дымящейся водой темно-красного цвета, будто он наполнен кровью. И это отвратительное зрелище притягивает тысячи туристов как японских, так и иностранных. В тот же вечер я купил билет на паром и на следующее утро бежал из Беппу.

Я давно мечтал о путешествии по Внутреннему японскому морю, которое омывает юго-западную часть главного японского острова Хонсю, западный берег Кюсю и северные берега Сикоку. Часть моря с бесчисленным множеством маленьких островов была объявлена заповедной зоной. Здесь можно вдоволь любоваться неоднократно воспетыми красотами японской природы, недаром Внутреннее японское море называют «королевой морей». Но за красоту «королевы» приходится опасаться.

Плывя по морю при полном штиле или легкой зыбине судно поднимает огромную волну. Если бы море было не таким спокойным, то, возможно, не сразу бросались бы в глаза многочисленные нефтяные лужи, консервные банки и другие отходы и мусор на оживленном водном пути. Лицо «королевы» изуродовано, как у прокаженной. Она больна, может быть, даже при смерти. В декабре 1974 года из пробоины в танкере в море вытекло огромное количество нефти. Ущерб, нанесенный рыболовству, оценили в 53 миллиона долларов.

А вообще Внутреннее море богато. Оно дает множество ракообразных, лангустов, омаров. Но когда я позднее в Токио рассказал, с каким удовольствием поглощал их, жена моего друга, по профессии врач, посмотрела на меня осуждающе и заметила: «Вы не должны

были этого делать. Разве вам не известно, что район рыбного промысла во Внутреннем море отравлен?» Сегодня в Японии реагируют на подобные явления слишком остро, однако не нам, временным посетителям, судить об этом.

Состоянием здоровья «королевы морей» занялись эксперты. Даже если бы удалось, полагали они, предотвращать крупные нефтяные аварии, а также воспрепятствовать проникновению в море вредных веществ (в том числе из воздуха), должны пройти годы и десятилетия, пока нанесенный природе ущерб будет компенсирован самой же природой. Понадобится не менее 60 лет, пока воды Внутреннего моря полностью будут обновлены водами Тихого океана.

Посреди Внутреннего моря, на расстоянии получаса пути от Хиросимы, расположен островок Миядзима, причисленный с давних пор к «санкэй» — трем самым живописным ландшафтам Японии. Огромные шестнадцатиметровые красного цвета ворота — тории, возведенные на воде и стоящие на двух опорах из камфорного дерева, а сверху закрепленные двумя двадцатитрехметровыми перекладинами, символически обозначают вход в синтоистское святилище. Ворота, до которых невозможно добраться, не промочив ноги даже во время отлива, и есть главная достопримечательность острова. Сооруженные в 1875 году, они были миллион раз сфотографированы; их можно обнаружить на многих плакатах авиакомпаний и туристических бюро. Когда-то поблескивающие синевой воды Внутреннего моря, красный цвет торий и расположенные за ними на берегу небольшого залива постройки, темная зелень сосен на склонах довольно крутых, словно выступающих из самого моря гор — все это являло замечательное зрелище. Но в 1960 году обнаружилось, что из почти 500 тысяч сосен Миядзимы 20 тысяч гибнут. Причина? Двуокись серы от нефтехимических заводов в Отаке — городе, расположенном в бухте Хиросимы.

В 1968 году район Канто с центром в Токио был загрязнен 550 тысячами тонн двуокиси серы. Не прошло и десяти лет, как эта цифра удвоилась.

Сегодня, конечно, борьба с загрязнением окружающей среды стала серьезной проблемой для любой развитой индустриальной страны, особенно для Японии с ее высокой концентрацией промышленности. Уже с конца

шестидесятых годов положение там стало поистине угрожающим.

С целью приостановления экологического кризиса с начала семидесятых годов было кое-что предпринято, но действия, как правило, носили недостаточно решительный характер, ибо были связаны с огромными расходами.

Когда в 1962 году выяснилось, что загрязнение атмосферы в Токио на 50 процентов выше, чем в Лондоне, был издан закон против «чада и отравляющих веществ». Однако только в 1966 году определили, что именно следует под этим понимать, а в 1969 году установили допустимую норму содержания двуокиси серы в воздухе.

В 1970 году, когда загрязнение атмосферы и вод, а также вредное воздействие шума грозили принять катастрофические масштабы, в общественном мнении страны наступил заметный перелом. Казалось иронией судьбы, что он произошел именно в то время, когда весь мир съехался в Осаку на Всемирную выставку ЭКСПО-70, где Япония с блеском демонстрировала свои достижения. ЭКСПО-70 открылась 14 марта и спустя 183 дня, 13 сентября, закрылась «под рукоплескания и слезы», как несколько сентиментально писала одна официозная газета. Она же характеризовала ЭКСПО как «одно из самых честолюбивых предприятий Японии за весь послевоенный период». Этого, разумеется, не оспоришь, как и то, что выставка пользовалась огромным успехом: ее посетили свыше 60 миллионов человек.

Будущий историк решит, не стал ли 1970 год, апогеем которого была Всемирная выставка в Осаке, новой вехой в истории Японии. Возможно, этот период даже захотят сравнить с началом двадцатых годов, когда Японию (после первого большого индустриального подъема) лихорадили самые тяжелые за всю ее историю кризисы и противоречия, характерные для капиталистического мира, следствием которых была классовая борьба, все более нараставшая и принимавшая острые формы.

До 1970 года многим японцам, окрыленным ежегодным высоким темпом роста промышленной продукции, будущее представлялось в самом розовом свете. Вера в технику казалась непоколебимой, равно как и вера в то, что технический прогресс уже сам по себе может осчастливить человека. Однако затем появилось слово «когай»,

доселе никому не известное, которое нельзя найти даже в двуязычных словарях новейших изданий. Так что пришлось прибегнуть к «Большому словарю японского языка». Его выпускало одно из крупнейших японских издательств несколько лет (с 1972 по 1976 год), и он состоит из 20 крупноформатных объемистых томов, содержащих в общей сложности около полумиллиона слов. Там мы находим, что «когай» означает «ущерб, нанесенный обществу в целом». Далее идут разъяснения, что под этим подразумевается: ущерб различного рода, связанный с развитием промышленности и увеличением числа транспортных средств и т. д., а также нанесенный духовной, физической и материальной жизни людей и окружающей среде; ущерб, причиняемый шумом, подземными толчками, задымленностью, запыленностью воздушного пространства, зловонием, загрязнением водоемов из-за сбрасывания сточных вод, отравляющими веществами, радиоактивными отходами и т. п., опусканием почвы в связи с интенсивным выкачиванием грунтовых вод. «Когай» стало словом-раздражителем, кошмаром японского общества.

В 1970 году правительство было вынуждено учредить Управление по вопросам охраны окружающей среды, подчиняющееся непосредственно премьер-министру. В декабре 1980 года парламент издал 14 законов против нанесения ущерба обществу, которые с тех пор неоднократно дополнялись и ужесточались. В результате сейчас в Японии допустимая норма содержания окиси углерода и окиси азота в выхлопных газах автомашин ниже, чем в любой другой стране мира. Расходы на охрану окружающей среды достигли в 1978 году 1,4 процента от общего государственного бюджета. Правда, эта цифра до сих пор осталась неизменной, но к ней прибавляются немалые ассигнования как частных лиц, так и прежде всего отдельных муниципалитетов, таких, как Токио и Киото. Благодаря этому удалось устранить некоторые опасные явления. Можно считать, что экологический кризис шестидесятых годов в конце семидесятых годов в основном был преодолен.

Ныне при хорошей видимости жители Токио из определенных пунктов вновь любят отдаленной на 100 километров от столицы вершиной Фудзиямы. Поистине волнующая, по красоте своей прямо-таки неправдоподобная картина открывается иногда в ранние ноябрь-

ские или декабрьские вечера из окна тридцатишестиэтажного Касумигасэки-билдинг в Токио: сверкающее море огней гигантского города, небо в отблесках вечерней зари, темные горные цепи на горизонте, а высоко над ними — Фудзи-сан.

Река Сумидагава (приток Аракавы) и протекающие через Токио ее рукава, которые в конце шестидесятых годов скорее походили на зловонные клоаки, сегодня местами снова чисты и изобилуют рыбой на радость не только многочисленным заядлым рыбакам, но и спортсменам. В апреле 1978 года на Сумидагаве впервые после семнадцатилетнего перерыва проводилась традиционная гребная регата.

Однако, несмотря на многие меры по охране окружающей среды в Японии, опустошение природы продолжается. Правда, не в такой степени, как это изобразил в 1972 году тогдашний премьер-министр Танака, человек, не отличавшийся особой щепетильностью, не побрезговавший даже присвоить кругленькую сумму из сейфов довольно известного американского концерна.

Спустя несколько месяцев после скандального и не очень почетного ухода с поста упомянутого выше премьер-министра (что широко демонстрировалось на экранах телевизоров), проходили выборы в японский парламент². Оказывается, еще до ухода с поста премьер-министр Танака дал согласие на включение его в списки кандидатов в парламент от префектуры, откуда Танака был родом. К тому же, его преступные действия отнюдь не вызвали отрицательного отношения к нему избирателей. «Проиграть — значит выиграть», — гласит японская пословица. Позицию избирателей можно было сформулировать так: нас не интересует, чем наш человек провинился в Токио; нас он всегда защищал!

В июне 1972 года, то есть за месяц до своего избрания на пост премьер-министра, этот самый человек, которого прозвали «бульдозер с головой компьютера», миллионным тиражом выпустил книгу под «скромным» названием «Программа реконструкции Японских остро-

² В ноябре 1974 г. Какуэй Танака официально заявил о намерении покинуть занимаемые им посты премьер-министра и председателя либерально-демократической партии. Поводом к этому послужило опубликование в журнале «Бунгэй сундзю» статей, в которых ставились под сомнения методы, какими Танака нажил свое состояние.

вов». Появившееся год спустя английское издание книги было озаглавлено еще более претенциозно: «Построение новой Японии». Квинтэссенция этой, надо отдать должное, во многом честной и даже критической книги состояла в следующем: промышленность необходимо переместить из теперешних центров, равномерно распределив по всей стране, — тем самым решатся все проблемы. «Общество, — сказано в книге, — в котором бы царило веселье, а старики жили в мире и покое, в котором бы глаза молодежи радостно сияли в надежде на светлое будущее — вот моя мечта...» О том, что Танака в самом деле мечтал о преобразованиях в своей стране, было документально подтверждено в 1976 году.

Согласно статистическим данным, опубликованным в начале 1975 года, нетронутыми сохранилось лишь 20 процентов всей территории страны. Возможно, если бы планы Какуэя Танаки увенчались успехом, то сегодня этот процент был бы ниже. Однако, невзирая на все предпринимаемые меры, этих земель становится все меньше, а многие процессы, связанные с отравлением окружающей среды, приняли необратимый характер.

Вернемся к упомянутой выше «болезни минамата», симптомы которой появились в 1954 году. Ученым удалось опровергнуть утверждение концерна «Тиссо», что сбрасываемые в море отходы филиала предприятия в Минамате не содержат никаких ядовитых веществ. На руководство концерна подали в суд 138 человек. 20 марта 1973 года окружной суд Кумамото признал концерн виновным и определил плату за жизнь и потерю здоровья одного пострадавшего японца: 18 миллионов иен за каждого человека, умершего от «болезни минамата», и 16 — 18 миллионов — за неизлечимо больного.

До середины 1980 года более 1500 жителей Минаматы, согласно принятому в 1973 году закону, были признаны жертвами загрязнения окружающей среды и получили, таким образом, право на денежную компенсацию. Одна японская газета 15 мая 1980 года сообщила, что еще 6 тысяч человек ожидают подтверждения диагноза «болезни минамата», и, кроме того, существуют 10 тысяч не охваченных статистикой.

С 1973 по 1979 год химический концерн «Тиссо» вынужден был выплачивать компенсацию за нанесенный ущерб в размере 35,3 миллиарда иен — сумма, примерно в три раза большая, чем основной капитал фирмы. В

1977 году во избежание банкротства концерн потребовал от правительства хотя бы временно взять на себя выплату компенсаций пострадавшим, после чего, в 1978 году, правительство разработало обширную программу по оказанию помощи концерну «Тиссо». Одновременно этим делом продолжали заниматься суды. В марте 1979 года был вынесен приговор, не имевший аналогов в японском судопроизводстве. Президент концерна «Тиссо» и директор его филиала в Минамате обвинялись в том, что из-за проявленной ими халатности погибло шесть человек и один получил телесные повреждения, и приговаривались к двум годам тюрьмы, а по истечении этого срока — еще к трем годам условно каждый. Впервые в Японии было применено уголовное право по отношению к виновникам отравления окружающей среды. Появилась надежда, что подобная мера будет иметь положительные результаты. В опубликованной японским правительством в марте 1975 года Белой книге говорилось о последствиях загрязнения окружающей среды: 21 990 больных и 494 умерших. Но это лишь опубликованные цифры. Тот, кому довелось хотя бы недолго наблюдать, с каким трудом удавалось в Минамате и в других местах добиваться истины, вряд ли им поверит. Правда, состоящим на государственной службе статистикам оправданием могут служить многочисленные случаи заболеваний, причины которых не совсем ясны.

Многие японцы, но больше посещающие Японию иностранцы находятся под гипнотическим воздействием совершенной техники. Ярлык со словами «Made in Jарап» («Сделано в Японии») считается сегодня во всем мире свидетельством высшего качества. Когда в двадцатые годы Японию вынудили снабдить свои товары этой этикеткой, национальные и монополистические объединения, господствовавшие в то время на мировом рынке, намеревались таким способом вывести из игры становившегося все более назойливым и наводнившего своими дешевыми товарами мировой рынок конкурента, ибо тогда, в двадцатых и тридцатых годах претендовать на высокое качество японские товары еще не могли.

С начала шестидесятых годов за промышленным подъемом Японии стали внимательно следить: одни с нескрываемым восхищением, другие — с завистью, иные, а их было не так уж мало, — с недоверием. 27 июня 1965 года ведущий в то время политик одного государст-

ва в Юго-Восточной Азии после окончания конференции употребил в присутствии многочисленных иностранных журналистов довольно злое по отношению к Японии выражение — «экономический зверь». Оно обошло весь мир и стало с тех пор употребляться чаще всего в самой Японии.

Что бы там ни говорили, а начиная с середины пятидесятых годов японский народ — рабочие, инженеры и ученые — достиг больших высот. Однако радость от такого индустриального скачка несколько меркнет перед лицом горя и страданий людей Минаматы и других подобных городов. Некоторые японцы с горечью утверждали, что на Японию обрушилась третья атомная бомба, но на сей раз она была сброшена собственной промышленностью.

Картина слишком мрачна, скажете вы. Можно добавить еще несколько деталей. Речь пойдет об автомобиле, ставшем в начале шестидесятых годов символом престижа в Японии. В 1967 году на тысячу человек приходилось 38 легковых автомашин, в 1977 — 174. Бурно растущая автомобильная промышленность нуждалась в проверке своей продукции на внутреннем рынке, прежде чем вступить в ожесточенную конкурентную борьбу с крупнейшими автомобильными концернами капиталистического мира. Как известно, она весьма успешно выдержала эту борьбу. В середине семидесятых годов автомобили составили 20 процентов всего японского экспорта. В 1978 году из произведенных в общей сложности 9 миллионов автомашин — 4,63 миллиона предназначались для экспорта. В 1955 году, то есть еще сравнительно недавно, Япония производила в общей сложности 156 500 автомашин, из них — 20 тысяч легковых, и в то время она еще импортировала их, а с 1980 года Япония стала самым крупным в мире производителем автомобилей.

В 1962 году появилось слово «коцу сэнсо», что означает «транспортная война». Начиная с шестидесятых годов на автомагистралях ежегодно погибало больше людей, чем погибло в русско-японской войне 1904—1905 годов. В 1970 году погибших в транспортных авариях было 16 тысяч человек. Каждые 32 секунды случалась автодорожная катастрофа. После этого число пострадавших резко сократилось, хотя интенсивность движения продолжала нарастать. В 1977 году в одном только Токио было зарегистрировано примерно 2 миллиона автомашин

(в 1923 году их было меньше 5 тысяч). В том же году имело место 34 тысячи несчастных случаев на транспорте, которые привели к гибели 350 человек (в 1960 году число жертв в Токио составило 1200). «Транспортная война» приняла менее кровавый характер, но средняя скорость движения транспорта в часы пик в Токио была снижена до минимума — до 4 километров в час; средняя скорость в другое время тоже небольшая — 10 километров в час. Интенсивность автомобильного движения увеличилась за 10 лет в пять раз, а длина улиц — только на 6 процентов. В Токио улицы составляют лишь 12 процентов его общей площади; в Осаке — всего 10. Для сравнения: в Лондоне улицы занимают 23 процента общей площади города, в Вашингтоне — 40 процентов.

Предполагается, что в конце восьмидесятых годов количество автомобилей на японских дорогах приблизится к 50 миллионам и длина дороги на одну машину тогда составит лишь 15 метров. Тот, кто в Токио или в других крупных городах ограничен во времени или любит точность, уже сегодня должен отказаться от езды на машине. Разумеется, ведется постоянная работа над улучшением и расширением дорожной сети, но какая польза от самых совершенных городских автострад, если участки дороги, ведущие к главной магистрали, в течение многих часов безнадежно закупорены? Что же касается замечательных «Drive ways» («Скоростных автомагистралей»), пролегающих через живописнейшие места и доставляющих огромное наслаждение автомобилистам, а также способствующих оживлению автотуризма, то повседневную транспортную проблему они отнюдь не решают.

Максимальная скорость на японских магистральных автостоадах (за проезд по ним взимается пошлина) ограничена до 100 километров в час. На многих магистралях предел скорости еще ниже. Летом 1979 года в одном из туннелей произошла автомобильная катастрофа, в которую угодили более 100 машин. Многие из них загорелись, семь человек погибли. С тех пор на дорогах появилось еще больше щитов с предостерегающими надписями. «Придерживайтесь стометрового расстояния между машинами», — гласит одна из них. Подобное напоминание настолько лишне, насколько и иллюзорно. Никто его не придерживается. Слишком велика интенсивность движения.

«Главные причины автомобильных аварий,— прочитал я на большом транспаранте близ полицейского участка в Акасаке (в определенном смысле увеселительном квартале Токио),— алкоголь — усталость — скорость». Имеет ли упоминание об алкоголе отношение именно к этому кварталу, не берусь судить. Частному владельцу такси в Токио разрешено в день покрывать расстояние лишь в 170 километров. А крупные таксомоторные парки имеют право допускать своих водителей к рулю только три дня подряд. За тремя рабочими днями обязательно должны следовать три выходных, ибо нервная нагрузка и опасность переутомления для водителей в Токио слишком велики.

Было бы неверно и несправедливо во всех сложностях на транспорте обвинять один индивидуальный транспорт: в Японии существует густая и безукоризненно функционирующая сеть общественных средств сообщения. Хотя езда в них, как уже говорилось, не всегда доставляет удовольствие, но тем не менее в Японии отдают предпочтение общественному безрельсовому транспорту и в то же время занимаются усовершенствованием рельсового транспорта больше, чем шоссевого. Возможно, это не самое плохое решение проблемы.

Бурная урбанизация породила чувство оторванности человека от земли, одиночество, испытываемое им за непривычными, холодными бетонными стенами (это, конечно, не только сугубо японская проблема), распад семейных укладов, утрату человеком чувства защищенности, особенно осязаемой людьми пожилого возраста. Несмотря на это, вся мировая общественность вынуждена признать, например, такой отрадный факт, что средняя продолжительность жизни в Японии выросла за последние десятилетия как ни в одной другой стране. В 1973 году она достигла для мужчин — свыше 70 лет, для женщин — свыше 76 (в 1978 году соответственно 72,9 и 78,33). В 1900 году она составляла для мужчин — 44 года, для женщин — 45 лет. Это несомненно свидетельствует о том, что Япония добилась огромных успехов во многих областях жизни.

День 15 сентября в 1968 году был объявлен официальным праздником, называемым Кэйро-но хи (День почета престарелых). В 1979 году статистическое управление при канцелярии премьер-министра приурочило к этому дню сообщение, из которого можно догадаться, с

какой проблемой столкнется японская общественность в ближайшее время, хотя судьба отдельного человека тщательно скрыта за общими цифрами. К началу восьмидесятых годов пожилые люди старше 65 лет составляли примерно 9 процентов, то есть более 10 миллионов, всего населения страны. Этот показатель в Японии по сравнению с другими индустриальными странами еще не очень высок, но в ближайшие десятилетия он резко возрастет. К 2000 году он, вероятно, поднимется примерно до 14 процентов, в 2010 году — до 17 и 2020 году — до 19 процентов. В этом случае Япония установит еще один «мировой рекорд».

Здесь сказываются постоянно возрастающая средняя продолжительность жизни и значительное снижение рождаемости. Перед второй мировой войной в японской семье насчитывалось в среднем 5—6 детей, в настоящее же время — только 1,89. Сегодня 8 человек трудоспособного возраста от 15 до 65 лет содержат одного старого человека, но через 40 лет это соотношение составит 3:1.

«В хорошую погоду работай в поле, а в дождь оставайся дома и читай книгу», — гласит японская поговорка. Но сколько стариков теперь имеют возможность на склоне лет наслаждаться отдыхом и читать дома книги, об этом в официальном сообщении ничего не говорится.

Пенсионный возраст составляет в Японии 55—60 лет. После увольнения с предприятия человеку, проработавшему там не одно десятилетие, трудно найти новую работу. Согласно статистике, в 1977 году в среднем из 1000 человек в возрасте 55—59 лет, ищущих работу с помощью биржи труда, нашли ее только 15, а те, кому свыше 65, — только трое. Система личных отношений, на которой мы остановимся позже, действительно кое-кому помогает иногда получать рабочие места, но статистику это не меняет.

При таком положении дел становились более понятными слова на большом плакате, который я однажды ранним ноябрьским утром 1979 года случайно увидел в метро: «Мы требуем увеличить возраст выхода на пенсию! Будем добиваться этого посредством переговоров, но в случае неудачи объявим 30 ноября двадцатичетырехчасовую забастовку. Просим пассажиров войти в наше положение».

Одобренный правительством в августе 1979 года «Новый экономический и социальный план на 1979—

1985 годы» устанавливает минимальный пенсионный возраст — 60, а в перспективе даже 65 лет.

Пока большая часть японского населения жила в сельской местности, проблема пожилых людей была не столько общественной, сколько личной. Однако в 1976 году уже насчитывалось более двух миллионов (в пять раз больше, чем в 1955-м) пожилых людей, которые остались в полном одиночестве, то есть без супруга или супруги. Примерно три четверти их живут вместе со своими детьми, что зачастую служит причиной трудностей и конфликтов, особенно острых в крупных центрах, где очень тяжелые жилищные условия.

В «Белой книге по жилищной проблеме в Токио», выпущенной в 1971 году городским управлением, сложившаяся ситуация подвергается тщательному анализу на 400 страницах. Приведем два, хотя и неординарных, примера из этой книги. В токийском районе Синдзюку семья из пяти человек проживала в комнате величиной неполных 10 квадратных метров. Кто-то из старших детей откинул ночью одеяло, которое упало на грудного ребенка, и тот задохнулся. Это случилось 12 декабря 1969 года. Мать с двумя детьми жила в пятиметровой комнате и вынуждена была с ними спать на одном ложе; один из детей, ворочаясь во сне, задел телевизор, который упал и задавил его насмерть.

Полезная площадь примерно 15 миллионов частных домов в Японии, рассчитанных на одну семью, составляет в среднем 50 квадратных метров; полезная площадь приблизительно 10 миллионов квартир, сдающихся внаем, равна в среднем 21 квадратному метру. В столице 40 процентов жителей проживает в частных квартирах, сдаваемых внаем. Средний размер жилой площади этих квартир составляет в одно- или двухэтажных деревянных домах 22 квадратных метра, в новых бетонных постройках — 29 квадратных метров. Подобная мизерность жилплощади кажется невыносимой, но необходимо учитывать два обстоятельства: во-первых, ванная, туалет и прихожая не входят в метраж жилой площади, и, во-вторых, традиционное японское жилье не признает громоздкой мебели. Нет необходимости в стульях или креслах, поскольку японцы сидят, подогнув ноги, на плоской подушке, положенной на татами — толстый мат из рисовой соломы. Они не нуждаются также в кроватях, ибо пользуются матрацами, которые достают на

ночь из стенных шкафов и расстилают поверх татами. Перегородки в комнатах часто раздвижные, так что величину помещения можно варьировать. Тем не менее теснота дает о себе знать, и обитатели воспринимают ее весьма болезненно. По этой причине (она, разумеется, не единственная) японцы довольно редко приглашают к себе домой иностранцев.

Само собой понятно, что и в Японии предпочли бы жить в более просторных квартирах, но, когда в конце пятидесятых годов в результате экономического подъема в стране возрос жизненный уровень, цены на землю и на сдаваемое внаем жилье также значительно подскочили. За период с 1958 по 1973 год цены на землю возросли в 20 раз. Спекуляция земельными участками приняла фантастические размеры. Сумма, за которую приходится снимать жилье (кстати, и приезжим в отелях), очень велика.

Есть в Японии еще очень тревожащая умы проблема: погружение островов в океан. Один японский писатель, не скупясь на выдумку, изобразил весьма невеселую перспективу в фантастическом романе. Кинематографисты, экранизовавшие роман, еще больше сгустили краски. Но оставим писательскую фантазию и обратимся к фактам. С 1937 года в стране приступили к очень тщательному исследованию уже ранее замеченного явления, а именно опускания почвы в промышленных районах. Однозначно объяснить этот феномен наука до сих пор еще не смогла. Идея (возможно, несколько примитивная), что виной опускания почвы служит слишком интенсивное выкачивание промышленными предприятиями грунтовых вод, оказалась в то же время и самой убедительной, поскольку в крупнейших промышленных центрах, таких, как Токио, Нагоя, Осака и Китаkjо, отмечены наиболее значительные опускания. В Токио имеются места, где почва с 1892 по 1970 год опустилась на 3 метра. В Осаке за период с 1932 по 1967 год — примерно на 2,8 метра, а в центре города — на 40 сантиметров. Почти 30 процентов общей площади Осаки и около 1000 квадратных километров во всей Японии опустились настолько, что лежат сегодня ниже среднего уровня моря во время отлива. Правда, мощные дамбы, особенно в Токио и Осаке, защищают эти регионы. А если во время землетрясения дамбы рухнут?

В Японии (как ни в одной другой стране земного

шара) люди издавна живут под страхом стихийных бедствий — землетрясений, тайфунов, гигантских штормовых волн, известных всему миру под японским названием «цунами». Но никогда прежде под угрозой этих стихий не находилось одновременно столь большое число жителей Японских островов.

Вы скажете, автор рисует слишком мрачную, прямо-таки апокалипсическую картину. Возможно. Но «слишком мрачную» лишь при условии, если рассматривать эту состоящую из многих деталей картину как таковую и при этом думать, что любой японец в течение двадцати четырех часов в сутки только и занят тем, что ломает себе голову над подобными проблемами и впадает из-за них в отчаяние. Однако, даже если не думать об этом, картина все же остается тревожной. И тревогу не могут заглушить ни оживленные игры под цветущими вишнями, ни полнейшая тишина какого-нибудь отрешенного от мира монастыря, ни удовольствие, доставляемое технической новинкой.

Японии суждено платить за свой экономический подъем и платить дорогой ценой. А кто может с уверенностью сказать, что грядущие поколения не будут расплачиваться еще более высокой ценой? В Японии не принято говорить об этом вслух. Танцуя на вулкане, не заглядывают в кратер, в глубине которого клокочет раскаленная лава.

В Японии очень мало (а скорее и вообще нет) семей, которые не имели бы цветного телевизора, холодильника, стиральной машины и других потребительских товаров, причем высокого качества. Уровень жизни, однако, не может измеряться только возможностями личного потребления, удовлетворения истинных или ложных потребностей, он должен измеряться степенью благополучия окружающей среды и заботой о сохранении жизни будущим поколениям.

Несомненно одно: Япония ходит по тонкому канату. Нет смысла закрывать глаза на эту истину, даже если она не ежечасно и не ежедневно бросается в глаза.

КОГДА ЗЕМЛЯ СОДРОГАЕТСЯ И БОГ УРАГАНОВ ПРИХОДИТ В ЯРОСТЬ

Горы распадались и погребали под собой реки; море наклонилось в одну сторону и затопило сушу; земля разверзалась, и вода, бурля, поднималась оттуда; скалы рассекались и скатывались вниз, в долину, суда, плывущие вдоль побережья, носились по волнам; мулы, идущие по дорогам, не знали, куда поставить ногу. Еще хуже было в столице: повсюду и везде ни один храм, ни один дом, пагода или мавзолей не остается целым. Когда они разваливались или рушились наземь, пыль поднималась, словно густой дым. Гул от сотрясения почвы, от разрушения домов был совсем, как гром. Оставаться в доме — значило быть сейчас же раздавленным; выбежать наружу — тут земля разверзлась. Нет крыльев, значит, и к небесам взлететь невозможно; сам — не дракон, значит, и на облака взобраться трудно. Мне думается, что из всех ужасов на свете самое ужасное — именно землетрясение.

Камо-но Тёмэй. Записки из кельи

Наступает последний час суток. «Юмэ но хаамонии» («Гармония грез») — раздается из радиоприемников. В голосе диктора — слегка интимные нотки: похоже, во всем мире — это непреходящий нюанс в подобных полуночных передачах. Час «гармоничных грез» начинается с музыки Чайковского. На мгновение забываешь, что находишься в Азии, далеко от культуры и традиций, в которых родилась эта музыка. Усилием воли заставляешь себя не слишком очаровываться музыкой, чтобы не погружаться в «гармонию грез». Вместо этого становишься под душ и вдруг ощущаешь сильные толчки. Стены двухэтажного здания начинают дрожать, стекла дребезжать. А ты стоишь в костюме Адама. Что делать, если под тобой провалится пол, пронесется в голове. Но так же внезапно все проходит. Обрывается музыка. Звучный голос диктора сообщает: в 23 часа 27 минут в районе Канто зарегистрировано землетрясение, в Токио оно достигло трех баллов. И вновь музыка. Теперь толь-

ко отчетливо сознаешь: ты находишься в Азии, ты в Японии!

Японский архипелаг представляет собой верхнюю часть высоких горных массивов, поднимающихся из океана. Это доказывается наличием в Тихом океане к востоку от Японского архипелага подводных депрессий с глубинами от 5 до 9 километров ниже уровня моря. Возвышаясь над уровнем моря до 3 километров и выше (Фудзи — до 3775 метров), вместе с подводной частью эти горы составляют высоту от 8 до 12 километров. Разница высот создает сильнейшее напряжение в земной коре, следствием которого является очень высокая вулканическая активность. Около 60 из примерно 250 вулканов в настоящее время еще активны, однако для человека не все они представляют опасность.

Не только в туристском городе Беппу с его «кровавым озером» бьют из почвы многочисленные горячие источники. По всей стране их более полутора тысяч. Используются они в лечебных целях и в некоторых отраслях экономики.

Следствием геологической структуры являются также частые землетрясения. Ежегодно их регистрируется около 4 тысяч. Большинство из них маломощны, почти неощутимы и весьма локализованны. Но, согласно статистическим данным, примерно каждые шесть с половиной лет в Японии происходит одно, довольно крупное землетрясение. Больше всего подвергаются опасности регионы, лежащие поблизости от побережья Тихого океана к северу от Токио, и земли на «заднем фасаде» Японии, непосредственно примыкающие к побережью Японского моря, то есть вся полоса от полуострова Симане до Акиты. История Японии за последние 15 веков насчитывает примерно 300 крупных землетрясений, вызвавших большие бедствия.

Одно из самых страшных землетрясений последнего времени произошло в 1964 году в Ниигате. Город был почти весь разрушен. Наклонились, а затем повалились даже не слишком высокие бетонные строения. Японские сейсмологи после долгих кропотливых исследований, похоже, разгадали загадку падения домов, открыв так называемый феномен конденсации песка, связанный с возникающей при землетрясении вибрацией, при которой между песчинками образуются молекулы воды. При постоянно возрастающем давлении песок ведет себя в

конечном счете точно так же, как вода, и создается ситуация, когда дома как бы плавают в воде. При этом они своей тяжестью выдавливают «конденсированный» песок на поверхность, а сами сперва опускаются, потом наклоняются и в конце концов рушатся. Когда это было доказано на опыте, ученые решили продолжать исследования, в результате которых пришли к выводу, что именно по этой причине около 33 процентов территории Токио во время землетрясения потенциально подвержены опасности. Они полагают также, что значительную часть повреждений, причиненных землетрясением 1 сентября 1923 года в районе Канто, следует отнести за счет феномена конденсации песка.

Землетрясение 1 сентября 1923 года — самое крупное в новейшей истории Японии. Больше всего пострадали Токио и Иокогама. Почти целых три часа с интервалами сотрясалась земля. Погибло более 142 тысяч человек. От толчков и вызванных ими пожаров было разрушено и сожжено 576 тысяч строений. Многие районы Токио являли собой участки выжженной земли. Два десятилетия спустя все повторилось, притом в более крупных масштабах и со значительно большим числом жертв. Это была страшная катастрофа, однако на сей раз отнюдь не стихийная, а вызванная тысячами тонн зажигательных бомб, сброшенных американскими самолетами.

Японский ребенок, говорили прежде, боится четырех вещей: отца, грозы, землетрясения и огня. Боится ли он сегодня своего отца, подлежит сомнению. В 1978 году группа ученых опросила 1653 японских матерей и столько же детей. «Кого ты боишься?» — был один из вопросов детям. 29 процентов назвали мать, 13 процентов — отца! Что касается грозы, огня и землетрясений, то дети по-прежнему их боятся. Однако их жизнь, так же как и жизнь взрослых, не пронизана постоянным страхом перед стихийными бедствиями, во всяком случае, страх не движет всеми их поступками, а отеснен в подсознание. Быть может, этот перманентный страх в сочетании с убежденностью в неотвратимости столь частых стихийных бедствий частично способствовал формированию японского образа мысли. Японец, например, при определенных обстоятельствах быстро покоряется судьбе. «Субэ во сирану» («Я не знаю, как мне быть») — встречается уже в стихах VII—VIII веков, самых древних из дошедших до нас поэтических творений. Как часто слы-

шишь сегодня: «Сикатаганай» («Ничего не поделаешь»). Что это, поспешное примирение с неизбежным, хладнокровие или проявление фатализма? Подобное отношение к действительности можно объяснить многими факторами: духовными, коренящимися в буддизме, социально-историческими, вытекающими из своеобразия японской истории, нельзя исключить и фактор природных условий, в которых живут японцы.

Охарактеризовать эту черту можно по-разному, но к бездейственности, к потере активности она никогда не приводила. Надо быть очевидцем, чтобы оценить то, как спокойно, без лишних слов и в каком быстром темпе после пожара или стихийного бедствия японцы принимаются за восстановление разрушенного. Нет ни бесконечных причитаний по поводу понесенных потерь, ни оплакивания своего пропавшего имущества. «Колокольный звон Иетаванского монастыря слагает песню об изменчивости всего сущего» — так начинается одно из самых прекрасных стихотворений в прозе первой половины XIII века.

Если бы в Токио жили в постоянном страхе перед землетрясением, то бездействовало бы метро, которое между тем располагает сетью путей длиной более 180 километров, пустовали бы подземные здания универсальных магазинов в два, три и более этажей, и 88 подземных торговых улиц, торговый центр площадью около 3 квадратных километров под вокзалом Синдзюку, а также многочисленные рестораны и бары, расположенные под землей. Ибо при сильном землетрясении, которое начинается без какого-либо предварительного сигнала, оттуда труднее всего спастись бегством. Живущих в страхе японцев я никогда не встречал, но зато знал европейцев, которые настолько боялись землетрясения, что никогда не пользовались метро.

Обратной стороной такого отношения является определенная беспечность, и она отнюдь не кажется наигранной. Возможно, она — часть того же фатализма.

Городское управление Токио и власти отдельных городских районов на случай землетрясения разработали планы спасения и эвакуации жителей. Правда, и прежде каждый японец в столице знал, куда в этом случае бежать. Теперь же сооружены склады с запасами продовольствия, действует целая система напоминаний, как себя вести, что делать. Например, при толчках рекомен-

дуются отключать свет и газ, а тем, кто проживает в одно- или двухэтажном деревянном доме, — не покидать его, а взобраться на крышу. И без усталости предупреждают не впадать в панику. Говорить об этом, конечно, легче, чем применять сказанное на практике.

И тем не менее доля безопасности существует. В этой связи и чтобы меня не заподозрили в сгущении красок, мне хочется привести цитату из уже упомянутой книги Танаки. «Пожарная охрана в Токио, — пишет он, — с марта 1972 года насчитывает 31 машину, оборудованную приставными лестницами, 8 машин со специальными лестницами и 3 семиместных вертолета. Поэтому пожарники отнюдь не преувеличивают, когда говорят: „Если повторится землетрясение, подобное тому, какое разразилось в 1923 году, нам не останется ничего иного, как пассивно наблюдать, как Токио сгорит дотла“. Пожарная охрана подсчитала, что, случись такое, огонь уничтожит дома на площади в 16 квадратных километров и не менее 560 тысяч человек поплатятся жизнью». Затем Танака упоминает в качестве источников особой опасности 2500 бензоколонок, расположенных в 23 районах Токио, и добавляет: «В районе Канто с его центром — Токио — сконцентрировано 37 процентов производственных мощностей Японии. Если промышленность подвергнется здесь прямому удару, японская экономика будет подорвана до основания».

В Японии вполне осознают, что сильное землетрясение может привести в промышленных центрах к страшной катастрофе. 16 ноября 1979 года впервые была опробована готовность населения на случай крупномасштабного землетрясения, правда, не в Токио, а в префектуре, находящейся намного южнее столицы. Центральный штаб по борьбе с катастрофой, возглавляемый премьер-министром, начал активно действовать, однако на следующий день газеты констатировали почти полное безразличие жителей к мероприятию.

Еще недавно в Японии полагали, что крупных землетрясений в районе Канто следует ожидать каждые 50 лет. В 1973 году для Токио этот срок благополучно миновал — предсказания не сбылись. И тем не менее некоторые не очень солидные ежемесячные журналы, и в первую очередь выходящие огромными тиражами многочисленными еженедельниками, в погоне за сенсациями и с целью развлечь читателя старались изо всех сил пре-

взойти друг друга в описании страшных разрушений, которые ждут Токио в ближайшем будущем.

Однажды вечером я сидел с одним моим знакомым писателем на веранде его дома, расположенного довольно далеко от Токио. Лишь по отсвету, видневшемуся в небе за горами, можно было предположить, где находится Токио.

— Представь себе,— начал он,— что будет, если в столице произойдет сильное землетрясение. Дантовский ад покажется в сравнении с этой картиной раем. Ведь в городе сотни тысяч прижатых друг к другу домов, десятки тысяч автомашин, нефтехранилища и бензоколонки, все они взорвутся и начнутся пожары, массы синтетических материалов будут выделять при сгорании огромное количество отравляющих газов...

Да, нарисованная картина была ужасающей. Когда 1973 год миновал без каких-либо происшествий, стали говорить, что сильное землетрясение разразится, вероятнее всего, не через 50, а через 60 лет. Оказывается, ритмичность, с которой повторяются землетрясения,— 60, 70, 75 и 90 лет. Постоянно звучат голоса, даже серьезных ученых, утверждающие, что катастрофу надо ожидать в недалеком будущем.

Тот, кто вырос в других широтах, не представляет себе феномена под названием «землетрясение». Но вот он столкнулся с ним, и его охватывает ужас от того, что дом внезапно начинает трещать по швам, им овладевает странное чувство, когда он, лежа на кровати, чувствует, что она начинает ходить ходуном, и видит, как над ним, словно маятник, раскачивается лампа. Если он не очень мнителен, то отнесется ко всему спокойно, рассматривая случившееся как приобретение опыта, но время от времени ему будет не по себе.

В Токио недалеко от вокзала Синдзюку простирается обширный квартал увеселительных заведений. Здесь расположены кинотеатры, кабаре, кафе и множество крошечных баров; иные из них размером не больше средней гостиной в наших европейских квартирах. Один знакомый пригласил меня прогуляться по такому кварталу, который в вечерние часы производит впечатление заброшенности. Он повел меня в двухэтажный подземный бар. Здесь даже наземные строения не выглядят вечными, особенно днем, когда отсутствуют обычные вечерние световые эффекты, а уж подземные — и подавно!

Спускающаяся в бар лестница была настолько узкой, что на ней можно разминуться только если идти боком. Находясь в баре, я не обнаружил даже запасного выхода, и, признаться, меня охватил страх. Необязательно землетрясение, достаточно искры из поврежденной электропроводки или непогашенной спички... «сикатаганай» — «ничего не поделаешь». В конце концов никто никого не принуждал спускаться по этой лестнице.

В 1964 году был отменен лимит высоты застройки Токио, определенный ранее в 31 метр. Весной 1968 года сооружается Касумигасэки — первый токийский небоскреб (36 этажей, высота 147 метров). Начинается соревнование между городами и предприятиями по постройке самого высокого здания. Силуэт Токио меняется на глазах. Если прежде в нем преобладали кварталы двухэтажных деревянных домиков с плоскими крышами, то отныне облик города формируют новые «субцентры», расположенные между трех важнейших транспортных узлов столицы: Синдзюку, Икэбукуро и Сибуя.

В Синдзюку освобождается территория бывшей очистной установки площадью 55 гектаров для строительства 11 высочайших небоскребов. В 1971 году сдается в эксплуатацию отель «Кэйо-Плаза» в 47 этажей высотой 170 метров. Следующие небоскребы поднимаются уже на высоту более 200 метров, например Сумитомо (212 метров, 56 этажей — 52 этажа над и 4 — под землей). Для этого изысканно красивого (как внутри, так и снаружи) сооружения со скоростными лифтами понадобилось 20 тысяч тонн стали и железа, многие тысячи кубических метров бетона и стекла.

Самый высокий пока небоскреб, поднявшийся на 240 метров, расположен в районе Икэбукуро, и уже планируют возвести тысячеметровую башенную постройку в научном центре — Цукубе.

В первой половине восьмидесятых годов в Синдзюку намереваются воплотить в жизнь настолько же честолюбивый, насколько и смелый замысел, а именно создать изолированный «субцентр». В нем будут заняты примерно 100 тысяч служащих, а посещать его смогут ежедневно около 300 тысяч человек. Парки, аркады, фонтаны и сами высотные здания придадут новому району, который будет расположен внутри старых кварталов, атмосферу размаха, характерную для крупного торгово-промышленного центра. Этот новый район вряд ли вы-

зовет чувство уюта, однако он не лишен будет притягательности¹.

Силуэты других городов, таких, как Осака, Кобэ и Иокогама, также изменились, и процесс этот, несомненно, будет продолжаться в будущем. Что это, американизация внешнего облика городов? Не думаю. Небоскребы и новые «субцентры», наподобие Синдзюку, имеют в своей архитектуре типично японские черты. Конечно, некоторые могут со мной не согласиться.

Наутро после землетрясения, заставшего меня врасплох под душем и достигавшего трех баллов (критическая черта, в зависимости от местных условий, считается примерно пять баллов по шкале Рихтера, а землетрясение 1 сентября 1923 года было восьмibalльным), я встретил знакомого европейца, остановившегося в Синдзюку в высотном здании отеля. Вид у него был довольно растерянный. Дело в том, что амплитуда колебаний неодинакова на всех этажах, очевидно, есть этажи, где колебания ощущаются особенно резко, и такой этаж достался моему знакомому. Строители уверяют, что небоскребы останутся целыми и невредимыми даже после землетрясения, втрое превышающего по силе землетрясение 1923 года, но такие толчки еще нигде в мире не были зарегистрированы.

Гибкая структура, шлицевые конструкции делают высотные постройки сейсмически стойкими. Главный принцип, легший в основу возведения небоскребов, японские архитекторы и специалисты в области статики позаимствовали из имеющей более чем тысячелетний возраст японской культовой архитектуры, славящейся конструкцией стройных, часто даже сверхстройных, пагод.

Пагода, наиболее характерное сооружение буддийского храмового ансамбля, уходящее своими корнями к индийским надгробным памятникам — ступам, первоначально служила хранилищем буддийских реликвий. Однако уже в Китае архитектура пагоды была настолько изменена по образу китайской сторожевой башни, что почти ничем не напоминала о своем индийском происхождении. Именно эта китайская модель и была перенята буддийской архитектурой Японии. Пагоды возвы-

¹ В настоящее время застройка района Синдзюку завершена, и он действительно стал одним из впечатляющих районов не только Токио, но и всей Японии.

шались слева и справа от основного здания храма, в котором находилась главная статуя Будды данного монастыря.

В 752 году в Наре был торжественно освящен «Золотой павильон» для установления в нем упомянутой выше шестнадцатиметровой статуи Будды. В то же время две колоссальные девяностодевятиметровые пагоды украсили обширный парк Великого восточного храма — Тодайдзи. Статуя Будды пережила беспокойные времена и частично пострадала. От пагод же вообще ничего не осталось. Но их погубили не землетрясения и не тайфуны, а молнии. Главный храм, где находилась вторая по величине статуя Будды в Японии — Великий Будда из Камакуры (1265 год), ставшая сегодня достопримечательностью и местом паломничества туристов, — а также другие строения ансамбля в 1495 году были сметены с лица земли гигантским цунами.

Простая и рациональная конструкция предохраняет высокие, стройные пагоды от падения: мощная центральная опора не закрепляется жестко в фундамент, а как бы подвешивается к самой середине кровли. Когда пагода наклоняется, опора вибрирует, касаясь критических точек фундамента, и плавно подпирает все строение. Тщательно продуманная комбинация из ферм и поперечных балок способствует дальнейшей стабилизации. Сказанное может служить примером того, насколько тесно уживается в Японии прошлое с настоящим, хотя это и не всегда сразу бросается в глаза.

Гибкая структура призвана придать небоскребу устойчивость во время землетрясений и ураганов, но, как она проявит себя в случае сильного землетрясения, никто сказать не может.

Ежегодно с конца августа по октябрь возможность образования тайфунов очень велика, и они подвергают небоскребы весьма серьезному испытанию. В южной части Тихого океана сначала зарождаются вихри, которые, набирая силу, затем в виде тайфунов, сопровождаемых ливнями, проносятся с огромной скоростью над Южной Японией и прибрежными районами Тихого океана, а также над частью побережья Японского моря и Центральной Японии. За формированием тайфунов в настоящее время ведется тщательное наблюдение. Их сила, направление и время появления в определенном месте уже сегодня определяются с большой точностью. Это

позволяет снизить разрушительную силу тайфунов в городах, однако сельское хозяйство остается во власти разбушевавшейся стихии. Таким образом, нельзя сказать, что природные условия в Японии слишком благоприятны для человека. Ее ландшафт несомненно разнообразен, многогранен и привлекателен. Современный человек, даже не будучи мечтателем, особенно глубоко чувствует очарование японской природы и в то же время трезво оценивает тот факт, что она требует полной отдачи всех его сил. Природа, безусловно, очень щедра к японцам, и не только в плане эстетическом. Встреча двух морских течений — теплого Куро-сио с юга и холодного — Ойя-сио с севера — способствовала тому, что воды вокруг Японии изобилуют рыбой. Правда, сегодня ее уже не хватает — японские сейнеры можно встретить во всех рыболовных районах Мирового океана.

Мягкий морской климат и обильные регулярные осадки позволяют собирать на землях южных районов страны по два урожая в год (кроме риса часто вторым урожаем снимают пшеницу). Следует отметить большое разнообразие сельскохозяйственных и морских продуктов. Да, природа здесь поистине щедра!

Летние месяцы, которые я провел в Токио в сезон дождей (с первой половины июня до конца июля), отмечены не самыми приятными воспоминаниями. Дожди идут по несколько часов кряду, а когда они наконец прекращаются, влажность воздуха настолько высока, что возникает ощущение, будто ты в парилке. В августе от летних температур потеешь не только днем, но и ночью. В сентябре еще раз наступает сезон дождей, правда, не столь продолжительный, как летом, но с тайфунами, возмещающими конец лета.

Осень — самое прекрасное время года в Японии. Она радуется безоблачным небом, мягким теплом и поначалу буйными красками осенних цветов и листьев. Но в конце ноября она напоминает о бренности всего сущего.

Осенний вид не привлекает взора.
В горах сейчас не встретишь никого.
Цветы осыпались...
И только листья клена —
Как ночью золотистая парча.

Пер. А. Е. Глускиной

Эти стихи написал Ки-но Цураюки — великий поэт Японии начала X века.

Хочу украсить свои волосы
Хризантемами осени,
Пока они цветут.
Не знаю, что раньше погибнет:
Цветы или мое «я».

Пер. А. Е. Глускиной

На Хоккайдо и на северном побережье Японского моря зимой выпадает много снега: два-три метра считаются нормой. На севере зимой, особенно в феврале, довольно холодно, однако днем под действием солнечных лучей температура значительно повышается. Лишь на севере острова Хонсю средняя температура января и февраля опускается ниже нуля. Снег может выпадать даже на крайнем юге, и тогда покрытые снегом бамбук и пальмы являют собой незабываемое зрелище.

В марте приходит весна, но уже в феврале начинает цвести слива. В «Маньёсю» («Собрание мириад листьев»), обширнейшей, восходящей к середине VIII века антологии японской поэзии, которая включает почти пять тысяч стихотворений, имеются такие строки неизвестного поэта:

Уже давно отцвела слива,
Но невзирая на это беспрестанно идет снег
И покрывает белизной мой сад.

Пер. А. Е. Глускиной

На смену белому цветению сливы приходит красный цвет персиковых деревьев и ярко-розовый — японской вишни. Но то, что так расточительно цветет, как правило, не плодоносит.

Своеобразие климатических условий Японии определяется растянутостью островной дуги Японского архипелага, а также ее узостью (ни одна точка Японии не отделена от моря более чем на 250 километров), сильной горизонтальной и вертикальной расчлененностью территории, омываемой обоими крупными морскими течениями, и местоположением между самым крупным материком и величайшим водным пространством. Саппоро, например, расположено на 43-м градусе северной широты, что соответствует в Европе французской Ривьере. В Саппоро, однако, слой снега в два-три метра считается обычным явлением. Средняя температура января составляет здесь минус 5,5 градуса по Цельсию, а в Токио — плюс 5,5 градуса.

Во всех странах средней полосы знают четыре времени года, но нет, пожалуй, ни одного другого народа, кроме японцев, в культуре которого так многогранно и полно отразилось их чередование. Не начать письмо словами «кисэцу-но котооба» (высказывание о времени года) было бы неуважением к традициям. И совершенно немыслимо написать стихотворение в классической форме, не вставив в него слова о каком-нибудь времени года. Долго ли еще продержится столь тесное единение с природой, когда так стремительно меняется весь образ жизни и естественный окружающий мир становится все более искусственным?

Когда божественная чета Идзанами и Идзанаги создавала Японский архипелаг, она не скупилась ни на красоту ландшафтов, ни на обилие плодов земли и морей; правда, муками она также не обделила своих потомков. Она, очевидно, не подумала о том, что миллионы ее потомков будут нуждаться и в природных богатствах иного рода. На Кюсю и Хоккайдо есть уголь, но невысокого качества; имеется еще сера, немного нефти близ Ниигаты и Акиты, природный газ, лигнит. Рудники по добыче железа, золота и меди почти исчерпаны. Идзанами и Идзанаги ценили, вероятно, в природе одну лишь красоту.

КОПИРОВАНИЕ ИЛИ ТВОРЧЕСТВО?

У соседа цветы всегда красивее.

* * *

Подражающая баклану ворона тонет.

* * *

Мух отгоняй сначала от своей головы.

Японские пословицы

Копирование или творчество? Правомерен ли такой вопрос, после того как речь шла о суперэкспрессах, не имеющих себе равных на земле, о туннелях и высочайших небоскребах, создающихся в одной из самых сейсмических зон земного шара, когда весь мир осведомлен о производственной мощи японской промышленности и совершенстве ее технологии? Но попытаемся ответить на него. Возможно, это будет несколько отвлеченный ответ, но постараюсь подкрепить мои умозрительные заключения цифрами и фактами.

В начале восьмидесятых годов прошлого столетия молодой император Муцухито (Мэйдзи) решил в доказательство своей приверженности новому веянию устраивать балы на манер королевского двора в Вене. Грациозные японские придворные дамы появлялись на этих балах в роскошных европейских нарядах, однако корсеты надевали поверх платьев! Возможно, подобное и случалось иногда. Во всяком случае, об этих событиях столетней давности не без иронии рассказывают сами японцы. Однако сегодняшняя японка в одежде европейского покроя чувствует себя не хуже, если не лучше, чем в традиционном кимоно, и выглядит не менее элегантно, чем европейская женщина. Токио все больше и больше становится центром международной моды, и не только женской. Нет больше места для снисходительной улыбки. Однако в Европе на оперных сценах мадам Баттер-

фляй иногда появляется в кимоно, которое создала фантазия художника-костюмера и не имеет ничего общего с настоящим. Японцу, глядя на такое «кимоно», трудно удержаться от улыбки. Все поменялось местами!

В начале двадцатых годов нашего столетия Японию посетил один инженер-европеец, чтобы установить здесь машины своей фирмы, и у него не оказалось под рукой нужного винта для какой-то детали. Тогда он, не долго думая, достал гвоздь, загнул его и употребил в дело. Как же был удивлен наш инженер, когда несколько лет спустя он вновь приехал в Японию и увидел, что его машина была тщательно воспроизведена в нескольких экземплярах, притом с загнутым гвоздем на месте когда-то утерянного винта!

Подобного рода анекдотов рассказывалось немало, причем чаще всего с целью заострить внимание на том, что японцы — нация нетворческая, что они способны чрезвычайно умело все копировать, но не в состоянии создать сами что-либо оригинальное. Человеку, чьи представления о Японии сложились, скажем, в двадцатые годы, это кажется само собой разумеющимся, и он будет отстаивать подобную точку зрения, приводя множество примеров из собственных наблюдений. Но человек, для которого Япония ассоциируется с такими понятиями, как полупроводники, электроника и т. п., возможно, скажет: «К чему эти рассказы?» Об этом уже много написано, в том числе и самими японцами. Книгами на эту тему можно было бы укомплектовать довольно обширную библиотеку.

Если бросить взгляд на духовную историю Японии, станет очевидным, что в ней напрасно искать великие философские системы, которые, базируясь на познании законов природы, привели бы к основополагающим научным выводам о вселенной, к тому, «что сохраняет ее изнутри». Философские системы, опирающиеся на научно-критическое мышление, здесь так и не появились. Вместо этого можно обнаружить своего рода философию морали, носящую, как правило, прагматический характер. Однако даже она возникла не в Японии, а в Китае, а оттуда была заимствована, так же как и многие другие духовные ценности, например буддизм, который в своей китаизированной форме проник в Японию главным образом через Корею, конфуцианство, письменность, искусство и многое другое.

Четыре системы оказали решающее влияние на Японию, и ни одна из них не является системой японского происхождения. Это буддизм, полностью господствовавший в духовной жизни страны с VII до XVI века; конфуцианство, проникшее в XVII веке во все сферы жизни японского общества; христианство, добившееся в конце XVI — начале XVII века, а затем еще раз в конце XIX века некоторого влияния, и, наконец, марксизм, распространившийся в Японии после первой мировой войны.

На протяжении всех фаз развития духовной истории японцы не оформляли свои мысли в философские системы, предпочитая выражать их в конкретных литературных произведениях. С незапамятных времен больших высот достигло искусство стихосложения. Оно как бы взяло на себя функцию философии, но литераторы от этого еще не становились философами. Правда, время от времени появлялись философы-дилетанты. Склонность ко всему эмоциональному, часто сентиментальному, к чувственно-конкретному была всегда сильнее, чем тяга к логике, абстракции и систематизации. История о Фаусте едва ли мыслима в японской литературе, скорее там появилась бы история молодого Вертера. Философский роман японская литература обрела лишь после 1945 года.

Мир внешних явлений считался издавна чем-то абсолютным. В центре внимания находилась не некая абстрактная идея, а то, что можно было воспринимать чувствами, и это нередко подмечалось и с удивительной точностью воспроизводилось в литературе или в других видах искусства весьма обстоятельно, часто, однако, предельно сжато и сдержанно, как, например, в рисунках тушью или в поэзии жанра хайку (хокку). Всего семнадцатью слогами удается мастеру японских хайку — одной из самых кратких стихотворных форм в мировой литературе — выразить всеобъемлющий мир внешних явлений.

К вечернему ветру
прильнули цветки белых роз,

Или:

Солнце садится.
Над скошенным конопляником
путешествует дождь,—

написал Масаёка Сики (1867—1902), один из крупных новаторов классических японских стихотворных форм. А

его ученик Такахама Киоси (1874—1959) сочинил такое хайку:

Тысяча холмов,
осенняя красная листва
и ручей.

Или:

Холодный лунный свет,
очертания каменной пагоды,
тень сосны.

Эти художественные описания доставляют истинное наслаждение своей чувственной конкретностью. За ними стоит природа во всей своей целостности и гармонии. И природа хочет, чтобы ее рассматривали так, как она сама себя показывает, то есть во всем ее многообразии и изменчивости. За этим воспринимаемым органами чувств окружающим миром нет ничего. Стоя на такой принципиальной позиции, японцы в своих стремлениях создать какие-либо философские системы или разработать теории с их дальнейшей перепроверкой путем научных экспериментов, казалось, были обречены на неудачу.

Однако это не так, ибо необходимо основательное знание законов природы, чтобы (уже в первой половине VIII века) отлить бронзовую статую высотой 16 метров и весом более 400 тонн, а также возвести для нее строение, считающееся даже по современным масштабам гигантским.

Не подлежит также сомнению, что в научном мышлении и его техническом претворении в жизнь Япония уже в конце XVI века добилась значительных успехов, что подтверждается документами. Но нельзя отрицать и то, что в период крупных общественных переворотов второй половины XVI века импульсами нередко служили контакты с Европой, хотя предпосылки для Ренессанса, нуждавшегося в «гигантах мысли» и порождавшего таковых, имелись в это время и в Японии. Возможно, «гиганты» не выдались чересчур крупными только потому, что в них не слишком нуждались.

«Васан» — «японская математика» успешно развивалась и почти не отставала от европейской. В не меньшей степени развивались астрономия, география, медицина. Уже в конце двадцатых годов XVII века была налажена технология изготовления искусственных зубов; в 1805

году хирург Ханаока Сэйсу удалил у женщины грудь под общим наркозом. В Европе обезболивающие средства (закись азота и эфир) стали применять лишь спустя 40 лет. И все же эти малоизвестные за пределами Японии достижения «гигантов» были немногочисленными. Их знания и заслуги не привели к научно-технической революции, как в Европе в XVIII и XIX веках.

Если задаться вопросом, почему этого не произошло, можно впасть в спекулятивные рассуждения. «Нет необходимости,— писала одна известная исследовательница дальневосточного региона,— долго находиться в Восточной Азии, чтобы убедиться, что китайцы и японцы почти всегда поступают и мыслят иначе, чем европейцы, окажись они в тех же условиях». А как часто слышишь, что японец боится внести ясность в положение вещей.

В подобной характеристике кое-что, может быть, и верно, но она ничего не объясняет и потому никак не способствует лучшему пониманию. Вполне возможно, что «японец» действует иначе. Когда, например, японская мать видит, что ее ребенку грозит опасность, она наклоняется над ним, заключает его в свои объятия и поворачивается к источнику опасности спиной. В Европе, наоборот, мать прячет ребенка за своей спиной и смотрит опасности прямо в лицо. Но всегда ли и при любых ли обстоятельствах японец поступает иначе — вот в чем вопрос. Тем более сомнительно утверждение, что он ощущает все иначе. Когда японец говорит кому-нибудь о наступившем его ударе судьбы и при этом виду не подает, что ему тяжело, и даже улыбается, это вовсе не означает, что он не испытывает такую же душевную боль, какую испытывал бы европеец, окажись он на месте японца. Европейца может удивить поведение японских детей во время прощания с отцом или с матерью. Они резко и раздраженно реагируют, если кто-либо в этот момент начинает их утешать или сделает попытку приласкать, но это еще не значит, что японский ребенок в данной ситуации меньше грустит, чем европейский.

Считается, что японец мыслит по-другому. Как же он все-таки мыслит? На эту тему была выпущена не одна научная книга. Говорят, что в то время как европеец в своих мыслях и действиях идет к намеченной цели напрямую, без колебаний, японец приближается к ней по спирали. Последний путь занимает хотя и больше времени, но в таком движении есть преимущество: из спи-

ралеобразного движения намного легче, чем из прямолинейного, переключиться на другое направление, если цель окажется ошибочной или вовсе бесплодной. Если японец, например, во время беседы, исходя из своего понимания учтивости, избегает «внести полную ясность» в предмет разговора и отказывается что-либо представить как нечто безусловно верное с целью оставить за своим партнером право не соглашаться, это вовсе не значит, что данный японец мыслит иначе. Как ученый, он не хуже, чем ученые других стран, «внесет полную ясность» в изучаемый предмет, отказавшись от формальных сторон своей этики и обратившись к истинному творчеству.

Что было делать, если условия общественного бытия мешали человеку раскрыть свои творческие возможности, если само общество ставило перед наукой и техникой весьма ограниченные задачи, если политическая система в Японии ко времени, когда наука и техника в развитых странах Европы праздновали триумф за триумфом, заботилась в первую очередь о сохранении статус-кво, если эта политическая система рассматривала ученых как «членов преступного тайного общества», а международные связи за-за политики изоляционизма почти полностью были парализованы? Что же должно было случиться, чтобы эта система в конце концов распалась? А случилось следующее. Подплывшие к воротам японской столицы в июле 1853 года военные суда чужой державы (имеется в виду американская эскадра под руководством адмирала Перри) не оставили никаких сомнений в том, что пушки на борту смогут заговорить весьма понятным языком, если Япония откажется открыть свои порты для международного судоходства и закроет страну для свободной торговли. После чего эскадра удалилась, милостиво предоставив Эдо несколько месяцев на размышления.

В японской столице знали, что подобные угрозы — не пустая болтовня. Здесь слишком хорошо помнили о судьбе, постигшей великого соседа десять лет назад, после «опиумных войн». Знали также о судьбе других стран и народов Азии, один за другим лишившихся независимости. В конце XVI — начале XVII века испанские и португальские «покорители мира», облаченные в монашеские рясы, откровенно поведали японцам, как поступали в подобных случаях с другими государствами.

Япония очень быстро осознала всю слабость собственного вооружения, состоявшего из двух-трех пушек, по сравнению с огневой мощностью американских кораблей, и у нее не оставалось другого выхода, как подчиниться требованиям американцев.

В феврале 1854 года адмирал Перри вновь прибыл со своей эскадрой. На этот раз она продвинулась на несколько миль дальше, в бухту Эдо, после чего Япония заявила о своем согласии установить торговые отношения и заключить договор с Соединенными Штатами. 21 февраля 1855 года состоялся обмен ратификационными грамотами. Правда, в ходе обсуждения договора в правительственных кругах сёгуната Токугава вспыхнули ожесточенные споры по поводу уступок, к которым принудили Японию. Но некий Хаяси, один из четырех японских посредников в переговорах, сказал членам правительства: «У нас нет другого выхода. Если мы отклоним договор, может начаться война, а шансов на победу у нас нет. В случае же неминуемого поражения мы будем вынуждены подписать еще более невыгодный договор».

В 1860 году японское судно «Канрин Мару» впервые пересекло Тихий океан с официальной миссией, направляясь к берегам Америки. На борту корабля находился молодой человек — Юкити Фукудзава. В Сан-Франциско он сделал следующую запись: «Мы немало удивлены научными и техническими достижениями и прямо-таки ошеломлены общественными институтами».

Юкити Фукудзава стал впоследствии одним из первых крупных буржуазных просветителей Японии. Правда, в конце своей жизни он ратовал за гражданский мир с абсолютистским режимом тэнно, но это уже другой разговор¹. Число тех, кто, подобно Фукудзава, посетил Соединенные Штаты Америки и Европу еще до коренных изменений во внутривластном положении Японии, все возрастало. Постепенно обнаруживалось, насколько Япония отстала от США и от большинства европейских стран во всех областях науки и техники. Кончилось время, когда японцы черпали информацию только из книг или из рассказов голландцев — единственных европейцев, которым с 1631 года вплоть до открытия в

¹ Фукудзава Юкити (1834—1901) — японский мыслитель, идеолог японской либеральной буржуазии последней трети XIX в. Основатель университета Кэйо. В 1879 г. стал первым президентом Токийской АН.

1854 году страны позволялось в очень ограниченном числе и под строжайшим контролем поддерживать торговые отношения с Японией.

Японцы осознали грозившую стране опасность потери национальной независимости, которая и без того была ограниченной в связи с неравноправными договорами, заключенными с США, и последовавшими вскоре такими же договорами с европейскими государствами.

6 апреля 1868 года правительство выпустило декрет, в котором были такие слова: «Давайте искать знания во всем мире!» Это свидетельствовало о свободной от предрассудков готовности учиться у всего мира, продиктованной неустойчивым политическим положением в стране и непосредственной угрозой потери национальной независимости. И Япония действительно начала учиться у всего мира. Ее подданные ездили в США, чтобы изучать экономику, в Англию — для освоения военно-морского дела, во Францию — для ознакомления с юридической и военной науками. Как только Франция проиграла войну 1870—1871 годов с Пруссией, Япония тут же переориентировалась на Германию. Прусские правоведы были крестными отцами японской конституции 1889 года; немецкий язык стал профессиональным языком японских врачей. В японской реорганизованной армии получила право гражданства прусская военная муштра. Утвержденный рейхстагом «исключительный закон» против социалистов японским чиновникам стал известен раньше, чем первые немногочисленные социалисты Японии объединились в общественную организацию.

Япония училась, училась с необычайной жадностью. Когда просветитель Юкити Фукудзава в 1876 году выпустил книгу «Поощрение к учению», открывавшуюся знаменитыми для Японии того периода поистине революционными словами: «Небо не поставило ни одного человека над другим человеком и ни одного человека под другим человеком», то первое ее издание было распродано тиражом в 200 тысяч экземпляров. Позже было обнаружено, что одновременно на рынок нелегально попали еще 220 тысяч экземпляров. Если учесть, что население страны в то время составляло примерно 35 миллионов, то книгу приобрел каждый сто шестидесятый житель Японии. До кончины Фукудзавы в 1901 году его «Поощрение к учению» было издано тиражом в 3,4 миллиона экземпляров.

Когда читаешь эту книгу сегодня, то местами она кажется трогательно наивной. В сущности, она сводится лишь к одному: к попытке убедить читателя в том, что он должен овладевать практическими знаниями. «Учиться,— писал Фукудзава,— не значит в первую очередь заниматься такой непрактичной деятельностью, как изучение нерасшифрованных китайских иероглифов и чтение древних, трудных для понимания текстов, или, наконец, стихосложением для собственного удовольствия. Все это можно охарактеризовать как разумное времяпрепровождение, однако подобные занятия не стоит ценить так высоко, как это делали в далеком прошлом ученые мужи, среди которых ни один не справлялся с задачами практической жизни. Столь же редко можно было встретить коммерсанта, который, увлекаясь поэзией, успешно вел бы торговые дела. Так, мы видим, что рассудительные коммерсанты и земледельцы проявляют немалое беспокойство, когда их дети усаживаются за книги, так как опасаются, и не без основания, что это в конце концов приведет к разорению семьи. Поэтому получается, что в такого рода учении нет какой-либо практической пользы и оно не отвечает повседневным требованиям».

Учиться же, не важно, в общепринятом ли смысле или в том, который вкладывал в него Фукудзава, означало прежде всего подражать и копировать. Когда Япония в V и VI веках более тесно соприкоснулась с далеко превосходящей ее духовной и материальной культурой Китая, она стала заимствовать у него все, что могла. А это означало копировать. В Европе со времен древних греков определяющую роль в процессе мышления играл рационализм; диалог, диспуты и критический анализ приводили к научным выводам. В Японии же к ним приходили не путем логических умозаключений, а через разучивание установленных норм поведения, вступлением на «мити» или «до» (пишется одним и тем же иероглифом), что означает «путь». «Бусидо» («путь воина») — это культ лояльности, связанный со сложной системой норм поведения; «садо» («путь чая»), то есть чайная церемония; «кэндо» («путь фехтования»), то есть японское искусство фехтования бамбуковой палкой; «дзюдо» («путь уступок»); «кадо» («путь цветов»), другое обозначение для икебаны, искусства расстановки цветов и веток в вазах; «содо» («путь писания») — ис-

кусство каллиграфии и другие «пути». Вступая на каждый из этих «путей», ученик должен следовать основному принципу: не обращаться с бесконечными вопросами к своему учителю, мастеру, а внимательно наблюдать за его действиями, усваивая все приемы путем стократного, тысячекратного повторения, пока не достигнет совершенства в данной области. Это, разумеется, подражание. Ученик молча копирует мастера, например, работает кистью в традиционных видах искусства точно так же, как он. Такова была цель, и такой она остается по сей день.

Однако копируется лишь то, что вызывает восхищение, и копировать — вовсе не означает обезьянничать. Последнее также имело и имеет место и выражается, в частности, в строгом соблюдении традиционных регламентаций, что ведет подчас к бесплодности и закосоности. Но копирование, предполагающее глубокое проникновение в суть копируемого, когда эта суть сливается с собственной сутью, с точки зрения этики вполне оправданно. Лишь овладев искусством мастера до мельчайших деталей, ученик способен добавить к этому что-то свое. Японцы относятся к творческому процессу совсем не так, как мы. К японской действительности неприменима, например, европейская дифференциация на искусство «большое» и «малое», на «чистое» и «прикладное». В книгах по истории японского искусства японских авторов художественное ремесло и архитектура (включая садово-парковую композицию) ставятся в один ряд с искусством пластики и живописи.

В культуре, в которой представление об индивидуальности никогда не получало самостоятельного развития, в которой не требовалось свободного проявления индивида и не был сформулирован идеал самоутверждения личности, индивидуальность и оригинальность не могли рассматриваться как традиционные ценности, а копирование и подражание не могли восприниматься как нечто негативное. Представление об индивидуальных духовных ценностях в японской идеологии не существовало. Даже сегодня, во второй половине XX века, уважение к духовным ценностям индивида отнюдь не всегда рассматривается как нечто само собой разумеющееся, хотя теперь их охраняют соответствующие законы и есть возможность отстаивать свои права в суде. К этому не преминут прибегнуть, если подражатель попытается

извлечь из подражаемого звонкую монету. В сегодняшней Японии копирование также не поощряется, как и у нас. Но при этом надо помнить, что вековые традиции не всегда могут достаточно быстро меняться с помощью буквы закона. Кроме того, следует остерегаться преждевременных выводов тех, кто считает, что собственный, то есть европейский, опыт является критерием всего на свете.

Япония старательно училась, а заодно усиленно подражала, вызывая большое недовольство тех, кому подражала. Но другого выхода у нее не было: с середины прошлого столетия ей противостояли не особенно дружески настроенные индустриальные страны. Учитывая это, европеец не вправе осуждать японца и отрицать его способность к творчеству.

Япония и теперь учится у всего мира и многое продолжает копировать, но, разумеется, уже с разрешения. Японцы смотрят на это иначе, возможно, более прагматично, и потому достигают намеченной цели порой гораздо быстрее, чем в других странах.

14 августа 1945 года Япония капитулировала. Вторая мировая война закончилась. Последствия ее для Японии были ужасны: более 8 миллионов убитыми и ранеными, 90 разрушенных бомбардировками городов, из них 20 — более чем на 50 процентов (Осака и Кобэ — на 57 процентов, Токио — на 56). В 1940 году в Токио насчитывалось 6,7 миллиона человек, в 1945 году — только 2,8 миллиона; 25 процентов всех зданий страны и примерно 80 процентов промышленных сооружений были полностью уничтожены.

Нерешительные попытки, предпринятые в 1947 году для восстановления промышленного потенциала страны, обернулись для Японии невиданным подъемом, так что в конце 1952 года, то есть за 5 лет, средний процент прироста в промышленности составил 11,5.

Если в начале пятидесятых годов Япония была занята в основном восстановлением своего разрушенного войной промышленного потенциала, то в конце она перешла к «строительной экспансии». Значительные капиталовложения, ассигнованные в 1955—1956 годах, сделали возможным сооружение новых производственных мощностей и ввод новейшей технологии, разумеется иностранной. Ибо где и когда могла она развиваться в самой Японии? После кратковременного спада ассигнования

на эти цели возросли в 1961 году до 23 процентов национального дохода страны. Предпочтение было отдано химической и тяжелой промышленности. Это они с конца пятидесятых годов определяли поистине поразительное развитие японской экономики. По судостроению Япония стала одной из ведущих стран уже в середине пятидесятых годов, а в 1960 году вышла на первое место в мире. Около 50 процентов (иногда несколько больше, иногда меньше) общего мирового тоннажа судов производилось на японских верфях, среди них — крупнейшие в мире танкеры. То, что именно японская судостроительная промышленность с середины семидесятых годов переживает глубокий кризис, — уже совсем другой вопрос.

Судостроение в Японии имеет собственную технологическую базу. В 1895 году она построила свое первое паровое судно водоизмещением свыше тысячи тонн. База особенно расширилась в период строительства военного флота. Линкоры «Ямато» и «Мусаси» имели водоизмещение 73 тысячи тонн каждый. От них надо было сделать лишь шаг до сооружения первого супертанкера «Юниверс Аполло» водоизмещением 104 тысячи тонн, который был спущен на воду в 1958 году. За ним последовал в 1968 году танкер «Юниверс Айрленд» водоизмещением 326 тысяч тонн; длина этого гиганта 346 метров, ширина 53,3 метра (втрое больше футбольного поля); два его винта диаметром 7,2 метра и весом 32 тонны каждый приводятся в движение двумя двигателями мощностью 37 тысяч лошадиных сил. Сварочные швы длиной 800 километров соединяют 45 тысяч тонн стали судового корпуса, вмещающего 380 тысяч кубических метров нефти. В 1973 году был заложен новый класс супертанкеров — «Глобтик-класс». «Глобтик-Мару», «Глобтик-Токио» и «Глобтик-Лондон» — эти суда имеют водоизмещение примерно 483 тысячи тонн каждое.

Японская промышленность создавала предметы не только самые гигантские, но и самые миниатюрные в мире. В 1957 году она начала наводнять мир карманными транзисторами. Самый крошечный (длиной 5,8 сантиметра, высотой 3,1 сантиметра и шириной 1,8 сантиметра) весил 90 граммов. Внутренний и внешний рынки наполнены сегодня карманными зажигалками и наручными часами с вмонтированными в них электронными калькуляторами. Имеются также телевизоры, лишь в

два раза превышающие размер самых миниатюрных радиоприемников выпуска 1957 года.

Нет сомнения, что в области техники Япония достигла высочайших вершин. Причиной расцвета пятидесятих-семидесятых годов, по мнению специалистов, являются, во-первых, новые научно-технические достижения (45 процентов), во-вторых, рост капиталовложений (43 процента) и, в-третьих, увеличение производительности труда. Таким образом, научно-техническим достижениям придавалось наиболее важное значение. Что же это, если не доказательство высоких творческих возможностей японцев?

Вскоре после государственного переворота 1868 года («реставрация Мэйдзи») в Японии осознали большое значение воспитания и обучения. Первым правительственным законом (1872 года) был Закон о введении новой системы школьного обучения, затем вышел указ об учреждении 5500 начальных школ, так как с 1879 года начальное обучение становилось всеобщим и обязательным. Но довольно значительный процент японского населения еще раньше умел читать и писать. В конце XVIII — начале XIX века грамотных было примерно 40 процентов. За законами о трехлетнем, а с 1886 года — четырехлетнем обязательном обучении в 1907 году последовал закон об обязательном шестилетнем школьном образовании, охватившем уже тогда 97,4 процента всех детей. В 1947 году парламент принял Закон о школьном образовании и Основной закон об образовании, легшие в основу современной системы народного образования. С этого года в Японии действует скопированная с американской система «6—3—3—4». Она предусматривает 6 лет обучения в начальной школе, 3 года — в младшей средней школе, 3 года — в старшей средней школе и 4 года — в высшем учебном заведении. С 1977 года около 93 процентов всех оканчивающих младшую среднюю школу поступают в старшую среднюю школу, а 42,5 процента выпускников последней становятся студентами высших учебных заведений.

Нельзя не удивляться тому, что при столь высоком уровне образования Япония, согласно некоторым исследованиям начала семидесятых годов, в развитии своей экономики сильно зависела от импорта иностранной технологии, что давало ей возможность в ряде важных областей экономики ликвидировать «технологический

пробел». Это вовсе не значило, что Япония среди других товаров не экспортировала свою технологию. С середины пятидесятых годов ее экспорт постоянно растет, однако доходы от него составили лишь 1 процент от суммы, которую необходимо было израсходовать на импорт технологии. Но в 1960 году этот процент уже повысился до 2,4, а в 1969 году — до 12,5. С тех пор можно было констатировать его постоянный рост.

Вместо того чтобы выделять значительные капиталовложения на собственные фундаментальные исследования, на создание собственной технологической базы, Япония вначале предпочитала импортировать новейшую технологию и направлять свой научный потенциал на ее усовершенствование. Подобная стратегия в течение длительного периода вполне себя оправдывала, она способствовала росту конкурентоспособности японских товаров на международном рынке и обеспечивала тем самым высокую прибыльность в кратчайшие сроки. По этой причине, а также из-за нерешительности японских предпринимателей в деле развития собственной технологии (они считали, что не испытанная в производстве технология таит в себе слишком большой риск) сложилась значительная зависимость от заграницы. Так что в первую очередь не иностранный капитал, а технологическая зависимость от зарубежных стран вынуждала Японию, поднявшуюся с середины шестидесятых годов на третье место среди индустриальных стран мира, ограничивать свободу своих действий. Сюда следует добавить еще ее зависимость от импорта сырья и экспорта товаров.

Если учесть, что технологические новинки тщательно охраняются хитроумной сетью патентных прав и подчас полностью засекречиваются и что условия приобретения иностранных лицензий ужесточаются (это делается не в последнюю очередь с целью ограничения для конкурентов рынка сбыта), то станет ясным, какой опасности подвергается рентабельность существовавшей до сих пор в Японии технологической стратегии. Поэтому с конца шестидесятых годов были выделены значительные средства на исследование и развитие технологии не только концернами, но и государством, а также полугосударственными исследовательскими институтами, причем вклад концернов, то есть частного сектора, намного превышал и превышает субсидии государства.

Основанный в 1959 году Совет по науке и технике

как консультативный орган при правительстве возглавляется премьер-министром и определяет политику в области науки и техники.

Другим органом, ответственным за проведение в жизнь национальной научной политики, является Управление по науке и технике, созданное в 1956 году. В его задачи входит: планирование и координация научно-технических исследований; согласование ассигнований и дотаций на исследования; содействие проведению исследований, требующих координации усилий различных ведомств, а также фундаментальных исследований, и другое. К важнейшим задачам относятся: разработка проектов освоения космоса; усовершенствование техники связи; исследования морей и океанов; дальнейшее усовершенствование рыболовства и рыбоводства; геофизические исследования островного шельфа (вплоть до проблем опреснения морской воды) и, наконец, исследования в области ядерной физики. В центре внимания стоит дальнейшее строительство и усовершенствование атомных электростанций. В 1979 году в Японии функционировали 12 таких станций. Их производственная мощность составила 15 миллионов киловатт, а к 1985 году она должна была удвоиться.

В проекте в области развития ядерной физики значилось также строительство первого в стране атомохода, что должно было служить «повышению престижа японского судоходства». Грузовой атомоход «Муцу» водоизмещением 8350 тонн сошел со стапелей 12 июня 1969 года. Сборка его заняла 5 лет, и 25 августа 1974 года он впервые вышел из своего родного порта Муцу, расположенного в префектуре Аомори. Но уже в первом рейсе его постигла трагедия — произошла разгерметизация в холодильной установке реактора. Весть об этом распространилась с молниеносной быстротой. На помощь японцам пришло их умение импровизировать. Когда ничего уже не помогало и опасность радиации все возрастала, они вспомнили о мешках с рисом и закрыли ими реактор. Однако население Муцу было сильно напугано. Рыбаки забаррикадировали вход в порт своими лодками. В течение пятидесяти дней «Муцу» не мог пристать к берегу и вынужден был скитаться в океане, подобно кораблю-призраку.

Постоянно возрастающий с середины пятидесятых годов научный потенциал Японии нельзя недооценивать,

но и не следует переоценивать. Ориентированная на скорые прибыли, японская экономика, а также механизм финансирования ее, высокая задолженность предприятий банкам мало стимулировали развитие творческого мышления. Японские промышленники, озабоченные огромными расходами, связанными с фундаментальными исследованиями внутри страны, зачастую предпочитали не внедрять собственную технологию в какую-нибудь отрасль, если за границей собирались внедрять то же самое.

Однако известно, что в Японии сложилась высоко-развитая система образования и что из каждых 10 тысяч человек 21 имеет естественно-техническое образование. Это также одно из противоречий сегодняшней Японии, но в стране поняли, что необходимо положить конец отставанию в области фундаментальных исследований. С этой целью было запланировано создание специального института для развития творческих способностей молодых ученых. Японское правительство строит у подножия горы Цукуба — на расстоянии приблизительно 50 километров северо-восточнее Токио — научный городок, в котором будет жить (вместе с семьями) и трудиться 200 тысяч научных работников и технологов. Пока там живет не больше половины этого числа: вероятно, города, появляющиеся будто по мановению волшебной палочки, не очень-то привлекают молодых специалистов.

Представленное японскому кабинету в сентябре 1978 года Управлением по делам науки и техники исследование доказало, что частный сектор в промышленности больше не в состоянии в той же мере, как до 1973 года, нести основную нагрузку в вопросах научных изысканий. Поэтому, говорилось в документе, необходимо, чтобы на 1979 и последующие годы правительство, университеты и частный сектор объединили свои усилия в деле обеспечения большей эффективности выделенных для научного исследования материальных и персональных фондов. Это, бесспорно, не абстрактные заявления — их последствия не преминут сказаться.

Япония в последние годы неоднократно показывала всему миру, что она способна весьма оперативно реагировать на национальные и международные перемены. Конечно, развертывание обширных фундаментальных исследований требует годы, если не десятилетия. Одна-

ко уже сегодня Япония располагает мощным научно-исследовательским потенциалом. Число специалистов, занимающихся естественными науками и технологией, возросло примерно со 120 тысяч в 1960 году до более чем 400 тысяч в 1976; расходы за этот же период увеличились почти в 15 раз, что является, даже учитывая довольно высокий инфляционный уровень, внушительной статьёй расхода. В Японии пристально следят за техническим развитием других стран. Принцип: не следует изобретать того, что уже изобретено другими, не так уж плох, равно как и другой: самое совершенное изобретение окажется бесполезным, если его нельзя внедрить в кратчайший срок в производство.

Этих двух принципов Япония придерживается весьма последовательно. А когда сталкиваешься с многочисленными примерами целеустремленности во всех областях жизни, начинаешь сомневаться в правомерности некоторых стереотипных высказываний. Например, что для японца эмоции важнее, чем интеллект.

Возможно! Однако в чем ему нельзя отказать, так это в рационализме. Если доводы в пользу эмоций прежде и при других обстоятельствах были обоснованны, то теперь они потеряли почву под ногами.

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ, ИЛИ ДВОЙНАЯ СТРУКТУРА

Бывает, что и камень всплывает, а лист с дерева тонет.

* * *

Чем выше дерево, тем завистливее ветер.

* * *

Как только обжигающая пища минула глотку, о ней тут же забываешь.

Японские пословицы

Рассказ первый. Покосившаяся деревянная лачуга. В кармане 20 тысяч иен, зато в голове масса идей и знаний по электронике. Во время войны он был морским инженером, накопил большой опыт и понял, что в электронике вскоре произойдут значительные перемены. На первых порах он был рад и тому, что ему удалось сделать в разрушенном бомбами городе: найти несколько досок и соорудить себе сарай, где можно было бы собрать из радиодеталей приемник. В 1950 году он создал первый японский магнитофон. За два года до этого в США начали работать над созданием первого транзистора, что означало революцию в области электроники¹. В 1955 году наш бывший офицер императорского флота выставил на рынке свой первый, оснащенный полупроводниковыми приборами радиоприемник, а два года спустя открыл новую эру японского карманного транзисторного приемника, что означало новый этап в истории радио.

Основание крупного предприятия по изготовлению транзисторных телевизоров, сначала черно-белых, а затем цветных, как с макси-, так и с мини-кинескопами (в 1964 году в столичных такси устанавливались малогабаритные телевизоры, но вскоре эта мода прошла), не за-

¹ Транзистор был изобретен в 1948 г. американцами У. Шокли, У. Браттсеном и Дж. Бардином.

ставило себя долго ждать. Тем временем деревянный сарай был почти забыт. О нем напоминала лишь большая фотография в одной из его приемных.

Прошло всего десять лет — и скромное начинание обернулось предприятием, завоевавшим всемирную известность.

Рассказ второй. До 1948 года он был простым механиком, чинившим велосипеды и с трудом зарабатывавшим себе на жизнь. Однако даже самые суровые будни не отбили у него охоту помечтать. А спустя 10 лет молодые люди во всем мире мечтали приобрести продукцию предприятия нашего бывшего механика. За это время он перестал чинить велосипеды и занялся производством мотоциклов. Еще через несколько лет, а именно в 1965 году, сначала на автострадах Западной Европы, а потом и других стран появились гоночные автомашины, названные его именем.

Рассказ третий. В 1918 году он начал с того, что изготовлял штепсельные вилки. После войны перешел на «электрические кастрюли для варки риса», чем снискал благодарность японских домохозяек, день которых начинался в предрассветных сумерках готовкой утреннего риса в тяжелой чугунной кастрюле над открытым очагом. Правда, тем временем во многих (если не в большинстве) японских семьях, проживающих в крупных городах, отказались начинать день с риса и «мисо» (супа из соевой пасты), перейдя на бутерброды. Однако технически усовершенствованные кастрюли для варки риса (как только рис готов, кастрюля автоматически отключается) служат людям свою добрую службу и сейчас, в основном по вечерам. Много у японцев других бытовых электроприборов нашего бывшего изготовителя штепсельных вилок. В 1976 году на его предприятиях было занято примерно 64 тысячи человек, а среди них 8,5 тысячи высококвалифицированных научных работников и инженеров. Он приобрел патенты на 29 тысяч изобретений (сейчас эта цифра намного больше). Наряду с упомянутыми предприятиями он основал институт под названием Институт РНР, притом что РНР не научная формула, а всего-навсего «Peace and Happiness through Prosperity», что означает «Мир и счастье через благосостояние». Изречение «Главная цель любого предпринимателя должна заключаться в служении обществу» пишется именно ему.

Все эти рассказы не выдуманы. Названия предприятий — «Сони», «Хонда», «Мацусита электрик». Последнее, вероятно, более знакомо под именами «Нэшнл» или «Панасоник». Что касается производственных мощностей этих предприятий, а также качества их продукции, то они не вызывают сомнения.

Во все времена и во всех общественных формациях имелись предприимчивые личности. Их всегда было больше тех немногих, которым впоследствии удавалось прославиться на весь мир, ибо мир имеет обыкновение говорить только о тех, кому посчастливилось достигнуть самых высоких вершин.

Хотя подобные люди не так уж редки, они не могут служить определяющим фактором развития. В Японии больше, чем в какой-либо другой стране, сознание формирует не отдельная сильная личность, а «группа». Она избирает того или иного человека, чтобы представлять себя. Если в экономике какое-либо предприятие достигает доминирующего положения, то только временно, в переломные периоды. Доминирует концерн, в котором предприятия тесно взаимосвязаны и который сам тесно связан с другими концернами, а также с финансовым капиталом и, наконец, с политикой. Из этого в Японии никто не делает тайны. Да и к чему скрывать столь характерную черту японского общественного устройства, в достоинствах которого мир уже убедился? Основой подобной взаимосвязи служат также тесные, постоянно поддерживающиеся личные связи между представителями администрации, политики и делового мира.

Пенсионный возраст для занятых на государственной службе — 55 лет. Если после этого человек не желает заниматься политической деятельностью, он может рассчитывать на пост в сфере экономики. Вот здесь-то и выходят на сцену личные связи, или, точнее, давнишние знакомства, независимо от того, тянутся ли они со школьной скамьи или со времени совместного посещения университета. Однако для бесперебойного функционирования этой системы еще более решающее значение имеет другой механизм. Приведу придуманный мной пример, который, однако, можно было бы подтвердить конкретными данными. 30 человек, окончивших университет в одном и том же году, устроились на работу в одно из министерств. Пусть это будет Токийский университет, пользующийся наибольшим авторитетом, выпускники

которого охотно приглашаются на работу в министерство финансов, и в течение многих лет будут там трудиться во взаимном согласии, ознакомившись до мельчайших деталей с работой всех отделов. Затем в один прекрасный день принимается решение: кто-то займет место государственного секретаря в правительстве. Остальные 29 (им к тому времени, возможно, исполнится лет по 45) вспомнят предложения, которые им были сделаны во время игры в гольф или званого обеда, или очень дорогой вечеринки с гейшей. Шансов на высокие административные посты на прежней работе у них нет, так что их чиновничья карьера окончена. Положение в министерстве финансов дает им возможность получить место в системе экономики, в банковском деле, где оклад и общественное положение значительно выше, чем в министерстве финансов. Однако после ухода со службы связи с министерством не прекращаются, там осталось много знакомых. Те, что заняли посты директора-распорядителя банка или другого учреждения, приглашают своих бывших коллег или подчиненных на игру в гольф или еще куда-нибудь, причем делают это регулярно (личный фонд на представительские расходы у них не особенно ограничен). Прежний коллега по министерству, а ныне политический деятель, разумеется, также находится среди приглашенных. В итоге каждый информирован о планах и намерениях другого, и в пределах собственной «группы» все складывается как нельзя лучше. Никто в этом не видит ничего порочащего его честь. А то, что после такой встречи все возвращаются домой с подарками, во все времена считалось в Японии доброй традицией. Это настолько само собой разумеется, что никто не считает нужным произносить ни по поводу самого подарка, ни по поводу его вручения лишних слов.

Разумеется, существует не одна «группа», а множество, и они подчас весьма ревниво следят друг за другом, но их взаимоотношения в основном удается урегулировать, а иначе это привело бы к отклонениям от принятых норм поведения и традиций. Личные взаимоотношения и знакомства занимают в Японии весьма важное место, и мы еще неоднократно к этому вернемся.

Однако поговорим немного о двойной структуре, столь характерной для японской экономики. 31 марта 1970 года путем слияния двух металлургических предприятий было создано самое крупное предприятие по

производству стали не только в Японии, но и во всем капиталистическом мире.

— Не желаете ли познакомиться с нашим новейшим сталелитейным заводом в Кимицу?— обратился ко мне мой японский коллега.

Правда, новейшим он числился несколько лет назад; уже вступил в строй еще более современный завод в Оита на острове Кюсю, расположенный на побережье Внутреннего моря.

— Разумеется, с удовольствием, но у меня на этот день уже куплены билеты в театр, а от «Цыганского барона» на японском языке мне бы не хотелось отказываться.

— Вам и не придется. Мы заедем за вами рано утром на машине, а во второй половине дня вернемся. Поездка займет немногим более часа.

Однако поездка заняла значительно больше времени, так как в тот день была забастовка железнодорожников и темп передвижения машин на улицах Токио и в его окрестностях стал не просто медленным, а черепашьям. Переправиться из Иокогамы через Токийский залив на автопароме также не удалось. Оставалось ехать по пересекающей бесконечный промышленный район автостраде через Итикаву, Фунабаси и Тибу до нашей цели — Кимицу, расположенной на расстоянии примерно 80 километров от Токио.

Перед лицом открывавшейся панорамы из стали и бетона, с дымящими трубами и проволочными заграждениями я не мог удержаться от искушения мысленно бросить взгляд в древнейшую историю Японии, в прошлое страны, отстоящее от нас на 2000 лет. К тому времени этот край, примыкающий к Токийскому заливу, был уже центром так называемой культуры Яёй, отмеченной появлением железа и бронзы (около 200 года до н. э.) и распространением культуры риса, выращиваемого на увлажненных землях.

Там, где ныне в Кимицу на берегу Токийского залива размещена доменная печь номер 3 объемом около четырех тысяч кубических метров и с ежедневной производственной мощностью в 10 тысяч тонн стали, 2000 лет назад большая сельская община, наверное, мучилась по многу дней и недель, чтобы получить несколько кусков железа из бурою железняка.

Да что там 2000 лет назад! Уже в середине шестиде-

сятых годов нашего столетия на той огромной прибрежной территории, где сейчас расположен сталелитейный завод, можно было еще ловить рыбу и собирать раковины. В Токийском заливе почти всюду возводятся насыпи и дамбы, что отнимет у него пятую часть водного зеркала. Предприимчивые японцы подсчитали, что у моря можно отвоевать 17 тысяч квадратных километров, обратив их в сушу (это примерно площадь острова Сикоку), если засыпать прибрежные участки моря до глубины 15 метров. Если бы это удалось сделать на глубине 30 метров, Япония приобрела бы дополнительно около 42 тысяч квадратных километров суши, что равно по величине острову Кюсю или Швейцарии. Сколько гор придется снести для этой цели, видимо, также подсчитано.

Но времени для размышлений у меня не оставалось. Как и везде в Японии, нам был оказан весьма дружеский прием, подали зеленый чай, вручили проспекты, напечатанные на отличной типографской бумаге, рассказали об истории предприятия, о новейших производственных показателях, о мероприятиях по охране окружающей среды, о всевозможных технических новинках (в которых непрофессионалу трудно разобраться). Речь, например, шла о центре ЭВМ, управляющем всем производственным процессом, об установке агрегатов непрерывной разливки стали, о прокатных станах, о сварке стальных труб диаметром 1,5 метра. «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», — гласит пословица. Хотя мои познания в сталелитейном деле, после того как мы увидели весь процесс выплавки стали, не слишком расширились, впечатление было ошеломляющим. От всего: от подъема на доменную печь и раскрывшейся оттуда панорамы завода; от вида прокатного цеха и раскатанных докрасна стальных блоков; от процесса их постепенной формовки; от змеевидных труб, с бешеной скоростью пронесившихся под нами, будто их двигала рука призрака. Увиденное нами было поистине захватывающим зрелищем, однако именно перед лицом этого технического совершенства мною неожиданно овладела тоска по людям. Оставшись с техникой с глазу на глаз, я почувствовал себя не в своей тарелке. Грохот и шипение со всех сторон действовали на нервы.

Для снабжения предприятия энергией построена собственная электростанция, а необходимой водой оно обес-

печивается двумя небольшими реками Които и Минато, а также созданными на их основе крупными водохранилищами. Пирс длиной 790 метров служит для выгрузки сырья. Здесь могут причаливать и в кратчайший срок разгружаться суда водоизмещением до 150 тысяч тонн. Два пирса поменьше служат для быстрой погрузки проката. Время хранения и площади складского помещения сведены до минимума. Все организовано четко и рационально. Заказы закладываются в ЭВМ, через 24 часа нужный заказчику прокат находится уже на пути к нему. Оборудование предприятия полностью японское. Однако на изделиях рядом с именем производителя часто можно увидеть второе, не японское имя того, кто предоставил лицензию.

В японских справочниках можно прочитать, что в 1887 году в Японии успешно начала работать первая доменная, а в 1890 году — первая мартеновская печь. С тех пор, сообщается в них, началась история сталелитейной промышленности, отрасли индустрии, благодаря которой стал возможен послевоенный бурный экономический подъем страны, когда (особенно с 1955 года) подверглась преобразованию вся промышленная структура Японии и был завершен переход от обрабатывающей промышленности к тяжелой, переход в широком масштабе к автоматизированным технологическим процессам и к ориентированной на экспорт индустрии. Начало этой отрасли японской экономики положила первая доменная печь в Камаиси в Северной Японии и первая мартеновская печь в Йокосуке. Однако родина первых японских котлов для варки стали была в другом месте, но об этом ниже.

Статистика ничего не сообщает, сколько стали было произведено в Камаиси и Йокосуке, но в 1913 году в Японии уже выплавлялось 200 тысяч тонн чугуна. В 1960 году — 20 миллионов, спустя пять лет это количество удвоилось, а еще через пять лет было произведено 97 миллионов тонн чугуна, из них около 30 миллионов тонн приходилось на объединение, к которому в настоящее время принадлежит завод в Кимицу в Токийском заливе. В 1973 году японская сталелитейная промышленность достигла своей рекордной цифры — 119 миллионов тонн.

Примерно четвертая часть продукции японской черной металлургии и сталелитейной промышленности идет

на экспорт, однако необходимое для ее изготовления сырье приходится почти полностью импортировать: железную руду — около 99 процентов, каменный уголь — примерно 76 процентов. Так что колоссальные расходы по созданию насыпей и размещению доменных печей непосредственно у побережья вполне себя оправдали. Очень уж далекий путь проделывают уголь и железная руда, прежде чем достигнут японских доменных печей. Расстояние от Американского континента — почти 9 тысяч километров, от месторождений железной руды в Западной Австралии — приблизительно 4 тысячи километров. Но дорога проката, изготовленного на заводе в Кимицу, значительно короче: частично он используется тут же, так сказать, у самого порога, например, идет на постройку грузовых судов, предназначенных для перевозки железной руды и угля.

Проследить за продукцией, сошедшей с полностью автоматизированного прокатного стана и подлежащей немедленной погрузке, я, конечно, не мог, но зато мне была предоставлена возможность побывать на ближайшей верфи, куда нас мигом домчала машина. На верфи все повторилось, только проспекты были более объемистыми и менее красочными, а объяснения более пространными. То, что нам затем продемонстрировали, а именно новейшую модель судна на воздушной подушке, способного развивать скорость до 55 узлов, было лишь частицей многочисленной продукции, которую выпускало предприятие. Применяемый в строительстве блочный метод, позволяющий сооружать суда конвейерным способом, заимствован у домостроительства. Что еще выпускает предприятие? Дизельные моторы для собственных судов, турбины, оборудование для химической промышленности и многое другое. В случае снижения сбыта одного вида продукции его удастся компенсировать за счет увеличения сбыта другого вида.

И на верфи, и на сталелитейном заводе ответы на вопросы об условиях жизни рабочих мы получали раньше, чем успевали их задавать. Население Кимицу насчитывает 72 тысячи человек, из них 8 тысяч работают на сталелитейном заводе, однако примерно половина всех жителей так или иначе связана с этим предприятием. С его созданием социальная структура города изменилась. Прежде население здесь жило за счет сельского хозяйства, рыболовства и производства древесного угля.

Ныне в городе преобладает молодежь, как правило, переселенцы. Завод построил 4500 квартир, которые расположены в красивых многоэтажных жилых домах гостиничного типа и в не менее красивых двухэтажных особняках, рассчитанных на одну или две семьи. Все дома размещены недалеко от завода, но не настолько близко, чтобы он отрицательно влиял на жизнь людей.

— Вы уже познакомились с нашим водным стадионом?— обратились ко мне.

— Да, а также со школой и с новой больницей.

Продолжительность рабочей недели? В основном сорокачасовая. Заработок? Цифры ни о чем не говорят, их надо рассматривать под определенным углом. Обеспечение в старости? В 55 или 60 лет рабочие и служащие выбывают из производственного процесса, и предприятие с ними рассчитывается.

— Разве у вас не существует ежемесячной пенсии или ренты?

— По закону предприятия, в которых занято более пяти человек, обязаны выплачивать человеку страховые деньги в случае безработицы, болезни, несчастного случая, а также пенсионное пособие. «Тайсокукин» («выходное пособие»), то есть выплата единовременного или пенсионного вознаграждения, может быть произведена после ухода человека с производства — в виде единовременного пособия или в виде ренты в течение более длительного времени.

— А как насчет предоставленного предприятием жилья? Остается оно за пенсионером?

— Разумеется.

— Это распространяется на всех бывших рабочих?

— Нет, конечно. Только на наших кадровых рабочих.

— Что значит «кадровые рабочие»?

— Это те, кто приходят к нам после девятилетки, а теперь чаще всего после окончания двенадцатилетней школы, получают у нас специальное образование и затем продолжают работать на нашем предприятии всю жизнь.

— Значит, находящиеся на штатной должности всю жизнь?

— Да, и их жалование повышается в зависимости от числа проработанных лет, так что сорока-пятидесятилетние рабочие зарабатывают в полтора раза больше, чем двадцати-двадцатипятилетние. Или скажем иначе:

в семьдесят восьмом году у рабочего в возрасте сорокапятидесяти лет заработная плата по сравнению с началом его трудовой деятельности увеличилась примерно в три раза, то есть заработная плата повышается в зависимости от квалификации и занимаемой должности, а кривая роста заработной платы за выслугу лет падает.

— И вся ваша продукция выпускается только кадровыми рабочими?

— Нет, не только...

Оказывается, наряду с кадровыми рабочими, которые всю свою трудовую жизнь работают на одном предприятии, имеются еще так называемые подсобные рабочие, с которыми заключается договор на 2—3 месяца, а также поденщики, то есть рабочие, заглядывающие каждый день перед уходом домой в кассу. С 1971 по 1979 год число подсобных рабочих и поденщиков возросло по стране примерно с 2,5 до 3,6 миллиона человек. Сюда следует добавить еще довольно большое число трудящихся, занятых неполный рабочий день. Это прежде всего женщины, а также мужчины, которые часть времени заняты на своем земельном участке. Таким образом, структура японской «биржи труда» довольно сложна, как и сложна структура экономики в целом.

Крупные предприятия, оснащенные самым передовым оборудованием и производящие товары по последнему слову техники, работают рационально и весьма эффективно. На них осуществлена автоматизация многих производственных процессов, и они в состоянии предоставить рабочим самые современные условия труда и жизни.

Именно они определяют картину индустриального подъема и технической мощи Японии, однако, по статистическим данным за 1975 год, предприятия, в которых работают более тысячи человек, занимали в японской экономике сравнительно небольшую долю.

В перерабатывающей промышленности, например, предприятий с числом трудящихся свыше тысячи человек было 861, и в них в совокупности трудилось примерно 2 миллиона человек; предприятий, где занято от 500 до 999 человек,— 1459 примерно с миллионом рабочих; от 100 до 499 человек — 14 тысяч, и рабочих — около 2,7 миллиона; предприятий с числом рабочих от 1 до 99 насчитывалось около 800 тысяч, и всего там было занято примерно 7 миллионов человек. Из этого количества

только самые маленькие предприятия, насчитывавшие до 4 человек, составляли около 420 тысяч, трудилось в них всего до миллиона человек.

Если включить в статистику показатели сельского и лесного хозяйства, рыболовства, горного дела, строительства, а также крупной и мелкой торговли, то число предприятий с количеством занятых свыше тысячи человек возросло к 1975 году лишь до 1213, а число предприятий, на которых занято менее тысячи человек, увеличилось до 5,4 миллиона.

Эти цифры яснее ясного указывают на то, о чем с давних пор принято говорить, — на двойную структуру японской экономики: с одной стороны, сверхсовременной, а с другой — «досовременной». Среднемесячное фактическое рабочее время, составляющее на крупных предприятиях примерно 170 часов и даже меньше, на предприятиях с числом занятых от 100 до 999 человек на 10 часов больше, а там, где занято от 10 до 99 человек, — на 20 часов. Предприятия, на которых работают до 10 человек, вообще не учитываются, так как в них рабочее время не регламентировано, поскольку это в основном семейные предприятия. Если проанализировать структуру заработной платы, то и здесь можно обнаружить аналогичные различия.

Дуализм — одна из особенностей японского капитализма. Хотя мелкие и средние предприятия все еще производят традиционные изделия, такие, как игрушки, лаковые изделия, поделки из бамбука и т. д., которые и теперь представляют Японию на мировом рынке, большинство их превратилось в поставщиков или изготовителей полуфабрикатов для крупных предприятий. Кроме того, отдельные детали или даже товары, изготовление и использование которых стало нерентабельным, передаются мелким и средним предприятиям, которые во время кризисов страдают больше крупных.

Техническое оборудование и производственные показатели крупных предприятий не могут не вызывать восхищение. И несмотря на то что доля их в японской промышленности все же сравнительно невелика, все взоры устремлены именно на них. Тем не менее роль, которую средние и мелкие предприятия сыграли в экономическом подъеме Японии, существенна.

Если говорить о скачке в производстве, особенно значительном в шестидесятых годах, то его следует рас-

сма­три­вать как ре­зуль­тат вза­имодей­ствия мно­гих фак­то­ров. По­сле­до­ва­тель­ное вне­де­ние до­сти­же­ний на­учно-тех­ни­че­ско­го про­грес­са и поч­ти пол­ный от­каз от соб­ствен­ных фун­да­мен­таль­ных ис­сле­до­ва­ний, что чре­ва­то круп­ны­ми рас­хо­да­ми средств и вре­мени, ра­цио­наль­ное ис­поль­зо­ва­ние и даль­ней­шее усо­вер­шен­ство­ва­ние уже апро­би­ро­ван­ной сверх­со­вре­мен­ной тех­но­ло­гии, ко­то­рую можно не­мед­лен­но и эф­фек­тив­но вне­д­ри­ть в прак­ти­ку и тем са­мым по­лу­чить скорую при­быль, кое-что объ­яс­нит, но да­леко не все. Зна­че­ние все­воз­мож­ных фак­то­ров — внеш­них и внут­рен­них, под­даю­щих­ся под­сче­ту (эко­но­ми­че­ских) и не под­даю­щих­ся та­ко­му (мораль­ных и по­ли­ти­че­ских), лег­ко рас­позна­вае­мых и вме­сте с тем за­вуа­ли­ро­ван­ных — не­одина­ково, и каж­дый фак­тор на от­дель­ных ста­диях раз­ви­тия не оста­ется без из­ме­не­ний. Гото­вых фор­мул здесь нет, но нет и ниче­го зага­доч­ного или чу­дес­ного. Об этом не­мало пи­са­ли и за ру­бе­жом, и в са­мой Япо­нии, и в ка­че­стве ос­нов­ных пред­по­сы­лок бур­ного раз­ви­тия на­зы­ва­ли, в част­но­сти та­кие, как вы­со­кий куль­тур­ный у­ро­вень япон­ско­го на­ро­да, на­ли­чие (из­на­чаль­но) круп­ных ре­зер­вов ра­бочей си­лы в де­рев­не, не­обык­но­вен­ная лов­кость в об­ла­сти фи­нан­си­ро­ва­ния (име­ется в ви­ду вся кре­дит­но-фи­нан­со­вая си­сте­ма стра­ны, ко­то­рая по­став­ле­на под кон­троль Бан­ка Япо­нии). При та­кой си­сте­ме пред­при­ятия вы­нуж­де­ны уве­ли­чи­вать вы­пуск про­дук­ции хотя бы по­то­му, что дол­жны по­га­шать про­цен­ты за по­лу­чен­ные кре­ди­ты. Япо­нскую э­ко­но­ми­ку срав­ни­ва­ют с ве­ло­си­педис­том, ко­то­ро­му не­об­хо­ди­мо все вре­мя кру­тить пе­да­ли, что­бы не упасть.

Ав­то­ры не­ко­то­рых пу­бли­ка­ций ви­дят за­лог успеш­но­го раз­ви­тия в тес­ной свя­зи про­мыш­лен­но­сти с го­су­дар­ством, в том, что на воо­ру­же­ние Япо­ния до­воль­но дол­гое вре­мя рас­хо­до­ва­ла весь­ма не­зна­чи­тель­ные сум­мы, что рас­хо­ды на со­ци­аль­ные нуж­ды не­ве­ли­ки и у­ро­вень за­ра­бот­ной пла­ты не очень вы­сок. Одна­ко се­го­дня ни один из пе­ре­чис­лен­ных фак­то­ров уже не дей­ствует, все они пре­те­р­пе­ли из­ме­не­ния и за­став­ля­ют за­ду­маться над не­дав­ним про­шлым и на­сто­я­щим Япо­нии, над тем, что же фор­ми­ро­ва­ло ха­рак­тер япон­цев, их тру­до­лю­бие и дис­ци­пли­ни­ро­ван­ность.

Все цен­но­сти, ко­то­рые при­ва­ли­лись япон­цам по мень­шей ме­ре два по­ко­ле­ния, обес­це­ни­лись раз­ом в 1945 го­ду, как не обес­це­ни­ва­лись за всю пред­ше­ствую­щую ис­то­рию Япо­нии. Ни­че­го не оста­лось от ве­ры во все­мо­

гущество богов, которые будто бы всегда будут охранять Японию, как делали это в 1274 и 1281 годах, когда ниспослали на страну камикадзе — «божественный ветер», уничтоживший флот монголов, завоевавших Китай, продвинувшихся до границ Центральной Европы и решивших покорить также и Японию. Ничего не осталось от веры, возродившейся к новой страшной жизни с появлением летчиков-камикадзе, которые бросались в своих самолетах на приближавшиеся к японским берегам американские морские соединения.

Необходимы были иные ценности и цели. Одна из них выражалась словами «сэкай ити!» («стать первыми в мире», «стать номером первым»). Это означало сооружать крупнейшие в мире верфи, строить самые большие в мире суда, возводить самые крупные в мире сталелитейные предприятия, сделаться крупнейшим экспортером музыкальных клавишных инструментов, производить самые миниатюрные в мире телевизоры... К этому перечню можно было бы добавить список на многих страницах.

Смелость и усердие, знание и мастерство в сочетании со многими другими факторами привели Японию к такому экономическому подъему, который внушает уважение, хотя в глазах многих японцев он, возможно, уже не имеет того захватывающего эффекта, какой имел в самом начале, ибо они лучше других понимают его теневые стороны.

В заключение — *рассказ четвертый*, который также не выдуман.

— Я отвезу вас на своей машине в отель, — обратился ко мне молодой ассистент, после того как я прочитал лекцию в одном из крупнейших японских университетов, в котором учатся свыше 80 тысяч студентов, — но по дороге я должен ненадолго заглянуть к родственникам, — извинился он.

Мы остановились на узкой улочке, по обеим сторонам застроенной одноэтажными деревянными домами, напоминающими бараки. Вошли в помещение с приподнятым дощатым полом, покрытым татами — циновками из рисовой соломы. В соседнем помещении с бетонным полом находились режущая и сшивальная машины. У самого входа размещены стопки картона.

— Мой дядя, мой двоюродный брат...

И я услышал историю о том, как семья из четырех

человек изготавливает картонные коробки на одном из многотысячных семейных производств.

— Если нам предлагают крупный заказ дополнительно, мы работаем и днем, и ночью.

Столкнувшись лицом к лицу с подобным мини-производством, и, как мне показалось, бедностью, я чуть не забыл спросить о зарплате.

— Он составляет примерно пятьдесят-шестьдесят процентов от жалованья кадрового рабочего на крупном предприятии.

Как и повсюду в Японии, мне был устроен сердечный прием, как и повсюду, угостили чаем. Не было только красочных проспектов.

«ДАЛЕКИЙ ОСТРОВ» — ХИРОСИМА

Там, где правит безрассудство, отступает здравый смысл.

Японская пословица

Руководила ли мной боязнь еще раз столкнуться с непостижимым, связано ли это было с картинами ужасов, воспоминания о которых время не стерло из моей памяти? Была ли это мысль о сильнейшем потрясении, пережитом мной поздним летним вечером 1958 года, когда я стоял, прислонившись к парапету одного из многочисленных мостов Хиросимы, смотрел на поблескивающий глубокой синевой рукав реки, на покрытые гофрированным железом крыши бедных жилищ, из окон которых просачивался слабый свет, и пытался представить себе, какое горе, какие невероятные нечеловеческие страдания и трагедии произошли на этом прибрежном клочке земли 6 августа 1945 года. Вдруг в прямотаки неправдоподобной тишине рядом со мной раздался девичий голос. Девушка, не скрывая своих намерений, спросила на чудовищном английском языке, не желаю ли я выпить с ней кружку пива.

Было ли это воспоминание о гнетущем чувстве, охватившем меня, когда я встретился с группой девушек через год? Они, правда, говорили не на плохом английском, а на американо-английском, когда с громким хохотом позировали фотографу перед памятником, подаренным детьми Японии детям Хиросимы, изображающим огромную стилизованную атомную бомбу с металлическими скульптурами. Было ли это отвращение к безумной, ни перед чем не останавливавшейся спекуляции на ужасе? Может быть, мне не хватило мужества еще раз почувствовать душевную муку, испытанную мной, когда я впервые ступил на землю Хиросимы, и печатные, безжизненные слова превратились в живые картины?

Это человек,
Смотрите, во что его превратила атомная бомба!
Тело его ужасающе вздулось.
Мужчина ли это или женщина, кто в состоянии распознать?
Слушайте! Из судорожно сжатых губ на сожженном дочерна
лице с трудом исходит призыв:

«Помогите мне!»
Только эти тихие, умирающие слова.
Это, это человек,
лицо человека.

Так писал Тамики Хара, поэт из Хиросимы, переживший взрыв атомной бомбы, но покончивший с собой, когда меньше чем через пять лет в соседней Корее началась новая война.

Я не знаю истинной причины того, почему с тех пор я избегал встречи с Хиросимой, но в июне 1976 года мне пришлось туда поехать. Я получил приглашение от самой крупной на юго-западе Японии газеты принять участие в беседе писателей за круглым столом, которая должна была состояться в Хиросиме. Вначале я колебался, но возможность беседы с литераторами, единственной темой которой была Хиросима, вряд ли бы мне снова представилась.

— Мы встретим вас на вокзале!— пообещали мне.

Тогда, в пятидесятые годы, поездка заняла целую ночь, теперь же на суперэкспрессе — всего пять часов. В Хиросиме выстроен новый многоэтажный вокзал с универмагами и ресторанами.

— Если вы не против, мы здесь заодно и поужинаем,— предложили мне гостеприимные хозяева.

Я охотно согласился. Мы заняли столик у окна. Я выглянул и увидел сверкающее море огней, ярко освещенные широкие торговые улицы, почувствовал напряженный, деловой ритм жизни большого города. Мне помнилась Хиросима иной.

— Кстати, наверху, на седьмом этаже, есть сауна с большим плавательным бассейном. Советую вам завтра с самого утра этим воспользоваться. Уверен, не пожалевте. Ваш отель недалеко отсюда, сразу за углом,— сказал мой собеседник.

Отель был не в европейском, а в японском стиле: маленький, с небольшим числом комнат и почти домашней обстановкой. С гостями здесь беседовали, расспрашивали, откуда прибыли, куда держат путь, не проявляя, однако, назойливого любопытства; рекомендовали посе-

тить ту или иную достопримечательность. Вскоре гость чувствовал себя как дома, непринужденно заводил разговор с хозяевами, в котором непременно высказывал восхищение карликовыми, высотой не более 20 сантиметров, кленами. А этого как раз и не надо было делать, так как несколько дней спустя в дверь номера в Токио постучат и незнакомый человек передаст гостю сердечные приветы из Хиросимы и заодно такие деревца.

Из разговора с хозяином гостиницы я узнал, что он и его семья родом не из Хиросимы. Они, как и многие сегодняшние жители, переселились сюда спустя несколько лет после войны, когда город начал возрождаться из пепла. Мы вместе рассматривали множество красочных проспектов и углублялись в прошлое и настоящее Хиросимы. Почти на каждом из проспектов красовался замок-крепость — великолепный при вечернем освещении.

Примерно из 300 крепостей, имевшихся когда-то в Японии, сохранились только 30 крепостных башен, некоторые из них после реставрации вновь стали символами соответствующих городов. Стала им (в 1958 году) и восстановленная крепостная башня Хиросимы, разрушенная во время атомного взрыва 6 августа 1945.

Город, возникший на одном из «далеких островов» дельты реки Ота, со временем разросся, заняв еще четыре острова дельты и значительную часть долины этой реки. В 1872 году Хиросима сделалась столицей одноименной префектуры, а с постройкой весной 1894 года железнодорожной линии Токио — Хиросима — важным опорным пунктом японского милитаризма в его агрессивных войнах против соседних стран на Азиатском континенте.

Одноименный залив создавал благоприятные условия для гавани, а Симоносекский пролив обеспечивал кратчайший путь до Азиатского материка. Во время Китайско-японской войны 1894—1895 годов резиденция императора была перенесена в замок-крепость Хиросимы. Во время Русско-японской войны Хиросима вновь стала опорной базой для отправки войск и центром их снабжения. Наряду с судостроением здесь развивались машиностроительная, химическая промышленность, металлургия. В конце двадцатых годов Хиросима стала седьмым по величине городом Японии, в котором насчитывалось около 300 тысяч жителей. По данным 1977 года, она со своими 850 тысячами жителей — одиннадцатый

по величине город страны и один из крупнейших центров японского автомобилестроения, судостроения, а также текстильной промышленности. Славится Хиросима также своими велосипедами, мебелью, переработкой продуктов моря, выращиванием устриц. Здесь собирают урожай многих видов морских водорослей, однако морской промысел находится под угрозой, так как прибрежные воды сильно загрязнены. Мандарины, выращиваемые в окрестностях Хиросимы, отличаются приятным вкусом, а хризантемы — красотой. Летом в Хиросиме жарко. Обрамленный с трех сторон горами, открытый только со стороны моря, город и ночью не успевает остывать от дневного зноя.

Было еще слишком рано, чтобы ложиться спать. На главных улицах, значительно более широких, чем в большинстве других японских городов, поток транспорта заметно поредел, но зато ожили боковые улочки, где расположены бесчисленные бары, специализированные рестораны и кафе. Этих заведений в Хиросиме больше, чем в любом другом провинциальном городе Японии. Я не узнавал города, будто никогда прежде его не видел. Вот я прошел по широкой улице, никуда не сворачивая, и оказался у холма около руин бывшего «Павильона для содействия развитию промышленности». Эта стена с выбитыми окнами и деформированными стальными конструкциями — единственная в Хиросиме руина, которую решили сохранить как памятник о трагических событиях. Отсюда небольшой мост ведет на средний из пяти островов в дельте, которому суждено было стать эпицентром атомного взрыва. Здесь находится Парк мира, разбитый в 1956 году по проекту известного японского архитектора Кэндзо Тангэ. Примерно в центре парка расположена символическая гробница, каменный саркофаг, увенчанный седлообразной крышей из гладкого бетона. Парк разделяет плоское, вытянутое, покоящееся на бетонных колоннах здание — Музей мира. Колонны придают ему легкость — оно будто парит в воздухе.

При виде этого сооружения во мне с новой силой ожили воспоминания о первом посещении Хиросимы. Я тогда не поверил своим глазам. Потрясенный, стоял перед пожелтевшими фотографиями изуродованных людей и искореженных жаром предметов. Это было так страшно, что я начал ощущать физическую боль, хотя прекрасно понимал, что передо мной — лишь малая толика

ада. Вот остался след человека у портала банковского здания. Здесь он сидел в то утро 6 августа 1945 года. А в этом месте сохранился силуэт человека, шедшего с тележкой по мосту. Таких немых свидетелей было много, но для диалога с ними не хватало фантазии. Тогда я начал искать живых свидетелей, переживших атомный взрыв. Мне удалось отыскать кое-кого. Ведь тот, кто остался жив после взрыва, спасался бегством из этого ада. Обрушившийся 17 сентября 1945 года сокрушающей силы тайфун почти полностью уничтожил город. Позднее в него вернулись лишь немногие, но мало кто из них пожелал рассказать о пережитом. На мои вопросы отвечали осторожно, односложно, нехотя. Однако один ответ повторялся снова и снова: то, что пришлось испытать в тот августовский день, страшно, но еще страшнее то, что приходится испытывать с того времени до сих пор.

Парк мира изменился. Поднялись ввысь деревья, стала гуще зелень; кое-где установлены скульптуры, утопающие среди пышно цветущих рабаток. Одна скульптура изображает мать, пытающуюся защитить своим телом ребенка, другая — молодую девушку, растерянно озирающуюся в безмолвном страдании. Глубокая, бесконечная тишина была разлита окрест в тот полуночный час. Назойливый отблеск бурлящей вблизи жизни погас. Становилось не по себе от звука собственных шагов. И вдруг до меня донеслись громкие безудержные рыдания. Я остановился, словно вкопанный. Что это было, фантазмагория или реальность? Призрачно вырисовывались очертания мужчины, который, закрыв лицо руками и низко склонившись до самой земли, стоял коленопреклоненно перед каменным саркофагом. И это по истечении стольких лет после того дня!

Смертоносный груз был «сброшен в районе 8° 15', 43 секунды спустя последовала вспышка молнии. Машина сотрясается от взрывной волны. Огромный атомный гриб. 9° — в поле зрения туча. Высота более 12 тысяч метров», — записал в бортовой журнал один из членов экипажа четырехмоторного бомбардировщика «Энола Гай».

Когда американский президент Ф. Д. Рузвельт 6 декабря 1941 года призывал ученых своей страны использовать расщепление ядра в военных целях, он не мог предвидеть, что не пройдет и двадцати четырех часов,

как в небе над Гавайями появятся 350 японских самолетов, которые за считанные минуты уничтожат значительную часть американского тихоокеанского флота. В сентябре 1942 года разработка атомного оружия под секретным обозначением «Манхэттэн проджект» была поручена бригадному генералу Лесли Р. Гровсу. 30 декабря 1944 года его штаб особого назначения смог доложить в Вашингтон, что бомбу можно будет испытать примерно к 1 августа 1945 года. Тем временем была уже создана специальная авиационная группа под начальством полковника Поля Тиббетса. После многомесячной подготовки ее вместе с несколькими сотнями инженеров и техников отправили на один из небольших Марианских островов — Тиниан.

16 июля 1945 года в пустыне штата Нью-Мексико впервые было проведено испытание, то есть взорван ядерный заряд. К этому времени американский крейсер «Индианаполис» с «Л. Б.» («Литтл Бой») на борту (это уменьшительно-ласковое название звучит тем более ужасно, что оно присвоено атомной бомбе, предназначенной для сбрасывания на город) взял курс на остров Тиниан. В это же время президент Трумэн, сменивший в апреле 1945 года Рузвельта, находился на пути в Потсдам. 22 июля он сообщил английскому премьер-министру У. Черчиллю, что испытание атомной бомбы прошло успешно и что он уже 5 июля приказал сбросить бомбу на Японию. Из достоверных источников известно, что Черчилль был рад этому сообщению. Причину радости он объяснил в вышедшей в 1953 году книге «Триумф и трагедия». «Прежде всего,— писал он,— мы не нуждались больше в русских... Отныне не было необходимости просить их о помощи».

На Ялтинской конференции в феврале—марте 1945 года руководящие государственные деятели антигитлеровской коалиции пришли к соглашению в том, что Советский Союз вступит в войну с Японией спустя три месяца после победы над нацистской Германией. Он открывает военные действия против сконцентрированной на северо-востоке Китая боеспособной Квантунской армии с целью заставить японский милитаризм как можно быстрее капитулировать.

Ни один историк в мире не смог бы доказать, что летом 1945 года существовала стратегическая необходимость в сбрасывании на Японию атомных бомб: хотя

Япония еще полностью не была побеждена, было ясно, что войну она проиграла. В феврале 1945 года представители некоторых кругов Японии, настроенные не слишком промилитаристски, пытались убедить императора в неразумности продолжения войны. Но военные, завладевшие государственным аппаратом, были глухи к этим призывам, изобретая все новые лозунги, чтобы выстоять до конца. Они продолжали упорствовать еще и тогда, когда остатки японского военного флота потонули вблизи побережья самого южного из главных японских островов, когда связь с размещенными на Азиатском материке дивизиями не могла более поддерживаться, когда 20 июня 1945 года пал остров Окинава, являвшийся последним бастионом, призванным защищать главные японские острова, и летчики-смертники, пытавшиеся таранить своими самолетами американские суда, уже были не в силах оправдать свое название «камикадзе», то есть быть спасительным «божественным ветром».

С весны 1945 года эскадрильи бомбардировщиков типа Б-29, так называемые летающие крепости, смогли почти беспрепятственно появляться в воздушном пространстве Японии. Один японский город за другим становился жертвой огня. Зажигательные бомбы, сбрасывавшиеся с самолетов, опустошали целые кварталы — гибло гражданское население. В результате одного только налета на Токио 10 марта, превратившего в сплошную грудку развалин более 20 квадратных километров территории столицы, погибло 88 тысяч человек, а раненых насчитывалось 130 тысяч. 36 часов спустя после этого опустошительного воздушного нападения на Токио очередными целями стали Нагоя, Осака, Кобэ. В течение одной только недели из бомбовых люков Б-29 на крупные населенные пункты было сброшено 11 тысяч тонн зажигательных бомб.

К началу лета 1945 года лишь четыре из крупных городов Японии не пострадали от воздушных налетов. Это — Киото, Хиросима, Кокура и Ниигата. Почему их не бомбили, знал лишь так называемый «целевой комитет», образованный весной 1945 года.

Мишенью должен был стать густонаселенный, четко ограниченный, равнинный город, чтобы можно было точно определить масштабы разрушительной силы атомной бомбы. Хиросима, размещенная в дельте реки Ота, как нельзя лучше соответствовала всем этим требованиям.

Большинство городов, расположенных в непосредственной близости от Хиросимы, были уже сожжены дотла. Над самой Хиросимой летающие крепости появлялись довольно редко. 5 августа над городом пролетел лишь один бомбардировщик, но как только была объявлена воздушная тревога, он повернул обратно.

Задачей этого самолета было определить метеорологические данные, и их тут же передали на военно-воздушную базу на Тиниане. Когда сведения были обработаны, полковник Поль Тиббетс приступил к последним подготовительным работам. Во второй половине дня он вместе с командирами двух других бомбардировщиков Б-29, которые с учеными и с аппаратурой на борту должны были его сопровождать, рассматривал киносъемки испытания атомной бомбы, произведенного в Нью-Мексико.

2 часа ночи 6 августа. Полковник Тиббетс направляется к взлетно-посадочной полосе А на когда-то столь уединенном, всеми забытом коралловом острове Тиниан. Ровно в 2 часа 25 минут его машина «Энола Гай» поднимается в воздух. За ней на небольшом расстоянии следуют две другие. Над островом Гуам они формируются в эскадрилью и берут курс на Хиросиму.

Над городом простирается безоблачное утреннее небо. Понедельник — около 500 тысяч человек готовятся к новому дню. В 8 часов 15 минут по местному времени полковник Тиббетс на высоте 9350 метров отдает приказ сбросить атомную бомбу. Спустя 43 секунды она взрывается с силой, соответствующей 13 500 тоннам обычного тринитротолуола на высоте 600 метров над Хиросимой.

То, что происходит затем в Хиросиме, в последующие секунды, часы и дни, неподвластно человеческому воображению. Тогда говорили о свыше 200 тысячах погибших. Сегодня после тщательных исследований стало известно, что жертв было 350 тысяч. Непостижимая для человеческого разума цифра!

С тех пор минуло более четырех десятилетий. Однако бомба продолжает убивать людей физически и нравственно, хотя и не открыто, но так же беспощадно, как во время взрыва. Ежегодно в августе, когда отмечается День памяти жертв Хиросимы и Нагасаки, в небольших газетных сообщениях публикуется число умерших от лучевой болезни в течение прошедшего года. Чаще всего

это трехзначные цифры. Тогда мы на мгновение осознаем, что Хиросима все еще не стала прошлым.

Нет, не подведена еще итоговая черта под страшным списком. И, как это ни ужасно, судьба многих оставшихся в живых походит на судьбу отверженных или прокаженных. Кто согласится взять на работу человека, который в один «прекрасный» день станет жертвой смертельного заболевания? Кто согласится на брак своего сына или дочери, если будет хотя бы малейшая опасность, что в результате этого союза могут родиться дети-уроды?

Что же предпринимает государство для улучшения жизни этих людей? Ответом на подобный вопрос будет лишь горькая улыбка. А как обстоит дело с врачебной помощью? Разумеется, есть врачи, которые наблюдают за больными, и теперь с их губ не сходит горькая улыбка, иногда к ней прибавляется безнадежный жест рукой в направлении холма Хидзияма. Здесь сооружены несколько современных одноэтажных корпусов, в которых размещены лаборатории и клиники американской АВСС («Комиссии по жертвам атомных бомб»).

Случайно мне в руки попала статья директора АВСС, написанная в 1956 году. Она преисполнена человеколюбия. «Мы работаем,— утверждает д-р Холмс,— согласно действующей с 1946 года программе, в самом тесном контакте с японскими учеными и врачами». Затем он с удовлетворением сообщает (правда, после того как признал, что возможности эффективного лечения в клинике весьма ограничены) о проведении многостороннего медицинского обследования большой группы людей. Были получены данные приблизительно о 6 тысячах человек из Хиросимы и 2 тысячах из Нагасаки, находившихся в радиусе 2 тысяч метров от эпицентра взрыва атомных бомб. Допустим, с точки зрения науки трудно что-либо возразить против этого, но совершенный ранее преступный эксперимент над почти полумиллионным населением — свершившийся факт. Он был тщательно продуман американцами, однако это не снимает вины и с японско-империализма и милитаризма.

Затем господин доктор отрицает, что процент физических уродств у новорожденных, появившихся после взрывов атомных бомб, вследствие радиоактивных излучений увеличился или что вследствие этого наблюдаются случаи генетического повреждения. Дочитав до

этого места, я почувствовал, как во мне все всколыхнулось от подобного лицемерия. Даже если признать, что наука сегодня шагнула намного вперед по сравнению с 1956 годом, хочется все же задать вопрос мистру Холмсу, где он учился и куда делась его совесть врача и ученого. Неужели уже в 1956 году он забыл, что американские оккупационные власти, обосновавшиеся в Японии со второй половины сентября 1945 года, спустя 50 дней после атомного взрыва, не нашли более срочного дела, как приказать японским ученым и врачам, редакциям газет и частным лицам сдать обработанный ими материал, а также все фотоснимки и фильмы о последствиях взрыва атомной бомбы (кстати, это далеко не все выполняли)? Разве он не знал, что этот документальный материал был переправлен из порта Куро в Соединенные Штаты военным кораблем в январе 1946 года? Разве господин доктор забыл, что, хотя японским ученым и было разрешено сотрудничать с ним, результаты своих исследований они вынуждены были передавать ему?

Японские правительственные органы обходили этот вопрос молчанием в течение многих лет, но ученые страны все настойчивее требовали возвращения этих важных материалов. В 1970 году японское правительство направило наконец заявление правительству США о их выдаче. В мае 1973 года Японии были возвращены 20 тысяч документов, в том числе заключения о вскрытии трупов для установления причин смерти, препараты и фотоснимки. Однако, по некоторым высказываниям американских ученых, можно заключить, что возвращено было далеко не все.

Газета, пригласившая меня в июне 1976 года в Хиросиму для участия в беседе за круглым столом, выпустила в августе 1973 года крупноформатный фотоальбом в 300 страниц с подборкой из 1900 возвращенных фото, с которыми общественность не была еще знакома. Это леденящие кровь снимки. Ни в Хиросиме, несмотря на то что город возродился к новой жизни, ни во всей Японии, ни в целом мире — никто не должен забывать об этом, равно как и о том, что среди переживших взрыв атомной бомбы в Хиросиме умирающих от лейкемии в 16 раз, а от рака в восемь раз больше, чем в среднем по Японии.

Через три дня после атомной бомбардировки Хиро-

симы подобная участь «случайно» постигла Нагасаки. Почему случайно? Мишенью должен был стать город Кокура на севере острова Кюсю, расположенный приблизительно в 170 километрах по воздушной трассе от Нагасаки. Уже трижды пилот с «Ф. М.» («Фэт Мэн») на борту кружил над Кокурой, но плотный слой облаков все не рассеивался. Время торопило. Горючего было в обрез. Что делать? Возвратиться на базу или выходить на запасную цель — Нагасаки? И командир выбрал второе. Топографические условия воспрепятствовали разрушению всего города, но тем не менее погибло свыше 100 тысяч человек, а жертв в результате пережитого ужаса было не меньше.

1 марта 1954 года в 4 часа утра в южной части Тихого океана на маленьком атолле Бикини США испытали свою первую водородную бомбу. Примерно в 150 километрах от Бикини шел по курсу японский рыболовный сейнер «Фукуру Мару № 5», на борту которого находились 23 человека. Около 6 часов небо потемнело и на сейнер выпали радиоактивные осадки в виде пепла. Радист сейнера Кубояма умер 23 сентября 1954 года в токийском госпитале от лучевой болезни — первая жертва водородной бомбы. В японских портах немедленно уничтожили большие партии рыбы, которая была заражена радиоактивными веществами. Над многими районами Японии прошли радиоактивные дожди. В стране всколыхнулась волна возмущения и протеста. Возникло общественное движение против атомного и водородного оружия. В митингах и демонстрациях приняли участие миллионы японцев, а в 1955 году, в день десятой годовщины атомной бомбардировки Хиросимы, на открытие I Всемирного конгресса по запрещению атомного и водородного оружия в город съехались делегаты многих стран.

Ни один народ в мире не реагирует сегодня на все, что связано с «атомом», так остро, как японцы, и ни один народ не имеет большего права желать, чтобы призыв I Всемирного конгресса: «Никогда больше Хиросимы! Никогда больше Нагасаки!» — был услышан на всем земном шаре, чем японский народ.

НАГАСАКИ — «НЕАПОЛЬ ВОСТОКА» И ЕЩЕ КОЕ О ЧЕМ

Рябинки от оспы — те же ямочки на щеках для глаз влюбленного.

Японская пословица

Передо мной стенные часы в скромном коричневом деревянном футляре; на покрытом белой эмалью циферблате — римские цифры. Точно такие часы висели в гостиных наших бабушек и дедушек и хранились как фамильная ценность. Маленькая стрелка упиралась в цифру 11, большая — стояла на втором минутном делении после 12, когда часы перестали стучать.

Рассматриваю восьмиколесный, с острыми углами товарный вагон, на котором контурно изображены два крыла над земным шаром, а ниже большими буквами слово «Бокскар», рядом слева — грибообразное облако, под которым печатными буквами выведено «Нагасаки»; справа — очертания нескольких высотных домов, под ними надпись «Salt Lake» — все это сделано будто детской рукой на фюзеляже американского бомбардировщика Б-29 рядом с застекленной кабиной пилота.

Часы хранятся в Нагасаки в одном из выставочных залов шестиэтажного Международного дома культуры, возведенного на холме — эпицентре взрыва. Самолет, с которого на Нагасаки была сброшена атомная бомба, находится в музее военно-воздушных сил в американском штате Огайо.

Когда 9 августа 1945 года в 11 часов 2 минуты взорвалась бомба на высоте около 490 метров и превратилась в огненный шар диаметром почти 70 метров и с температурой в 300 тысяч градусов, излучавший радиацию и вызвавший мощную взрывную волну, была открыта самая страшная страница истории Нагасаки. Истории, которая отличалась изменчивостью, самобытностью

и была во многих отношениях единственной в своем роде.

Бомба попала в район Ураками. Здесь в 1864 году в память о 26 распятых в феврале 1597 года христианах, среди которых было 6 иностранцев и 20 японцев, построили католическую церковь (Ураками тэнсюдо) в неоготическом стиле. В 1933 году ее как самую древнюю и одну из немногих христианских церквей в Японии объявили историческим памятником и поставили под охрану государства. Если христианство и пустило корни в Японии, то это случилось прежде всего в Нагасаки и его окрестностях. Те немногие христиане, которые в конце XVI века не отреклись от своей веры и подверглись из-за этого жесточайшим гонениям, обосновались в Ураками, где сохраняли в течение столетий свою маленькую общину. Именно над этой частью города взорвалась бомба, получившая «благословение» американского христианского священника.

Был прекрасный мартовский вечер, последний мой вечер в Нагасаки. Дождь прекратился. Здесь без конца шел дождь, хотя дождливый сезон еще не наступил. Разве все в Нагасаки теперь не так, как прежде даже погода? Искушавшись в гостиничном мини-бассейне и накинув на себя юкату — легкую хлопчатобумажную одежду в стиле «кимоно», я присел на корточки за низким обеденным столом и, перед тем как взять палочки для еды, залюбовался видом расставленных передо мной блюд из рыбы. Запеченная в растительном масле, но больше сырая, нарезанная ломтиками и приправленная зеленым васаби, острым японским хреном, она была превосходна. Нагасаки — один из крупнейших рыболовецких портов не только Японии, но и всей Азии. Примерно 15 тысяч судов добывают здесь ежегодно около четверти миллиона тонн «продуктов моря». Рыбу я проглотил с удовольствием, однако моллюска, несмотря на его привлекательный вид, так и не смог одолеть. Этот отварной моллюск (который, кстати, подавался к столу и в других городах японского побережья) был бы не так уж и плох по своим вкусовым качествам, если бы не песчинки, неприятно скрипевшие на зубах. В виде компенсации за моллюска мне подали превосходную староберлинскую котлету, что, безусловно, служило знаком внимания к «гайдзину». Очевидно, в этом «хотеру» («отеле») не слишком часто останавливались иностран-

цы, но я во время поездки по Японии старался избегать «хотеру» в западном стиле, отдавая предпочтение «рёкан» — гостиницам в японском стиле, и не потому, что там удобнее или дешевле, — просто мне хотелось взглянуть за кулисы японской действительности. И что меня поражало в этих «рёкан», так это неизменный вопрос: «Ах, вы приехали один?», — который задавали преимущественно японки, как только я ставил свой чемодан в холле. В начале вопрос меня удивлял, а потом несколько раздражал. Я даже заключил с самим собой пари: услышу или не услышу этот надоевший вопрос в очередном «рёкан». За восемь недель я проиграл пари лишь один-единственный раз, да и то, когда меня принимал пожилой японец, а не дама.

С плодом, напоминающим грейпфрут величиной с голову ребенка, — они выращиваются только в окрестностях Нагасаки — я разделался благополучно, и это на деле было не столь трудно, как казалось из-за очень толстой, сантиметра два, кожуры. Поужинав, я вышел на веранду и, устремив свой взор со склона горы Инаса вниз, погрузился в созерцание мириад мерцающих огней вечернего Нагасаки. Среди моря огней более яркий свет выделялся над доками, где когда-то был построен флагманский корабль императорского флота водоизмещением 73 тысячи тонн, а в шестидесятых годах — первые в Японии и в мире танкеры водоизмещением 300 тысяч тонн. Я также пытался отыскать позади склона по ту сторону узкого морского заливчика места, которые мне довелось посещать прежде.

До меня будто снова донесся голос экскурсовода, которая с ноткой дружелюбия, но с полным равнодушием, призывала к пунктуальности, дабы не терять времени зря. В ее обязанности входило познакомить иностранного гостя с прошлым и настоящим города. Тогда я только что прибыл в Нагасаки. Как всегда, шел дождь, деловые встречи были назначены на следующий день, и я сел в один из туристских автобусов, предвкушая приятную поездку по всем достопримечательностям города, как того обещали рекламные щиты. Однако уже через пару часов экскурсия мне показалась скучной. Наша милая дама-гид, хотя и говорила без умолку, смогла сообщить нам не более того, что напечатано в многочисленных красочных проспектах. Тогда я, невзирая на дождь, вышел из автобуса и на свой страх и риск решил

обойти пешком хотя бы часть города. Я ничего не терял, поскольку на завтра мне обещал показать Нагасаки влюбленный в него доктор К. — врач и художник-любитель.

Многие считают, что Нагасаки всех очаровывает своей экзотичностью: ведь он ежегодно привлекает около 5 миллионов туристов. Мне же на первый взгляд показалось, что этот город мало чем отличается от любого другого японского города такой же величины: улицы, довольно хаотично застроенные небольшими домиками, среди них — высокие здания банков, страховых компаний из бетона. Тот же нескончаемый поток транспорта, те же магазины (их в Нагасаки около 10 тысяч), отели, рестораны, бары, кафе (4 тысячи), в которых до 80 тысяч служащих, то есть немногим более половины всего самостоятельного населения Нагасаки.

Гостю приходится довольно пристально вглядываться, чтобы обнаружить что-нибудь необычное. Ибо нет ничего экзотического в прогулке по аккуратно выложенной булыжной мостовой мимо нескольких домиков, напоминающих загородные виллы на севере Европы, на чьих черепичных крышах торчат кирпичные трубы. «Ах да, ведь ты поднимаешься по Голландскому склону», — говорю я себе. Однако увиденное производит на меня весьма комическое впечатление, а экзотикой и не пахнет: из разностильного кирпичного здания мне навстречу выходят несколько черноволосых красоток с миндалевидными глазами в оригинальных голландских национальных костюмах с белыми наколками на голове и в общеизвестной голландской деревянной обуви. Я не нахожу ничего экзотического и в одном из фирменных блюд Нагасаки, «Касутэре», ничем не примечательном сухом, рассыпчатым песочном торте. Какой-то португальский (или испанский) кок, а то и христианский миссионер несколько веков назад поделился в Нагасаки с японцами рецептом изготовления бисквита под названием «Кастелла»¹.

Своеобразными показались мне здесь сооружения, построенные по китайским образцам, например Мэганэ-хаси — «Очковый мост» (XVII век), который своими двумя кирпичными арками, отражающимися в воде, в самом деле похож на очки; или возведенный в 1629 году

¹ «Касутэра» образовалось от порт. «Paço de Castella». В Нагасаки этот бисквит впервые появился в продаже в 1624 г.

храм Софукудзи — подлинный памятник позднесредневековой китайской культовой архитектуры. Конфуцианское святилище 1893 года с его сверкающими позолотой и ярко раскрашенными резными украшениями крыш, на мой взгляд, было скорее отталкивающим, чем своеобразным, но это уже — дело вкуса.

Большой популярностью среди туристов пользуется в Нагасаки дом Гловера, представляющий собой виллу в стиле шотландского загородного дома, построенную в 1863 году на вершине холма с чудесным видом на порт Нагасаки. Следует отдать должное мистеру Томасу Блейку Гловеру — британскому судостроительному инженеру, вероятно, очень предприимчивому человеку, дела которого начиная с 1859 года шли довольно успешно, местоположение для своей виллы он выбрал удачно, что же касается легенд, окруживших позднее этот дом, то они, насколько мне известно, не имели к нему никакого отношения. Должна же была разыгаться где-то романтическая история между прекрасной японкой и бесшабашным морским офицером, история, которая дала повод французскому Пьеру Лоти написать роман «Мадам Хризантема» и 10 лет спустя побудила американского адвоката и плодовитого писателя Джона Лонга создать пьесу «Мадам Баттерфляй», которую обессмертил итальянский композитор Джакомо Пуччини, написав оперу на этот же сюжет. Премьера оперы состоялась 17 февраля 1904 года в миланском Ла Скала, но полное признание она получила позднее, когда партию мадам Баттерфляй стала исполнять Тамаки Миура, гениальная японская певица, вдохнувшая, по словам самого Пуччини, жизнь в его героиню. В двадцатых и тридцатых годах Тамаки Миура пела эту партию на всех крупных оперных сценах мира и удостаивалась восторженных аплодисментов.

С Тамаки Миурой у меня произошла неожиданная история. Еще за несколько недель до поездки в Нагасаки я неожиданно напал на след мадам Миуры, а затем в Нагасаки, в саду прелестной виллы г-на Гловера, встретил ее, первую прославленную японскую оперную певицу. (Правда, прославилась она в основном за границей, ибо в Японии никогда не чествовали и до сих пор не чествуют оперных певцов. Существует несколько временных оперных трупп, но оперного театра нет.)

Однако вернемся к нашему рассказу. Зимняя сту-

жа все еще не отпускала природу из своих объятий. Профессор Н., ректор известного частного университета в Токио и одновременно увлеченный художник, пишущий маслом, пригласил меня конец недели провести в городке Гóра, расположенном в горах Хаконэ. Предложение было заманчивым, ибо находиться в обществе правоведа, к тому же слывшего интересным рассказчиком, знающим многих известных писателей Японии, было для меня настоящим событием. Кроме того, профессор обещал подкинуть меня в район Фудзиямы, где я мог бы искупаться в «онсэн» — горячем источнике.

Наверху в Гóра, удаленном от Токио почти на 100 километров, еще лежал снег. В некоторых местах этого расположенного на довольно крутых склонах городка невыносимо пахло тухлыми яйцами. То тут, то там из расселин в скалах проступал водяной пар, окрасивший валявшиеся вокруг камни в желтый цвет серы. На следующее утро мы отправились к вулкану, хотя небо нельзя было назвать безоблачным.

Вулкан Фудзи правильным конусом одиноко вздымается почти на 4 тысячи метров прямо из низины и меняет свой облик в зависимости от того, с какой стороны к нему приближаешься. Порой он предстает в женственно мягких, порой — в сильных, исполненных величия, суровых линиях. Его вершина чаще всего скрыта облаками. Наиболее красив вулкан в конце декабря, поэтому многие художники и фотографы предпочитают встречать Новый год поблизости от вулкана. Возможно, Ямабэ Акахито, один из крупнейших японских поэтов VIII века, странствовал в окрестностях вулкана именно в это время года, когда написал оду о нем:

... Лишь только небо и земля
Разверзлись,— в тот же миг,
Как отраженье божества,
Величественна, велика,
В стране Суруга поднялась
Высокая вершина Фудзи!
... И вот, когда я поднял взор
К далеким небесам,
Она, сверкая белизной,
Предстала в вышине.
И солнца полуденный луч
Вдруг потерял свой блеск,
И ночью яркий свет луны
Снять нам перестал.
И только плыли облака
В великой тишине,

И, забывая счет времен,
Снег падал с вышины.
Из уст в уста пойдет рассказ
О красоте твоей.
Из уст в уста, из века в век,
Высокая вершина Фудзи!

Пер. А. Е. Глускиной

Хотя Новый год уже давно был позади, нам повезло: когда мы прибыли к озеру Ямана, одному из пяти крупных озер у подножия Фудзиямы, небо очистилось и по сияющей синеве проносились лишь разрозненные облака. От легкого ветерка озеро покрылось рябью, и в неспокойной воде отражался конус вулкана. Увлеченный пейзажем правовед не мог больше сдерживаться — в мгновение ока установил свой мольберт, бросив мне:

— Садитесь в машину и поезжайте вверх по склону!

Однако я предпочел любоваться Фудзи со стороны озера и потому стал прогуливаться вдоль песчаного берега, любуясь видом маленьких, почти четырехугольной формы неглубоких рыбацких лодок, и незаметно для себя дошел до деревушки Хирано. Дома с низкими четырехскатными тростниковыми крышами напомнили мне старые домики рыбаков на моей родине. Откуда-то доносились детские голоса. Пройдя несколько шагов, я очутился на небольшой детской площадке с гимнастическими снарядами и горкой для катания. Несколько мальчишек упражнялись на перекладинах, больше там никого не было. За голым кустарником поблескивала голубизной железная крыша маленького буддийского храма XVII (или XVIII) века, который, несмотря на вычурные украшения, выглядел бы со своими арками весьма изящно, если бы не тяжелая железная крыша, полностью его изуродовавшая. Прежде храм имел тростниковую крышу, как и все дома в деревне, где было не более 30 дворов.

Неожиданно я наткнулся на чью-то могилу со скромным прямоугольным надгробием из темного шлифованного мрамора. Высеченная на нем надпись гласила: «Здесь покоится Тамаки Миура». Могила между храмом и детской игровой площадкой производила странное впечатление. В вазы слева и справа от камня было вставлено несколько жалких зеленых веток — все, чем была богата природа в это время года. За могилой наверняка ухаживали. Я постучал в дверь храма, но никто

не отозвался. Стучаться в жилые дома мне не хотелось. Я подумал: целых 20 лет эта певица с блеском выступала на всех сценах мира, а теперь в полном уединении покоится на берегу озера Ямана рядом с Фудзи.

И вот опять я увидел Тамаки Миуру в саду Гловера в Нагасаки в виде небольшой бронзовой статуи, утопающей среди пышноцветущих голландских тюльпанов. Скульптор изобразил ее в роли мадам Баттерфляй.

О чем же говорила памятная доска перед домом Гловера? В 1859 году города Нагасаки, Канадзава и Хакодате стали портами свободной торговли, в связи с чем британский подданный Томас Блейк Гловер (1838—1911) прибыл в сентябре 1859 года в Нагасаки с целью обосноваться здесь и заняться торговлей. В семидесятих годах XIX столетия правительству пришлось столкнуться с волнениями самураев. Самое крупное восстание было подавлено. Стремясь отвлечь внимание самураев от внутренних дел, правительство встало на путь внешнеполитических авантюр, обещая им участие в захватах. Тогда-то Гловер открыл бюро и активно занялся импортом огнестрельного оружия, боеприпасов, военных кораблей и т. п. Этим перечисление «заслуг» мистера Гловера не закончилось.

Автору этих строк с трудом удалось подавить в себе желание добавить к написанному несколько комментариев, однако тогда ему важнее было переключиться мыслями на другой город, в котором однажды (также на памятной доске) он уже видел имя Гловера. Город этот, как и Нагасаки, претендовал на звание «Неаполь Востока». Но с тех пор как тот, другой город (а это был Кагосима) в 1960 году заключил договор о побратимстве с итальянским Неаполем, ему определение «Неаполь Востока» подошло больше, к тому же и по ландшафту он больше соответствует Неаполю. Почему в Японии столь падки на сравнения своих городов с европейскими? Осака, например, именуется «Венецией Востока».

Кагосима расположена на расстоянии примерно 150 километров юго-восточнее Нагасаки, на юге самого южного острова Японии. Столица одноименной префектуры, она по числу жителей (400 тысяч) ненамного уступает Нагасаки. До 1872 года Кагосима называлась Сацума. Сацума-имо («клубни из Сацумы») именуют сегодня в Японии бататы, или сладкий картофель,— продолговатые клубни, размером в два или три раза пре-

восходящие мужской кулак; поджаренные на древесном угле, они продаются даже на улицах. Лишь в Кагосиме эти клубни называют не «сацума-имо», а «кара-имо» («клубни из Китая»), причем Китай в данном случае упоминается не как географическое понятие, а в качестве синонима далекой страны. Никто толком не знает, как сладкий картофель попал в Японию. Первые упоминания о нем относятся к XVI веку, а в XVIII веке его уже начали широко культивировать. Японцы уверены, что они умерли бы с голоду, если бы не было этих высококалорийных клубней. Сороковые годы нашего столетия — не такое уж далекое прошлое, чтобы не помнить, что тыква и сацума-имо зачастую заменяли рис.

В Сацуме с начала XIII века господствовал род Симадзу, представители которого не желали подчиняться центральной власти. В 1603 году, когда был провозглашен сёгунат Токугава с резиденцией в Эдо, противостояние двух родов еще больше обострилось. Оно не утихло даже при последующих сёгунах из дома Токугава, когда Эдо было переименовано в Токио, который со временем стал все меньше уделять внимания Сацуме и его господствующей династии. Что же касается Кагосимы, то здесь свое прошлое вспоминают с гордостью и ссылаются на него при малейшей возможности.

В бухте Кагосимы, недалеко от города, возвышается вулкан Сакурадзима. Тот, кому посчастливится, во время прогулки вдоль побережья увидит огромное грибообразное облако — это один из трех кратеров вулкана как бы оповещает всех, что он еще жив и с ним следует считаться. В 1946 году он не только извергал живописные облака дыма, но и выплюнул однажды огромное количество пепла. Однако и это было безобидное действие по сравнению с тем, что он натворил в 1914 году, когда изверг сначала массу раскаленного пепла, а вслед за ней поток лавы, общий вес которой, как подсчитали ученые, составлял 5 миллиардов тонн и который устремился вниз по склонам. По затвердевшей лаве сегодня проложена автомобильная дорога. По обеим ее сторонам застыли лавовые изваяния. Не надо обладать буйной фантазией, чтобы различить то огромную голову льва, то небольшую — попугая, то еще что-нибудь. Там, где в трещинах осело немного золы, пробивается растительность, чаще всего мох, попадает даже сосенка.

Кагосима — сравнительно тихий город. Коренные жи-

тели говорят на языке, лишь отдаленно напоминающем японский. При желании с ними можно разговаривать на современном литературном японском языке. Однако в наиболее крупных отелях имеются маленькие словари, называемые «кагосимский японский — литературный японский».

Вблизи Кагосимы были отвоеваны у моря около 15 миллионов квадратных метров земли. Город играет роль перевалочного пункта, а также промежуточного транспортного узла на пути к Окинаве, которая до мая 1972 года находилась под управлением США, а потом вновь стала одной из префектур Японии. Недалеко от Кагосимы, на побережье одноименного пролива, в Киуре, построена гигантская нефтебаза. Когда 31 марта 1973 года «Глобтик Токио», танкер водоизмещением почти в 500 тысяч тонн, после своего первого плавания пришвартовался в Киуре, там собралось немало любопытных посмотреть, как из судна будут выкачивать нефть, доставленную с Персидского залива. Целых 48 часов перекачивали ее из резервуаров танкера. Если бы ею заполнить стандартные для Японии 18-литровые канистры и поставить их в ряд, то образовалась бы линия, в три раза бóльшая, чем высота Фудзи, писала одна газета, чтобы дать читателям представление о колоссальной вместимости этого судна.

Жители Кагосимы с почтением относятся к своему прошлому, и никакие танкеры не в состоянии затмить здесь памятники старины.

В святилище Терукуни в центре Кагосимы покоится прах князя Нариакиры — 28-го правителя из рода Симадзу, родившегося в 1809 году в Эдо (Токио) и умершего 16 июля 1858 года. На скромной деревянной доске, установленной перед святилищем, можно прочитать, что князь способствовал проникновению западной цивилизации, при нем строились военные и торговые паровые суда, изготавливались торпеды и мины с электродетонаторами; содействовал развитию фотографии, телеграфа, а также производству стекла и стали; ввел газовое освещение; был автором флага с солнечным диском, проект которого в 1853 году предложил центральному правительству в Эдо в качестве национального флага Японии.

Однако правительство не спешило принимать предложение князя из Сацумы. Оно относилось к нему весь-

ма подозрительно, окружив его соглядатаями и шпионами, ибо им было известно, что князь тайком поддерживал связи с иностранцами. Нариакира освоил латинский алфавит и, чтобы подшутить над подосланными к нему шпионами, некоторое время вел записи в своем дневнике латинскими буквами. В 1857 году он распорядился построить первую в Японии доменную печь. На небольшом участке бывшей производственной территории (на предприятиях князя в пятидесятых годах было занято более 1300 рабочих) сегодня находится музей, построенный в стиле фабричного цеха XIX века. Перед ним — пушка местного изготовления. Нельзя не отдать должное мужеству самурайских канониров, отважившихся атаковать подобным предметом английское военное судно, в результате чего в августе 1863 года английский флот обстрелял Сацуму. Орудия англичан били намного дальше, да и по силе огня превосходили сацумские пушки. После обстрела многие предприятия Сацумы сгорели дотла, но уже в 1865 году они были заново отстроены и оборудованы новой техникой — паровыми машинами. На сцене вновь появился наш знакомый, британский подданный мистер Томас Блейк Гловер. Он взялся поставлять в Кагосиму не только оружие, но и английские ткацкие станки. Об этом напоминает выставленная в музее пожелтевшая от времени фотография с подписью: «Завод в Кагосиме построен князем Сацумы в 1866 году». И ниже: «Первый завод в Японии».

Род Симадзу в Сацуме во многом превосходил род Токугава в Эдо и доказал это на деле не только в самой Японии, но и на международной арене. На Всемирной выставке в Париже 1867 года (кстати, выставка, которая сыграла огромную роль в ознакомлении Европы с обширным японским собранием цветных гравюр на дереве, что, как известно, имело непредвиденные последствия², причем не только положительные, поскольку в Европе сложилось мнение, что в японском искусстве развился лишь этот жанр, имела место в 1878 г.) Япония была представлена одновременно двумя правительствами — сёгунатом Токугава с резиденцией в Эдо и японским «королевством» Сацума, которое прислало в Париж примерно 400 ящиков с экспонатами для выставки и

² Автор имеет в виду то влияние, которое японские гравюры оказали на творчество французских постимпрессионистов, таких, как Винсент Ван Гог, Поль Сезанн, и некоторых других.

ящичек с орденами. Это были первые учрежденные в Японии ордена, и их решили вручить Наполеону III и членам французского правительства. Французский император также не остался в долгу и среди прочих подарков преподнес высокопоставленным лицам Сацумы большую золотую и несколько серебряных медалей. Они экспонируются в маленьком музее в Кагосиме.

Однако славе Сацумы-Кагосимы скоро пришел печальный конец. Такамори Сайго, один из предводителей сацумского клана, поссорился со своими коллегами из нового императорского правительства в Токио и решил не только выйти из правительства, но и выставить против него значительную военную силу. После боевых действий, длившихся не менее полугодом, Сайго, будучи тяжело ранен, вынужден был на знаменитой горе Сирояма в Кагосиме в сентябре 1877 года покончить с собой. Ради нормализации положения в стране покойник был тут же прощен и увековечен в многочисленных памятниках. На Сирояме, например, где разбит прекрасный городской парк, была воздвигнута его восьмиметровая (включая каменный пьедестал) статуя. Хоть это и дела минувших дней, но в Кагосиме, подобно тому как в других местах в качестве сувениров предлагают изображения Будды, во всех лавках продаются статуэтки и бюсты Сайго — на любой вкус.

В 1923 году, когда род Симадзу отмечал 700-летие своего существования, был торжественно открыт музей, ставший первым музеем промышленности в Японии. Город, который в последние недели войны был разрушен почти на 80 процентов, теперь отстроен почти заново. Из конца в конец его пересекают широкие, обрамленные с обеих сторон пальмами улицы, главная из которых, разумеется, Неапольская. Кагосима специализируется на производстве толстостенных цветных фарфоровых изделий и тончайших шелковых тканей, славится своей гигантской (диаметром до 50 сантиметров и весом до 40 килограммов) редькой. В сыром виде или нарезанная ломтиками и законсервированная, она является незаменимым гарниром к японским блюдам.

В Кагосиме имеется еще одна диковинка: построенная прямо в море пятидесятиметровая башня. Вокруг нее широкое кольцо бетонной стены, отгораживающей от окружающего моря бассейн. На самом вершине башни, на высоте 16 метров над уровнем моря, расположены кафе

и смотровая площадка, откуда открывается великолепный вид на вулкан Сакурадзима. Но настоящий аттракцион начинается, когда на лифте спустишься в двухэтажный ресторан, находящийся ниже уровня моря, займешь одно из 64 мест на первом этаже и через иллюминаторы (диаметром 90 сантиметров) станешь наблюдать за плавающими в бассейне рыбами, которые, кажется, смотрят, как ты расправляешься с одним из их сородичей.

В 50 километрах от Кагосимы, у города Утиноура на полуострове Осуми расположен Институт космических исследований и аэронавтики, непосредственно связанный с государственным университетом в Токио. Отсюда запускаются в космос японские ракеты и спутники.

Но не только князь Нариакира из рода Симадзу и британский подданный Томас Блейк Гловер связывают Кагосиму с Нагасаки и наоборот. В Кагосиме была написана первая глава истории, а последующие ее главы, если не считать краткой, промежуточной главки о небольшом острове Хирадо (примерно в 50 километрах к западу от Нагасаки), продолжены почти на 250 лет в Нагасаки.

В 1542 году у побережья острова Танегасима (к югу от Кюсю) село на мель португальское судно. Спасшиеся после кораблекрушения несколько португальцев, вероятно, и были первыми европейцами, ступившими на японскую землю. Через них в Японию проникло огнестрельное оружие. А 6 лет спустя в Кагосиму прибыл первый христианский миссионер — иезуит Франциск Ксавье, который в течение 10 месяцев проповедовал там христианскую веру, после чего отправился в другие города.

Возможно, именно в Кагосиме произошла очаровательная история, повествующая о появлении в Японии табачного растения, которую нам рассказал известный японский писатель Рюноске Акутагава. Приведу ее вкратце. Когда Франциск Ксавье предпринял свое путешествие из Гоа в Японию с целью обратить в христианство языческий народ этих островов, сатана долго размышлял над тем, какие бы устроить козни святому. Облачившись в одежду монаха, он незаметно прокрался на корабль. В то время как Франциск с проповедями странствовал по Японии, сатана разбил небольшую плантацию табака. Пышные табачные кусты очень заинтересовали одного японского крестьянина. Увидев од-

нажды в саду садовника-монаха, он спросил его, что это за растение.

— Если ты мне продашь свою душу,— ответил садовник в монашеской рясе,— я раскрою тебе секрет и сверх того подарю тебе растение. Если же ты за три дня сам разгадаешь его название, оно будет принадлежать тебе, а заодно ты сохранишь и свою душу.

Крестьянину стало не по себе. Только на третий день его внезапно осенила спасительная мысль: он погнал свою корову в сатанинский огород. Сатана, задыхаясь от ярости, выбежал из дома с криком:

— Кто смеет топтать мой табак?!

Вначале все шло хорошо: миссионеры с гордостью докладывали в Рим о большом числе обращенных, а некоторые феодальные князья вскоре поняли, что торговля с португальцами может способствовать укреплению их власти. Религия их мало интересовала, но ради выгодной торговли многие не возражали, чтобы иезуиты обратили их в другую веру, а заодно и их подданных, согласия которых не спрашивали. В проповедях миссионеров все равно никто ничего не понимал, но, поскольку внешняя пышность христианских церемоний немного напоминала некоторые буддийские обряды, вновь обращенные думали, что они теперь принадлежат к новой буддийской секте.

В 1614 году христианство по политическим мотивам было запрещено, а в 1623 году японским торговцам запретили покидать Японию. В 1633 году был принят ряд указов, ограничивавших внешние связи Японии, в 1636 году — еще несколько указов, ужесточивших изоляцию страны. Указом 1639 года запретили приезжать в Японию даже португальцам. Оставшиеся на японских островах китайцы и голландцы подвергались строгому контролю, им были выделены особые районы в Нагасаки. В Дэдзиме, бывшей португальско-голландской фактории, на деревянной мемориальной доске можно прочитать: «Чтобы воспрепятствовать живущим в Нагасаки португальцам распространять христианство, правительство Токугава приказало в 1634 году 25 коммерсантам из Нагасаки соорудить искусственный остров перед городским районом Эдомати. В 1636 году португальцы вынуждены были переселиться на этот веерообразный остров площадью примерно 13 тысяч квадратных метров. После высылки португальцев туда же в 1641 году

была переведена голландская фактория. Более двухсот лет Дэдзима служила единственным каналом, через который в Японию проникала западная культура. В 1904 году были возведены дополнительные портовые сооружения, и Дэдзима лишилась своего островного положения».

Итак, в один из теплых мартовских дней в начале последней трети XX века приезжий гость, автор этих строк, устремляет взор с высоты горы Инаса на раскинувшийся внизу Нагасаки и пытается представить себе, какой ужас должны были испытывать жители бедной рыбацкой деревушки Таманоуры (на юге острова Фукуэ), когда (в 1570 году) в их уединенную бухту вошло португальское судно. Может быть, до них из Кагосимы уже дошли слухи о «южных варварах», как тогда называли португальцев, а позднее и других европейцев? Несколькими годами спустя у той же Таманоуры бросили якорь три голландских судна, и маленький рыбацкий поселок быстро вырос в центр международной торговли, который португальцы окрестили Дон Бартоломео. Какое там, наверное, царило оживление к началу XVII века, если, как сообщают историки, к пристани ежедневно причаливало более 10 кораблей?

Гость пытается проследить нить человеческих судеб, скрывающихся за фактами и датами, за жалкими развалинами, за тем или иным предметом — огромным якорем или старым стволом пушки, которые продолжают покрываться ржавчиной на маленьком клочке земли — бывшем острове Дэдзима в соседстве с несколькими кустами роз и с табличками. Позже под моросящим дождем, проваливаясь по щиколотку в грязь, путешественник проходит мимо уродливых сараев, гор ящиков изпод рыбы, сопровождаемый подчас недоверчивыми (а может быть, только любопытными?) взглядами прохожих, пока не доходит до исторических нескольких квадратных метров суши, где читает на мемориальных досках обо всем, что здесь произошло.

Нетрудно понять, какие чувства обуревали экипажи торговых судов, когда после многодневных, полных опасностей плаваний они наконец приставали к берегам Нагасаки. О том, как тогда встречали гостей, пишет в своем дневнике Энгельберт Кемпфер. Вот одна из записей 1690 года. «Едва мы успели бросить якорь, как тут же в непосредственной близости от нашего судна появи-

лись два сторожевых японских корабля, которые всю ночь кружили вокруг нас... Рано утром следующего дня 20 барж, прикрепившись к нашему судну свисающим от форштевня тросом, взяли его на буксир и оттащили на расстояние 300 шагов от города. Вслед за тем появились два правительственных чиновника в сопровождении многочисленных воинов, писарей и переводчиков и приказали всем прибывшим по очереди, согласно списку личного состава, сойти на берег. Они каждого осмотрели с головы до ног и кисточкой записали имя, фамилию, возраст и должность... Затем судно до отказа заполнили солдаты и писцы — создавалось впечатление, будто японцы решили полностью завладеть им. Шпаги, пистолеты и другое огнестрельное оружие были изъяты... Был также упакован в бочки, а затем увезен порох. Если бы я заранее не был предупрежден о таких обычаях, то наверняка подумал бы, что прибыл во вражескую страну или что нас приняли за шпионов.

«Здесь нам приходится мириться со многими оскорбительными ограничениями... — пишет он в другом месте. — Запрещают отмечать воскресенья и другие праздники, петь псалмы и читать молитвы, нам не дозволено упоминать имя Христа, хранить изображение распятия или какой-либо другой символ христианской веры. Мы вынуждены подчиняться еще многим другим унижительным требованиям, воспринимающимся благородным человеком весьма болезненно. Единственная же причина, которая побуждает голландцев столь терпеливо переносить все эти страдания, — это жажда наживы и ценное содержимое японских горных пород». Затем он цитирует Вергилия: «Проклятая алчность, к чему только ты не вынуждаешь человеческое сердце».

За несколько дней до посещения Дэдзимы я зашел в библиотеку экономического факультета университета в Нагасаки, а также в библиотеку префектуры и с восхищением пролистал там многочисленные книги и альбомы по истории Нагасаки, в том числе и те, которые касались первоначальных взаимоотношений между Японией и Европой. Стоило посмотреть на выбор любую из книг, чтобы найти подтверждение тому, что писал Кемпфер. Позже мне не раз хотелось вернуться в эти библиотеки хотя бы на несколько недель, чтобы поработать в спокойной обстановке, так как я был уверен, что смогу обнаружить немало интересного. Ведь я уже кое-что

нашел, в том числе кусочек дерева величиной с ладонь — своего рода пропуск, который позволял той или иной «даме» пересечь узкий мост и провести несколько часов в Дэдзиме. Я тогда сразу вспомнил мадам Баттерфляй, а также то, что рассказал о жизни на искусственно возведенном острове немецкий врач Филипп Франц фон Зибольд, состоявший, как и до него Энгельберт Кемпфер, на службе у Голландской Ост-Индской компании. Он прибыл в Дэдзиму в 1824 году и задержался здесь до 1829 года.

«Вечером, после захода солнца,— писал Зибольд,— все японцы должны были покинуть остров, за исключением женщин, которые не пользовались у своих соотечественников ни почетом, ни уважением. Лишь из числа этих несчастных и презираемых голландцы имели право выбрать себе прислугу и экономок... Само собой понятно, какими это было чревато последствиями...». Собственную семью голландцам привозить было запрещено.

Трое европейских ученых (кроме Кемпфера и Зибольда следует упомянуть еще шведа Тунберга, прибывшего в Японию в 1743 году) жили в Дэдзиме довольно долго. Мир обязан им своими знаниями о Японии, да и сама Япония многим обязана этим и другим ученым. Какими бы узкими ни были с начала XVII до середины XIX века ворота в мир, связь с ним все же поддерживалась, оставив много видимых, а еще больше невидимых, следов в культурной жизни не только Нагасаки, но и всей Японии.

Врач Филипп Франц фон Зибольд посетил Японию дважды. Второй раз в 1859 году, когда ограничений уже более не существовало. Голландцы возводили теперь свои дома на Оранда-дзаке (Голландском склоне) и мостили свои улицы так же, как они привыкли это делать у себя дома. Зибольд решил ознакомить нескольких молодых японцев с основами европейской медицины и продолжить заодно собственное научное исследование страны. Никто до него с такой точностью не описал флору и фауну Японских островов. И не было ничего удивительного в том, что д-р К., врач и художник, прежде всего проводил меня к моему соотечественнику Сииборуту (то есть Зибольду), туда, где тот жил с 1859 по 1862 год и где обучал студентов. На месте дома и библиотеки Зибольда лежат два мемориальных камня, стоят скульптуры и вколоченный в землю столб с надписью. Вот и все,

что напоминает об этом выдающемся человеке, не считая памяти о нем. Война всё разрушила.

Дом Гловера на вершине холма также уничтожила война. Однако один крупный концерн воссоздал его, придав ему первоначальный облик. «Прививая многие основополагающие принципы западной цивилизации,— говорится в заключительной фразе уже упомянутой мемориальной доски, установленной перед домом Гловера,— Гловер внес немалый вклад в развитие нашей культуры в период реставрации Мэйдзи». Разумеется, оружие, боеприпасы и военные корабли также являются «принципами западной цивилизации». Однако хочется спросить, не сделал ли и врач Филипп фон Зибольд кое-что для развития этой же цивилизации? Но на его вкладе концерн, вероятно, не мог сделать бизнес, а дом его был не так красив, как вилла Гловера.

С этой грустной мыслью прощался я с Нагасаки, своеобразным городом, ставшим наравне с Хиросимой страшным напоминанием потомкам о трагических событиях в истории человечества.

СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ

Снаружи Будда, внутри сатана.

* * *

Упущенная рыба всегда самая крупная.

* * *

В сорок лет ума нет — и не будет.

Японские пословицы

Юкио Мисима уже давно был известен за пределами Японии, когда весть о его самоубийстве стала сенсацией в мировой прессе. Он слыл одним из крупнейших талантов в японской литературе и принадлежал к тем немногим индивидуальностям, которые в последние десятилетия содействовали ее международному признанию. Его имя не раз обсуждалось в качестве кандидатуры на присуждение Нобелевской премии. Родился Юкио Мисима в 1925 году, и вскоре после войны слава о нем распространилась со стремительностью кометы. Многие из написанного им было спорным, но следует отдать ему должное: писать он умел. Вопросы о том, можно ли однозначно относиться к его фантазмагорическим рассказам, кажущимся часто то взбалмошными, то прямо-таки трогательно наивными, к его то сдержанному, впечатляющему, то манерному стилю, можно ли мириться с его тягой к позерству, привычкой выставлять себя на показ, остаются все же открытыми. Однако не замечать его было нельзя.

В истории японской литературы с конца XIX века добровольный уход из жизни выдающихся писателей — не такое уж редкое явление.

Что касается Юкио Мисима, то здесь были необычны и обстоятельства самоубийства. В первой половине дня 25 ноября 1970 года он проник в штаб японских «сил самообороны», расположенный в районе Итигая в Токио, вышел (со своими единомышленниками) на бал-

кон и стал выкрикивать здравицу в честь императора, затем зачитал «Манифест». Солдаты и офицеры поначалу развеселились, хорошо зная пристрастие Мисимы к театральности. (Кстати, он действительно был неплохим актером: во время экранизации одного из его рассказов Мисима выступал в роли режиссера и актера, сыграв офицера императорской армии, который после провалившегося в феврале 1936 года военно-фашистского путча «молодых офицеров»¹, «выступивших против бюрократов и инертных чиновников в правительстве», якобы повинных в «упадке престижа императора», по примеру древних самураев покончил жизнь самоубийством, вспоров себе живот.)

Однако, когда слова Мисимы приняли более обличительный характер, веселье прекратилось. «Мы поняли,— распаялся Мисима,— что послевоенная Япония опьянена экономическим расцветом, что она отдалилась от основ своего бытия, что она охотится за второстепенным, не упорядочив главного; она пошла по пути лицемерия и штопания дырок и все больше впадает в состояние духовного вакуума. Со скрежетом зубным мы вынуждены были наблюдать, как политика служит исключительно затушевыванию противоречий, только личным интересам, властолюбию и ханжеству, что государственную политику в Японии определяют зарубежные страны, что позор проигранной войны не стараются смыть, а скрывают и что японцы бесчестят свою собственную историю и традицию.

Мы надеялись на то, что в наши дни хотя бы в „силах самообороны“ будет сохранен дух истинной Японии, истинного японца, истинного воина. Однако мы убедились в том, что благодаря юридическому шелкоперству „силы самообороны“ рассматриваются как противоречащие конституции. Тем самым укреплению нашей обороны — главной задаче страны — всячески чинят препятствия, прибегая к беспринципному юридическому очковитательству. Следовательно, „силы самообороны“ представляют собой армию, не имеющую права называть себя таковой. Именно в этом кроется вырождение японского духа, а также упадок морали.

¹ Имеются в виду участники путча 26 февраля 1936 г. в Токио, убившие нескольких министров и других государственных деятелей. Путч был подавлен, но к власти пришло правительство Хирота, тесно связанное с фашистской военщиной.

Армия, честь которой необходимо поддерживать на самом высоком уровне, была принесена в жертву коварным, отвлекающим маневрам. „Силы самообороны“ несут позорный крест проигравшего войну государства. Они не стали армией страны, ибо не было необходимых для создания армии основ, они получили ранг не более чем гигантского полицейского подразделения, и не было четко сформулировано, кому они присягнули на верность. Мы возмущены слишком затянувшимся сном Японии после войны!» (Еще раз напоминаю: это произошло 25 ноября 1970 года!)

Окончив речь, Мисима сделал то, что уже сыграл однажды в фильме: вспорол себе живот. Его телохранитель Морита тут же обезглавил его, а затем сам покончил жизнь самоубийством.

Что это было? Слова и дела обезумевшего эксцентрика? «Смерть Мисимы — это смерть преступного политического актера», — можно было прочитать в одном японском журнале. Однако подобные высказывания встречались весьма редко. Чаще писали, что смерть Мисимы — «блестящее завершение его жизненной философии», «геройская смерть романтика», «проявление патриотизма», «красоты и чистоты духа», «демонстрация духа камикадзе» и духа «молодых офицеров». Последнее сравнение было вызвано вышедшим в 1960 году рассказом Юкио Мисимы «Патриотизм» и его экранизацией в 1965 году.

Много было произнесено патетических слов, однако проблема, которая стояла за трагедией писателя Юкио Мисимы, настолько трудно поддается анализу, сложна и тесно связана с принципиальными вопросами послевоенного развития Японии, что не терпит пафоса и фальши. Лишь трезвый ретроспективный взгляд на историю и не менее трезвый взгляд на современность, возможно, кое-что прояснит.

То, что «японцу» приписывается особый воинственный дух, следует отнести к области легенд. Тем не менее нельзя отрицать, что воинственный самурай с его мечом стал символом Японии. Когда видишь, как на экранах японских кинотеатров и телевизоров то и дело мелькают фрагменты диких сражений прошлых времен, сопровождающихся неистовыми воинственными воплями, то, не будучи даже сверхчувствительной натурой, испытываешь ужас, хотя в подобных экранизациях, воз-

можно, больше вымысла, чем правды. Кроме того, если сопоставить эти картины с теми, какими богата история Европы в средние века, различия окажутся не слишком велики. И заключаются они не столько в воинственности, как таковой, сколько в общественном положении (самурая, рыцаря, воина), в традициях, в сознании, в этических категориях ценностей.

В 1192 году Иоритомо из дома Минамото был провозглашен сёгуном, верховным военачальником. Вдали от столицы Киото — многовекового центра Японии, он провозгласил себя в Камакуре главой правительства бакуфу (военной ставки). С тех пор вплоть до 1868 года в Японии господствовал сёгун или, выражаясь современным языком, политика в Японии определялась военщиной. Следует добавить, что военщина господствовала в стране и после 1868 года (вплоть до 1945 года). Хотя формально военные всегда действовали по велению тэнно, на самом деле император светской власти не имел (включая период новейшей истории). Это одна сторона медали, хотя и достаточно важная.

А вот другая. Самурай (или буси) — воин создал с конца XII века свою этику, основанную на строгом исполнении долга. Идейной опорой ее служили заимствованное из Китая конфуцианство, а также аскетизм духа, предписанный проникшим из Китая дзэн-буддизмом. Таким образом, созданная японским рыцарством культура, система ценностей стала господствующей в течение многих столетий и в значительной степени определяла японскую жизнь. Оказывает она влияние и на современность: многое из того, что сегодня в духовно-культурной жизни страны обозначается как «типично японское», в той или иной мере связано с длительным господством военной аристократии.

«За процветающую страну и сильную армию!» — гласил один из лозунгов нового режима 1868 года. Однако требование «сильной армии» в тот период уже не вязалось с представлением о «благородных рыцарях». Он, то есть «благородный рыцарь», хотя и не превратился в трагикомическую фигуру наподобие Дон Кихота, но все больше становился фикцией, которая потом иногда оброчивалась трагедией, как это произошло с Мисимой.

До 15 августа 1945 года Япония вела тотальную войну, закончившуюся тотальным поражением. Впервые за всю свою историю она была оккупирована чужеземными

войсками и вынуждена покориться иностранному диктату. Поневоле пришлось идти на компромиссы, многие из которых вначале трудно было предвидеть. Кое-какие существуют и поныне, являясь причиной взрывов весьма большой силы. К одному из них относят действующую японскую конституцию, если и не всю, то некоторые ее статьи. Как была создана эта конституция, описывает в своих мемуарах бывший японский премьер-министр Сигэру Иосида.

Специально учрежденная японская комиссия разработала до февраля 1946 года несколько проектов новой конституции. Однако генерал Дуглас Макартур, главнокомандующий оккупационной армией, и его начальник штаба генерал Хэд Квартер категорически отклонили японские проекты и в начале февраля 1946 года представили свой вариант. «Оккупационные власти,— пишет Иосида,— сочли нужным продемонстрировать нам свои соображения по данному вопросу, так как наш проект мало чем отличался от прежней конституции». У японской стороны не оставалось иного выхода, как вести переговоры по американскому проекту, и в ходе переговоров она вряд ли могла что-либо изменить. Особенно непреклонным генерал Макартур был в отношении двух статей.

Речь идет о статье 1, объявившей императора «символом государства и единства народа», но, после того как тэнно лично высказался по этому поводу и, как пишет Иосида, заметил, «что он в определении своего статуса в качестве императора не смог обнаружить ничего сомнительного», вопрос был исчерпан, и угроза американского генерала, что институт императора может быть сохранен лишь при условии принятия японской стороной статьи в американской редакции, стала беспредметной. Сигэру Иосида успокоил своих коллег по кабинету, доказав им, что слово «символ» применительно к императору было выбрано по той причине, что для японцев император всегда считался символом страны.

Но существовала еще знаменитая статья 9, озаглавленная «Отказ от войны». Именно ее подразумевал, очевидно, тогдашний вице-президент США Ричард Никсон, ставший позднее президентом, когда во время посещения Японии несколько лет спустя после вступления в действие японской конституции он с поразительной откровенностью признал, что эта японская конституция

была результатом ошибочной политики США в отношении Японии. Если существует ирония истории, то она проявилась здесь в полной мере.

Статья 9 гласит:

«Искренне стремясь к международному миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров.

Для достижения цели, указанной в предыдущем абзаце, никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны. Право наведение государством войны не признается».

С тех пор как появилась эта статья конституции, споры вокруг нее не прекращались, причем в зависимости от положения дел довольно часто менялись и взгляды противоборствующих сторон. Однако о юридическом щелкоперстве, как полагал в своем «Манифесте» писатель Юкио Мисима, не могло быть и речи. Дело касалось принципиальных вопросов в области политики.

«Я сам был согласен с этой статьей,— говорил Сигэру Иосида.— Поскольку союзники считали японцев милитаристской нацией, нужно было что-то предпринять, чтобы выбить из них эту мысль. Для этой цели заявление об отказе от войны в новой конституции казалось самым подходящим случаем». А в конце сороковых годов он сказал: «Первая торпеда, которая будет нами, японцами, произведена, торпедирует саму Японию». Однако международная обстановка вскоре изменилась, и 8 июля 1950 года тот же премьер-министр объявил об образовании «резервного полицейского корпуса» численностью в 75 тысяч человек. В октябре 1952 года он заявил, что «Япония приступит к укреплению своей оборонной мощи, как только этого позволит экономическое положение страны». 10 октября 1952 года «резервный полицейский корпус» был реорганизован и переименован в «корпус национальной обороны», который, однако, считает днем своего рождения 8 июля 1950 года.

В октябре 1970 года, за месяц до самоубийства Юкио Мисимы, японские сухопутные войска насчитывали, по официальным данным, свыше 179 тысяч человек, располагая 660 танками, 140 самолетами, а также 210 верто-

летами; за военно-морскими силами числилось 37 тысяч человек и 210 единиц боевых судов, в том числе 10 подводных лодок; за военно-воздушными силами — 41 тысяча человек и 950 самолетов, из них — 480 боевых. Данные конца семидесятых годов существенно не отличаются от приведенных цифр. Это довольно значительная, однако для 120-миллионного народа не слишком большая армия. Что касается финансовых издержек на ее содержание, то они также были не очень велики, хотя к началу восьмидесятых годов по сравнению с серединой семидесятых, безусловно, возросли. (Тогда, в 1975 году, Япония расходовала на военные нужды лишь 45 долларов на душу населения, маленький Люксембург — 68 долларов, а США — в десять раз больше Японии.)

Однако велики ли японские «силы самообороны» (27 сентября 1953 года японский парламент принял закон о преобразовании «корпуса национальной обороны» в «силы самообороны») или малы, значителен или незначителен военный потенциал Японии, статья 9 конституции остается прежней. Для пересмотра этой статьи потребовалось бы большинство в две трети голосов в парламенте, а такое большинство либерально-демократическая партия, правившая в стране с небольшим перерывом с конца войны, не смогла обеспечить, тем более что внутри самой партии мнения относительно статьи 9 расходились. Кроме большинства в две трети голосов в обеих палатах парламента для внесения изменений в конституцию необходимо было также получить простое большинство избирателей во время всенародного голосования.

Это, несомненно, сложная и щекотливая проблема, по отношению к которой даже оппозиционные партии не всегда занимали однозначную позицию. Поэтому она все снова и снова откладывалась. Но признанный писатель Юкио Мисима требовал ясности. Хризантема как олицетворение красоты (в стилизованном виде она и гербовый цветок японской императорской династии), а также меч служат символами японской культуры, считают некоторые. Мисима принадлежал к их числу. «Довоенная Япония,— писал он в 1968 году в одном солидном журнале,— изгнала из нашей национальной жизни хризантему. Послевоенная Япония сделала то же с мечом и разрушила тем самым целостность японской культуры». На своих коллег по перу он обрушивался с грубой бранью,

называя японскую литературную среду «раем для невменяемых, неврастеников, импотентов и отвратительной массы жирных, больных раковыми и желудочно-кишечными заболеваниями пациентов, сентименталистов и полудиотов». И ужасно то, считал он, что только очень немногие способны бороться. Чтобы не сражаться в одиночку, в ноябре 1968 года он основал личную «армию» примерно из сотни молодых людей, назвав ее «Татэ но кай» («Общество щита»). За консультацией по поводу форменной одежды для своего воинства Мисима обратился к модельеру, который якобы сшил мундир для Шарля де Голля. Была сочинена, а затем записана на пленку и распространена среди населения «Песня оруженосцев», а маневры проводились по программе «сил самообороны», а порой и совместно с ними. Первая годовщина основания «Общества щита» отмечалась парадом перед Национальным театром в Токио. На вопрос, почему именно там, командир Мисима ответил: «Потому, что отсюда виден дворец императора».

«Мы ни в чем не будем участвовать,— заявил он в другой раз, вкладывая в эти слова особый смысл,— за исключением последнего решительного боя. У нас нет оружия, но вместо него есть стальные мускулы. Мы самая маленькая армия в мире, но зато армия, сильная духом».

Если бы речь шла лишь о судьбе человека, подававшего когда-то большие надежды в японской литературе, то, возможно, и не стоило бы заострять наше внимание на всем этом. Однако дело не только в Мисиме и его «армии». Дело также не в человеке из Партии возрождения великой Японии, которого вот уже в течение многих лет можно встретить в иные дни на углу самого фешенебельного квартала Японии, Гиндзы, вблизи бывшего здания одной из крупнейших газет, с микрофоном в руке, на крыше радиофицированной машины, позади которой развевается бывший военный флаг Японии. Захлебываясь, он выкрикивает лозунги, заставляющие содрогаться от ужаса. Всякий раз, когда вновь попадешь в Японию, надеешься, что этот пережиток прошлого наконец исчез. Увы, к сожалению, слышишь все те же лозунги. Хочешь посмеяться над ними, над риторикой и жестикующей оратора и видеть во всем этом плохо сыгранную балаганную комедию, но отказываешься от такого намерения, и не в последнюю очередь потому, что

никогда не знаешь наверняка, кто из собравшихся принадлежит к паладинам оратора, который все еще продолжает говорить о Великой японской империи.

Дело и не в примерно 500 националистических, по военному образцу созданных организаций, насчитывающих, по одним оценкам, свыше 200 тысяч человек, по другим — 350 тысяч. Не в этом проблема, во всяком случае, не только в этом. Весной 1979 года в одном японском периодическом издании, предназначенном для заграницы, появилась статья профессора-экономиста из Токийского университета. Профессор писал, что в случае войны (даже без атомного оружия) Японии при ее теперешней концентрации промышленности и сверхвысокой плотности населения не поможет увеличение ее нынешней военной мощи в 10 или даже в 20 раз, поэтому она должна делать все возможное, чтобы обеспечить мир не только в Азии, но и во всем мире. «Главное для Японии — не допустить войны; стремление к военной мощи — дело малоперспективное». Чувство реальности весьма распространено в сегодняшней Японии, и было бы неверно оценивать поведение и поступки писателя Юкио Мисимы в отрыве от общего развития, целого круга проблем, которые можно объединить словом «самоосознание». «Люди критически осмысливают свое бытие и заняты поисками самоосознания японского народа как культурной и исторической общности,— пишет упомянутый выше профессор...— Была предпринята переоценка ценностей, с тем чтобы не впасть в крайний национализм прошлого. И эта переоценка продолжается, причем за основу берутся самобытные японские критерии, а не стандартные, импортируемые с Запада формулы, привлекаются специфически японская система ценностей, фундаментальные модели общественных отношений, а также сила и слабость социальных институтов».

Что бы это ни означало, а мы еще неоднократно вернемся к затронутому здесь вопросу, именно в нем суть широкомасштабной проблемы — во все более углубленном размышлении над собой, в раздумьях над собственными традициями и категориями ценностей...

САМОПОЗНАНИЕ

Платье стираное, да свое.

* * *

Слепой не страшится змеи.

* * *

Раз уж принял яд, вылижи и блюдце.

Японские пословицы

Японский народ имеет в своем активе зафиксированное в хрониках почти полуторатысячелетнее прошлое и прямо-таки завидную историческую преемственность. За исключением очень короткого, последнего периода своей истории, этот народ никогда не терял национальной независимости и не находился под господством чужеземцев. С середины шестидесятых годов нашего столетия Япония вышла на третье место (а по некоторым показателям и на первое) среди индустриальных стран мира. И вдруг — а может быть, не так уж вдруг? — она начинает вслух размышлять над самой собой и заниматься поисками собственного самоосознания. С конца шестидесятых годов она, как зачарованная, взирает на самоё себя, впадая в своего рода самогипноз.

«Что представляют собой японцы?», «Что такое японская культура?», «Откуда пришли японцы?», «Открытие заново японца», «Структура сознания японцев», «Характер японца», «Душа японца» — таковы лишь некоторые, выхваченные наугад, названия книг. Они не только наводнили рынок, но и находили и находят читателей. Иные из этих книг стали даже бестселлерами и достигли таких огромных тиражей, о которых авторы других широт и не мечтают.

Казалось, будто некая бацилла вызвала настоящую эпидемию, и эпидемия эта — одна-единственная тема для разговора. Сначала она называлась «нихонрон» («дискуссия о Японии»), позже — «нихондзинрон»

(«дискуссия о японце»), но этот дословный перевод почти ни о чем не говорит. Наука предпринимает серьезные попытки истолковать те или иные явления, старается ответить на вопросы, почему Япония развивалась так, а не иначе, почему она, опираясь исключительно на собственные силы, смогла стать ультрасовременным индустриальным государством (исключая страны Европы и США). Однако в данном случае речь идет отнюдь не о научном подходе.

«Нихондзинрон» уже давно означает не одну лишь «дискуссию о японце». В Японии некоторые понятия зачастую настолько эмоционально перегружены, что выходят за пределы своего первоначального смысла, их связывают с таким множеством значений, что в конце концов теряется их определенность. Из-за такой расплывчатости ими становится легче манипулировать. Их всегда можно использовать по любому поводу. Под «нихондзинрон» подразумевают размышление о своеобразии японского народа, о его неповторимости, которая предлагается в качестве аксиомы. Под влиянием средств массовой информации дискуссия о неповторимости превращается в общенациональный психоз. Япония сама себя открывает, и японцы призывают японцев открыть Японию. Кстати, это вовсе не так уж бескорыстно, как может казаться на первый взгляд. Здесь многое взаимосвязано. Человеку извне понять это трудно, объяснить — тем более. «Discover Japan!» («Открывай Японию!») — призывали многие красочные плакаты на английском (не на японском) языке, выпущенные государственными железными дорогами в начале семидесятых годов. «Открывай Японию!» — призывают по-английски японцы японцев. И странно, что этот призыв в высшей степени действителен. Он стал девизом, который помог обогатиться владельцам железных дорог, а еще больше — отелей, одной из самых молодых отраслей промышленности — «индустрии досуга». Рука об руку с «Discover Japan» шло открытие «фурусато» («старой деревни») — родины в более узком понимании, села в противоположность городу.

Сразу после второй мировой войны людей потянуло в города. О бурной урбанизации Японии, происшедшей за очень короткий период времени, уже шла речь. Сельская община слыхла из-за своей бескомпромисности в области человеческих отношений старомодной и даже феодальной. Крупные города обещали не только бóльшую

личную свободу, но и лучшую материальную и более интересную культурную жизнь. Однако уход сельских жителей в города менее чем за 20 лет обернулся тоской по земле, по человеческой защищенности, которую они находили в еще недавно опорощенной деревенской общине. Прежняя шкала ценностей, казавшаяся уже утраченной, возродилась к новой жизни. И как один из симптомов нового развития снова стали появляться «фильмы о родине», создаваемые порой людьми, которые еще не так давно выбрасывали за борт все, что имело отношение к традициям и наследству. Теперь их призыв гласит: твоя истинная родина там, где ты родился, только там ты сможешь обрести счастье. Следовательно, вернись «из изгнания», то есть из крупных городов, назад к земле, которая хранит прах твоих предков.

Они пробудили тоску, которую полностью утолить невозможно, так как процессы развития нельзя повернуть вспять. Однако остаются праздники, а их в Японии не так уж мало,— и заполняются железнодорожные поезда. Discover Japan! — Открывай Японию!

Это лишь побочные явления, связанные с «дискуссией о японце», явления, которые прежде всего нуждаются в понимании и сочувствии,— ведь они не так уж редко встречаются и в других странах. Тем не менее приходится удивляться тому, с каким усердием, не жалея типографской краски и бумаги, японские ученые и публицисты селятся доказать, выдвигая подчас весьма странные теории, будто всеми своими достижениями Япония обязана только самой себе, притом любая новинка является истинно японским изобретением.

Недавно японский издатель одной ежедневной англоязычной газеты в Токио высказал мнение, что для неапонца необязательно читать японоязычные газеты, так как издающиеся в Японии газеты на английском языке в достаточной степени обеспечивают его необходимой информацией. «Значительная часть того, что печатается в отечественной прессе,— писал он,— не вызывает никакого интереса у иностранного читателя. Мы представляем иностранцу, как мне кажется, довольно точную картину японской жизни». Однако это неверно, ибо весь материал, публикуемый в его газете, тщательно отбирается, и откуда ему знать, что для иностранца представляет интерес, а что нет.

Этот пример говорит о том, что Япония хотела бы,

чтобы ее видели лишь в том свете, в каком она сама себя подает, а не такой, какая она есть на самом деле или какой ее мог бы увидеть иностранец, будь на то его собственная воля и возможности. В принципе иностранцу не отказывают в свободе видеть, но он полностью лишен ее, пока ему не удастся преодолеть трудный барьер, каким является японский язык. Япония прилагает в последние годы много усилий, чтобы поражать мир не только материальными, но и духовными богатствами, и делает в этом отношении больше, чем многие другие страны. Так, немало сил и средств она тратит на то, чтобы как можно шире распространять свой язык за границы. Сегодня владеющий японским иностранец — не такая уж редкость, как, например, 20 или 25 лет назад. Но тем не менее внимательный наблюдатель не может полностью избавиться от впечатления, что Япония оградила себя бамбуковым занавесом, с одной стороны, достаточно эластичным, чтобы сохранять контакт с окружающим миром, а с другой — довольно непроницаемым, чтобы удерживать этот мир на расстоянии. Происходит ли это всегда сознательно или неосознанно — другой вопрос.

Япония, бесспорно, открыта для контактов со многими странами. Вряд ли найдется еще государство, которое без внешнего давления (о внутренней необходимости пока речь не идет) переняло столько культурных ценностей извне. И тем не менее возникает вопрос, не предпочитает ли она вопреки заверениям в обратном оставаться в «одиночестве», не влюблена ли в свою изоляцию, не играет ли роль непонятой, стоя в позе некоторого самодовольства. Сказанное относится скорее к духовной, чем к материальной сфере. В последней Япония в наши дни не может быть изолированной: без преуспевающей международной торговли ей не прожить.

Почему, однако, Япония, несмотря ни на что, продолжает столь во многом изолироваться от остального мира? Почему она все снова и снова выпячивает свою «исключительность» и так настойчиво подчеркивает свою «непохожесть на других»? Вряд ли найдется такой глупец, который откажет японскому народу в собственном образе мышления и возьмется оспаривать особенности его национального характера. Зачем же эти порой прямо-таки судорожные усилия, направленные на возведение между собой и «остальным миром» барьеров? Не

претендует ли Япония на особое положение по той причине, что еще не нашла своего места в семье народов мира, или потому, что ей было отказано в нем? Какую позицию она сама занимает по этому вопросу? Не страдает ли экономический гигант от того, что его признают лишь гигантом в области экономики? Может быть, он претендует на большее? Задевает ли его, что его гигантизм вызывает зависть, и он вынужден поэтому выслушивать от своих политических партнеров, являющихся одновременно его экономическими конкурентами, немало упреков и оскорблений? А может быть, японский народ, постоянно оглядывавшийся за последние сто лет на Европу и Соединенные Штаты, потерял родную почву под ногами, не в силах больше выносить «двойную жизнь» — азиатскую, с одной стороны, и европейско-американскую — с другой. Так что самопознание и поиск собственной самобытности как бы вытекают из естественного инстинкта самосохранения.

Эти и многие другие вопросы требуют ответов, найти которые довольно сложно. Возможно, кое-кто найдет очень простое объяснение феномену под названием «дискуссия о японце», сведя его к проявлению чувства национализма, а саму «дискуссию» — как склонность к агрессивному поведению. Подобные упрощенные взгляды для многих неизбежны, но они неприемлемы, если истекают из духовной инертности. В любом случае слишком настойчивый упор на национальное своеобразие почти всегда расценивается как признак национализма.

Остановимся на другой мысли. Не является ли то, что изображается как возвращение к утраченной самобытности, не чем иным, как началом процесса слияния и ассимиляции, происходящего таким образом, что интенсивное сосредоточение на самих себе и осознание заново традиционных систем и ценностей станет надежным исходным базисом для того, чтобы чужое продуманнее и эффективнее интегрировать в свое собственное? Следовало бы посмотреть, а не происходили ли в японской истории подобные явления и прежде.

В истории японской культуры эпоха, начавшаяся примерно в конце IX века, названа поздним периодом Хэйан. До нее в течение нескольких столетий культурная жизнь Японии находилась под влиянием Азиатского материка, а точнее, Китая и Кореи. Образ жизни, поли-

тическое мышление, как и все остальное, строились по китайско-корейскому образцу. Экономика и культура Китая тех лет находились на более высокой, чем на Японских островах, стадии развития. Когда же в начале X века огромная империя китайской династии Тан развалилась, существовавшие до того времени тесные связи между Японией и Китаем ослабли, и затем потребовался довольно длительный период, чтобы они почти полностью распались. Потом Япония занялась интенсивным усвоением всего, что она переняла, и его усовершенствованием. Произошла эмансипация Японии, следствием чего было создание национальной духовной и материальной культуры. Появились собственные японские письменные знаки, и уже в X и начале XI века самобытная японская литература достигла своего, как считают некоторые авторы, наивысшего расцвета.

Хотя приток духовных ценностей с Азиатского материка в XII, XIII и в последующие столетия прекратился не полностью, он был направлен в определенное русло, а заимствованное было относительно быстро интегрировано в уже имеющееся собственное. С начала XVII и до середины XIX века наступила почти полная изоляция страны от внешнего мира. Тогда-то Япония могла без помех заниматься собой и культивировать собственное. Когда же она, наконец, вынуждена была отказаться от самовольной изоляции, то оказалась (довольно неожиданно для нее самой) в состоянии конфронтации с быстро развивающимися экспансионистскими капиталистическими странами, от которых она во многом отставала. И Япония вновь стала учиться, заимствовать, копировать.

А что происходит столетие спустя? Может быть, для Японии наступил новый «период Хэйан», когда после заимствования пришло время активного освоения? Этот вопрос, поднятый многими упомянутыми книгами, а также заданный мной во время публичной лекции, прочитанной в одном из японских университетов в начале семидесятых годов, вызвал, к моему удивлению, довольно бурную дискуссию. Но и эта дискуссия не дала убедительных ответов. В Японии не любят расходиться, не сказав примирительного слова. «Не принимайте все эти книги всерьез,— сказал мне в утешение почтенный, покрытый сединами, профессор.— Мало ли о чем пишут в Японии». Однако для меня это не было аргументом.

Внешне японский образ жизни зачастую представляется конгломератом азиатского и европейско-американского, а ее культура — амальгамой азиатской и европейско-американской культуры. Могло ли из этой нестойкой смеси получиться нечто единое? Ведь убедительным примером подобного служит «период Хэйан», правда, в японской истории имеются и противоположные примеры.

Новое рождается в борьбе со старым. Старое постепенно отмирает. В конце концов оно исчезает или сохраняется, поддерживаемое искусственно. Это подтверждается опытом развития всего человечества. Но насколько это верно для Японии?

В VIII веке основным жанром в японской поэзии была танка — нерифмованное пятистишие из 31 слога; в XVII веке возник новый жанр — хайку, нерифмованное трехстишие из 17 слогов; в конце XIX века под влиянием европейской поэзии появились белые стихи. Однако и танка, и хайку продолжали существовать и до сегодняшнего дня остались продуктивной формой поэтического творчества. Их регулярно помещают даже ежедневные газеты. Сочинение стихов по классическим канонам поэзии в современной Японии — излюбленное времяпрепровождение японцев. В 1979 году выпускалась примерно тысяча периодических изданий, предназначенных специально для публикаций хайку, а от 300 до 500 тысяч японцев считали себя поэтами, пишущими в жанре хайку.

В XIV—XV веках в Японии складывалось первое сценическое искусство, воплотившееся в театре ноо. В XVI веке к нему присоединился японский кукольный театр (дзёрури), а в XVII — народный театр кабуки. К началу XX века в Японию проник европейский драматический театр, однако ни ноо, ни кабуки, ни дзёрури не сошли со сцены. Они продолжают жить и даже не нуждаются в искусственной поддержке.

В конце прошлого столетия началась индустриализация страны, а к началу XX века появилась тяжелая индустрия. Она становилась все более мощной, однако не разрушила мелкое, базирующееся на ремесленном труде производство, а включила его в новую индустриальную структуру. «Двойная структура» стала характерной чертой японского капитализма.

Одновременно с возникновением нового продолжало

жить старое. Можно было бы привести бесчисленное множество примеров из любых сфер японской жизни — политики, жилья, моды, культуры питания и другого. Готовность повернуться лицом к новому отнюдь не означала отказ от старого, и порой предпочтение отдается новому перед старым, а порой наоборот.

«Новой» с середины прошлого столетия была европейская культура в самом широком смысле, в том числе в ее североамериканском варианте. Однако Япония — или, точнее, 99,9 процента японцев — знакомились с этой культурой лишь внешне, как с чем-то выраженным только в литературных произведениях и в предметах материальной культуры. Они признали превосходство этой культуры и пытались ее копировать, не впитав ее целиком. Европейскую культуру в Японии идеализировали, «белый человек» был там возведен в идола. Иностранец, путешествующий по крупным японским городам, не перестает удивляться многочисленным плакатам с изображением европейцев, а также тому, что у манекенов в витринах магазинов североамериканский тип лица. Вся эта реклама предназначена для японской публики и чаще всего она популяризирует японские товары.

«Clean up Japan!» («Соблюдайте чистоту в Японии!») — так на чистом английском языке звучал в конце 1979 года призыв участвовать в кампании по уборке улиц. Группа благообразных европейских джентльменов во фраках и цилиндрах и несколько высокомерная, экстравагантная европейка помещены на тысячах плакатов, чтобы привлечь внимание к надписи «Clean up Japan!»

Еще в конце второй мировой войны, до массового увлечения туризмом, число посетивших Европу японцев было незначительным. Некоторые из них, преисполненные перед отправкой в далекий путь восторженных чувств, возвращались глубоко разочарованными. Они не делали из этого тайны, и многие поделились своими впечатлениями в выпущенных ими книгах. Таковыми были известный писатель Кафу Нагаи, путешествовавший по Европе на рубеже XX века, Риити Иокомицу, повторивший путь своего собрата по перу около трех десятилетий спустя. Однако то, что тогда было лишь единичными случаями, сегодня стало массовым явлением. И оказывается, сегодняшняя Япония вовсе не «конгломерат Востока и Запада», как представляется некоторым на первый взгляд. Кажущийся конгломерат скорее лишь

сосуществование, ибо между двумя культурами лежит, как и прежде, глубокая пропасть. Сначала Япония воспринимала Европу и Америку как что-то новое, ей незнакомое, теперь она отворачивается от них и мечтает найти нечто противоположное Западу. И это не что иное, как Азия в широком смысле, а в более узком — Япония.

И тем не менее интерес к европейскому и вообще к «иностранному» в Японии не угасает. Где еще в мире, кроме Японии, пользуются таким большим успехом лейпцигский Гевандхаус-оркестр, Дрезденская галерея, Берлинская государственная опера? Где еще тысячи людей часами терпеливо стоят в очереди, чтобы увидеть хоть раз в жизни в оригинале «Мону Лизу» или другие произведения европейского изобразительного искусства?

Старое и новое, «японское» и «европейско-американское» сосуществуют вместе, не сливаясь, чаще всего мирно, а если между ними и возникнет конфликт, то он не превращается в безжалостную войну. Так, в Японии появилось многообразие внутреннего и внешнего уклада жизни, которое, возможно, представляет собой единственное в своем роде явление среди всех народов Земли.

Если кто-нибудь хочет жить в Японии по «японскому» образцу — пожалуйста. Если желает жить по «европейскому» или «американскому» образцу — тоже пожалуйста. Он может спать на «нормальной» кровати, если считает, что постланное на полу японское спальное ложе неудобно. Хочешь пользоваться во время еды ножом и вилкой вместо палочек — изволь. К услугам любителей кофе — несколько тысяч небольших кафе, или «кофешоп», как их называют сегодня молодые японцы. Желает выпить виски вместо саке, съесть мясо вместо рыбы, картофель вместо риса — пожалуйста. И этот список можно было бы продолжать до бесконечности.

Если тебе захотелось принять ванну по-японски (японцы, как правило, купаются перед сном ежедневно, что отнюдь не связано с их особой чистоплотностью), ты должен быть готов лишь к тому, что вода для купания будет более горячей, чем тебе хотелось бы. Кроме того, нужно вымыться с мылом, прежде чем влезть в деревянный (ныне чаще всего облицованный кафелем) чан с водой. Перед тобой в этом чане побывали (в той же воде) другие — к этому надо привыкнуть. В сельской местности купание может превратиться в риско-

ванное предприятие, ибо там для этого используются металлические котлы. Даже если огонь под котлом уже не похнет, прикосновение к его стенкам, а особенно к дну, может вызвать ожог. Обычно в таком котле плавают несколько досок, которые нужно умело расположить между собой и дном, иначе купание превратится в пытку. Недаром оно называется «гоэмонбуро» (в конце XVI века прославленный разбойник Гоэмон Исикава был приговорен к смерти и брошен именно в такой котел, где он и «сварился»). А кто не признает купание по-японски, может ограничиться душем или ванной, хотя японец считает не очень гигиеничным сидеть или лежать в воде, в которой намыливаешься. И если кому понадобится европейский туалет, то и они имеются в крупных городах и даже в суперэкспрессе «Синкансэн».

В деревне европеец скорее всего вынужден будет отказаться от кровати, ножа и вилки, кофе и т. п. Однако в принципе в Японии всегда держат наготове и то, и другое, и третье, и четвертое. В японском обществе в целом такие возможности имеются. Но имеются ли они у каждого отдельного японца, весьма сомнительно.

Японцы другие, говорят иностранцы, и в этом они наверняка правы, хотя, когда их просят объяснить, почему японцы другие, они ничего вразумительного сказать не могут. Японцы тоже говорят, что они другие, не такие, как иностранцы. Здесь лишь перестановка слов, и потому это должно соответствовать истине. Но бывает, что один японец говорит о другом японце: «Этот уж слишком японец!» Именно подобные высказывания дают нам повод думать, как неразумно и опасно судить о японце или о Японии слишком обобщенно. Это фикция. И то, что называют «нихондзинрон» — «дискуссией о японце», с одной стороны, опирается на нее, а с другой — ее питает. Вытекающие из этой фикции стереотипы кажутся не менее надуманными в глазах Европы и Америки, имеющими цель подтвердить прежде всего свое отличие от других и представить самих себя как особый, ни на кого не похожий мир. Европа и США в течение десятилетий до пресыщения и смехотворности превозносили японскую экзотику. При более близком ознакомлении кое-какая экзотика оказалась вовсе не такой уж экзотической. Теперь создается впечатление, что Япония сама до пресыщения и смехотворности эксплуатирует свою экзотику.

То, что в Японии поистине все по-иному, европеец или американец должен принять как должное. Поставить себя на место японца он все равно не сможет, так как слишком «дорай» (то есть «dry» — «сух», «бесчувствен»), — так считают японцы. Но ведь не все же жители наших широт бесчувственны и сухи. Скорее мы склонны рассматривать проявление чувств как сугубо личное дело. Неконтролируемое разумом поведение в общественных местах у нас не поощряется. Японцы, напротив, не боятся показывать свои чувства, быстрее поддаются им, что часто воспринимается как сентиментальность. В странном противоречии с этим эмоциональность в личной сфере в Японии скрывается. Крепкое рукопожатие друзей, сердечные объятия родителей и детей, поцелуи супругов и влюбленных могут смутить тех, кто это наблюдает. Поцелуи между молодыми людьми на глазах у публики, даже гулянье в обнимку часто воспринимаются как проявление безнравственности. Таким образом, там, где европеец готов показывать свои чувства, японец их скрывает, и наоборот. Сдержанность в сфере личных отношений, которая восходит к традиционному моральному кодексу, может сбить европейца с толку, так как он считает, что за готовыми предписаниями не видно человеческого тепла, ибо ему трудно понять нюансы, тонкие намеки, чего хотели бы японцы и без чего европейца они сочтут за «дорай». Кстати, европейцы и японцы толкуют «дорай» по-разному. Но логичное объяснение этого термина европейцем ничего не дает, ибо в глазах японца он все равно останется «дорай». Вот она — бессмыслица стереотипа!

«Вскоре после моего прибытия в Америку,— пишет японский психиатр Такэо Дой,— я при посредничестве японского знакомого посетил американца в его доме. Во время беседы хозяин спросил меня: „Вы, наверное, проголодались? Если хотите, могу предложить мороженое“.

Помню, я был очень голоден, однако, когда человек, которого я видел впервые в жизни, напрямик спросил меня об этом, я не мог заставить себя признаться, что действительно не прочь поесть, и ответил отрицательно. Но в душе я все же надеялся, что мой гостеприимный хозяин еще раз обратится ко мне с тем же вопросом и будет меня уговаривать, но, к моему большому разочарованию, он лишь сказал: „Ну ладно, не буду настаивать“, и тем самым заставил меня сожалеть о том, что,

отказываясь от угощения, я не был откровенен. Тогда же я подумал, что японец наверняка не стал бы спрашивать иностранца, проголодался ли он, а просто угостил бы его».

После нескольких подобных случаев и размышлений над ними психиатр вспомнил японский глагол «амаэру». Он превращает его в имя существительное «амаэ», которое должно вместить в себя все, что составляет отличие «японца», выделяет его среди других народов, что является основой совместной жизни в семье, в группе и в обществе в целом. Для «амаэру» нет эквивалента в другом языке, считает психиатр. И, возможно, он прав. В словарях этот термин толкуется как «попытаться расположить кого-либо к себе лестью», «подластиться», «прильнуть к кому-нибудь» или несколько вульгарно: «кого-либо умаслить», но такой перевод не раскрывает истинного смысла слова. Наш психиатр предпочтет толковать его как «пассивно любить». Возможно, «амаэру» следовало бы определить так: «дать кому-либо понять, что ты чувствуешь себя зависимым от него и ждешь его расположения к себе и покровительства».

«Амаэ-но кодзо» назвал доктор Такэо Дой свою книгу, вышедшую в 1971 году и тотчас же ставшую бестселлером. Английский переводчик очень удачно перевел заглавие книги: «Anatomy of Dependence» («Анатомия зависимости»). При этом зависимость возникает с обоюдного согласия. Кто-то добровольно, руководствуясь больше эмоциями, чем логикой, становится в зависимость от кого-то, тем самым выражая свое доверие к нему, а взамен рассчитывает получить защиту и также доверие.

«Таному» означает «просить», «опираться», «доверять», «возлагать надежды». В европейских языках нет слова, которое раскрыло бы все значения японского «таному», а также и такого, которое соответствовало бы «амаэру», как содержащему «пассивное» доказательство любви и доверия. Если ты не способен поставить себя на место другого человека, предугадывать его желания и чувства, не ожидая, пока он их выразит сам, не способен понимать немного разговора, бессловесного обмена мыслями, ты — «дорай» — черствый, бесчувственный человек.

Дзюнъитиро Танидзаки, один из крупнейших писателей-романистов японской литературы нашего времени,

опубликовал в 1934 году книгу под названием «Руководство к стилистике». «Национальный язык,— писал он,— нерасторжимо связан с характером народа. Если же японский язык беден словами, то это ни в коем случае не означает, что наша культура уступает западной и китайской. Это служит лишь доказательством того, что ораторское искусство не соответствует нашему национальному характеру... Древний Китай и Европа славились замечательными ораторами, в японской истории таковых не было. У нас испокон веков к красноречивым людям относились скорее с презрением... Это означает, что мы не полагаемся, как китайцы и европейцы, на всемогущество слова и не верим в действенность речей... У нас имеется слово „харагэй“, неизвестное даже китайцам». (Слово «харагэй» пишется при помощи китайских иероглифов со значением «живот» и «искусство», поэтому Танидзаки ссылается на китайцев.— Ю. Б.) «Искусство живота» может навести на разные мысли. Действительно, в некоторых текстах можно встретить «харагэй» в значении «акробатика живота», однако истинный смысл этого слова подразумевает глубоко прочувствованную, проникновенную игру на театральной сцене, а также молчаливое воздействие одного человека на другого и тем самым бессловесное общение между ними.

«Кроме того,— продолжает Танидзаки,— у нас имеются выражения „исин дэнсин“ — „то, что лежит у тебя на душе, сообщить душе другого“, не прибегая к словам и тем самым к рассудку, и „кантан айтэрасу“ — „взаимное сообщение самого сокровенного“ (то есть бессловесно довериться друг другу). Поскольку душа правдива, то и молчание само по себе передается другому, и мы твердо убеждены в том, что такое молчаливое понимание ценнее миллионов слов».

Сказанное, безусловно, личное мнение не только писателя Дзюньбитиро Танидзаки, но и многих, если не большинства, японцев. Разумеется, во всем этом много неясного, но таков японский образ мысли. Значит ли это, что для того, кто шел другим культурно-историческим путем, «исин дэнсин» — молчаливое общение сердец, молчание, которое дороже миллиона слов, недоступно, и потому дорога к внутрияпонскому процессу коммуникации для него закрыта? Итак, мы вновь пришли к «гайдзину» — «чужестранцу», постороннему, к японской

«исключительности» и культу, который Япония подчас возводит сама себе.

Откровенно говоря, бывает досадно, когда порой приходится слышать от японцев: «Вы нас все равно не понимаете!» Или вопрос: «Разве вы можете понять японскую литературу?» Когда же задаешь встречный вопрос: «А вы понимаете немецкую литературу?», то слышишь чаще всего весьма самоуверенный ответ: «Разумеется!» — «А почему это само собой разумеется?» — «Потому, что мы изучаем ее уже больше ста лет». Это звучит не очень убедительно, хотя и приходится признать, что в Японии знают о мире, и в первую очередь о Европе, больше, чем мир о Японии, а, как известно, именно знание является важнейшей предпосылкой для понимания. Но как раз потому, что в Японии есть знание и, вероятно, понимание, задаешься вопросом, почему она все-таки так склонна рассматривать себя как необыкновенное явление в мировой истории и как мир в себе, почему она столь много и глубоко занимается собой и считает себя недоступной для посторонних влияний, почему она проявляет такое нежелание быть понятой.

Если кто-либо, потратив массу усилий, не одолеет «нихондзинрон» — «дискуссию о японце», то утешение для себя он найдет в чтении «Манъёсю» — древнейшей антологии, восходящей к середине VIII века и включающей около пяти тысяч стихов¹, созданных более чем за три столетия. В нем он прочитает, как принц Итихара жалуется на то, что он единственный ребенок в семье:

Даже безмолвные
деревья имеют
сестру и брата,
однако я остался без спутника.
Как это горько и печально.

Или застольную песню поэта Отомо-но-Табито:

Вместо полчеловека,
во всем несовершенного,

¹ «Манъёсю» («Собрание мириад листьев») — первый письменный памятник японской поэзии, в котором собраны 4516 песен и стихотворений, датированных IV—VIII вв. В антологии представлено более 500 авторов, она состоит из 30 книг. Основным составителем памятника считается Отомо Якамоти. В нашей стране выпущено три тома памятника в переводе А. Е. Глускиной [см.: «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), М., т. 1—2, 1971, т. 3, 1973].

я предпочел бы быть винной бочкой
и пропитаться вином.

Или признание неизвестной девушки:

Хотя мы и спим только
на тонкой соломенной татами,
если я, возлюбленный мой, сплю с тобой,
я не ощущаю холода.

Найдет он утешение и в чтении другой антологии, «Кокинвакасю»², появившейся в начале X века. В ней есть такие строки:

Наконец мы
в эту ночь сошлись.
Только бы петух
в этой единственной для нас ночи
не закукарекал рано поутру.

Или:

Отрекшись от мира,
ты сбежал в горы.
Если тебя и в горах настигнет уныние,
куда ты тогда отправишь свои стопы?

Он может полистать произведения не только тысячеконечной давности, но и более поздние, например сборник любовной лирики «Спутанные волосы», опубликованный в 1901 году 23-летней поэтессой Акико Ёсано, писавшей в жанре танка. Там встречаются строки:

Нежной кожи,
по которой течет горячая кровь,
ты никогда не коснулся.
Как ты можешь
постоянно говорить о морали?

Или:

Мое сердце наподобие нарастающего прилива,
горящий дом.
Мне не удастся
укротить свою любовь.

А также стихи лирика Сунтаро Таникава, в частности его стихотворение «Пикник для земного шара», написанное в 1955 году:

² «Кокинвакасю» («Собрание старых и новых японских песен»). Антология поэзии составлена в начале X в. Ки-но Цураюки и тремя другими поэтами. Состоит из 20 книг, включающих 1100 стихотворений.

Здесь позволь нам прыгать через веревку, здесь.
Здесь позволь нам съесть рисовые клецки.
Здесь позволь мне тебя любить,
Твои глаза отражают небесную синеву,
твоя спина окрасится полынью.
Здесь позволь нам разгадать созвездий имена.

И последняя строфа:

Здесь я хочу сказать: «Я опять пришел!»
И я всегда вернусь,
пока ты будешь говорить: «Добро пожаловать!»
Здесь мы будем пить горячий чай.
Пусть нас обласкает прохладный ветерок,
пока мы здесь немного отдохнем.

Когда он прочитает все это и еще немало подобного,
то наконец поймет, что в Японии многое устроено иначе,
чем на других широтах, многое, но далеко не все.

ЕЩЕ РАЗ О СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ

В радости есть семя печали, в печали — семя радости.

* * *

Жизнь есть жизнь — все равно, веселишься ты или плачешь.

Японские пословицы

Самоубийство его не произвело сенсацию, а скорее вызвало недоумение. 72-летний Ясунари Кавабата покончил с собой не по древнеяпонскому воинскому обычаю, то есть с помощью меча, а современным способом: открыл газовый кран. По поводу мотивов этого поступка кое-кто высказывал самые смелые догадки, за что одни вынуждены были уплатить по решению суда денежный штраф, а другие — принести публичные извинения. Но оставим эти догадки, ибо они затрагивают сугубо личное, которое никого не должно касаться. Что до меня, то я знаком с версией, о которой, насколько мне известно, нигде нельзя было прочитать. О ней мне поведал уже упомянутый буддийский священнослужитель, в келье которого я пережил мучительные мгновения, когда во время сидения по-японски у меня отнимались ноги. Он хорошо знал Ясунари Кавабата — первого и до сих пор единственного японского лауреата Нобелевской премии в области литературы.

На дворе март, трава еще по-зимнему вялая. Я нахожусь на большом, но строгом кладбище, расположенном на пути между Камакурой и Иокогамой, на месте, вероятно, совсем недавно выровненных холмов. Несколько низкорослых вечнозеленых кустарников вносят некоторое оживление в преобладающие вокруг печальные коричневато-серые краски. Все могилы похожи, все безлики, от всех веет холодом. Каждая обрамлена бело-серыми каменными плитами, образующими четырехугольник, заполненный крупной темной галькой. В центре ве-

личиной немногим меньше человеческого роста установлено изображение индийской ступы — атрибута буддийского погребального культа, а за ней ребристая трехступенчатая мраморная плита. На одной из таких скромных тусклых плит в конце длинного ряда могил можно прочитать «Могила семьи Кавабата». Более — ни слова.

На расстоянии лишь нескольких десятков километров от этой могилы, на побережье Тихого океана, расположен одиннадцатизэтажный отель «Дзуси Марина», выкрашенный в голубой и белый цвета, а рядом с ним — ресторан с плоской крышей, где посетителю пытаются воссоздать картину морского пиратства. Территория ресторана окружена взлохмаченными пальмами. Тот, кто осмелился так изуродовать прекрасный ландшафт, должен понести наказание! В этом уродливом отеле «Дзуси Марина» с его атмосферой дешевой имитации Гавайских островов, уединялся Кавабата, когда ему хотелось спокойно поработать, и здесь 16 апреля 1972 года (спустя четыре года после вручения ему Нобелевской премии) он решил свести счеты с жизнью.

Дрожа от холода, в вечерних сумерках стоит одинокий посетитель мрачного кладбища и мыслями возвращается к своей первой, состоявшейся много лет назад встрече с Кавабатой, к роману «Тысяча журавлей», припоминая простодушную радость, испытанную им, когда произведение это впервые раскрыло ему красоту японского языка, те недоумение, тоску и даже крайнее удивление, вызванные у него содержанием и формой произведения. Кое-что из упомянутых впечатлений со временем сгладилось, однако осталось смутное чувство невозможности полностью постичь творение Кавабаты, его тихую печаль, готовность к самопожертвованию, болезненную тоску по прекрасному, его вечные поиски. «Я не могу избавиться от мысли, что являюсь меланхолическим странником в этом мире, — писал Кавабата в своей ранней автобиографии. — Я будто бы постоянно нахожусь в мире грёз, и все же мне не удается полностью погрузиться в них. Я бодрствую и сплю одновременно». Поэтому большинство его произведений и представляют собой грёзы наяву. Оторванные от конкретного историко-социального фона, они ограничиваются «внутренним миром человека». Их лейтмотивы — безродность, одиночество, тленность. Все это соответствовало его сути: он не любил публичности, неизменно оставался замкнутым,

а его большие умные глаза всегда смотрели на мир несколько застенчиво, растерянно и вопросительно.

Посетитель возвращается мыслями к речи Кавабаты, произнесенной им во время вручения ему Нобелевской премии в Стокгольме, к безудержному восхвалению им «прекрасной Японии». Не было ли это лишь данью европейским слушателям? Почему Кавабата отнес себя тогда к традиционному, восходящему к X веку направлению в японской литературе и ни словом не обмолвился о тех, кому был обязан: Джеймсе Джойсе и Марселе Прусте, Вирджинии Вулф и Э. М. Форстере. На подобные вопросы посетителя скромной могилы натолкнул визит, сделанный им за несколько часов до прихода на кладбище, в мастерскую художника Ятаро Ногути, где он любовался еще не совсем законченной крупноформатной картиной, написанной масляными красками.

Это была не первая моя встреча с живописными полотнами мастера, но прежде мне казалось, что подобным образом могли бы писать маслом некоторые европейские художники, тем более что Ногути, как и многие другие японские художники, несколько лет жил и учился в Европе. Однако чью манеру напоминает мне новая картина семидесятилетнего художника? Это оригинальное наложение красок, этот декор, вся композиция? Несомненно, Огата Корина¹. Перед моим мысленным взором предстал всемирно известный шедевр этого мастера: пара двустворчатых ширм с цветущими ирисами на золотом фоне. Я увидел нежную гамму всех оттенков синего цвета ирисов. К имени Корина тотчас присоединилось имя его брата Огата Кэндзана (1664—1743). Оба они представляют искусство нарождавшейся буржуазии в так называемый период Гэнроку (1668—1703), когда наивысшего расцвета достигла городская культура. Оба брата воплощают в своем творчестве типично японские черты искусства.

Для таких художников, как Ятаро Ногути, Ясунари Кавабата и многих других, в их молодые годы европейское, «западное», искусство казалось откровенным. Они находились под сильным его влиянием, мечтали, вероятно, о синтезе «Восток — Запад». Что же произошло позднее, когда они достигли более зрелого возраста? Раз-

¹ Огата Корин — (1658—1716) — японский живописец и мастер лаковой живописи. Основоположник японской школы декоративной живописи.

ве они не вернулись к культурным ценностям и традициям своей родной страны?

«Моя поэзия» — так озаглавил поэт и скульптор Котаро Такамура (1883—1956) одно из своих стихотворений 1950 года. Оно начинается следующими строками:

Мои песни не являются частью поэзии Европы.
Тангенсы соединяют оба эти круга,
однако они полностью никогда не совпадут.
Я искренне люблю мир европейской поэзии.
И все же я не отрицаю, что моя поэзия покоится
на другой основе.

Не выражается ли в этих строках та важнейшая идея, о которой шла речь в предшествующей главе? Часто говорят о «европеизации» или «американизации» Японии, о «влиянии Запада» на японскую жизнь и японскую культуру. С некоторыми высказываниями можно и согласиться, но многое, что относят к определению «западное влияние», представляет собой чисто внешний атрибут, который иногда хоть и удивляет, но мало о чем говорит. (Имеются в виду, например, манекены с европейскими лицами в секциях дамской одежды, молодые японки, делающие операцию по удалению азиатской складки на веках или красящие свои красивые черные волосы в каштановый цвет, и многое другое.) Все это сводится к тому же, исходному вопросу: не обладает ли собственное, традиционное, столетиями развивавшееся в относительной изоляции более определяющими чертами, чем то, что перенималось и копировалось?

Однако вернемся к могиле писателя, покончившего с собой. Невольно с именем Кавабаты приходят на ум другие имена, например Юкио Мисимы, которому Кавабата одно время покровительствовал, Тамики Хары — поэта из Хиросимы, Осаму Дадзай, принадлежавшего к поколению, которое считало себя погибшим, после того как оно в тридцатые годы и во время второй мировой войны испытало жестокие гонения и в сумятице первых послевоенных лет не в состоянии было открыть для себя новые ценности. Дадзай утопился в 1948 году вместе со своей возлюбленной в маленькой речке близ Токио. Новеллист Рюноске Акутагава сломался от неверия в самого себя и покончил с собой в 1927 году, приняв смертельную дозу снотворного; Такэо Арисима — аристократ, признавший социализм как историческую необходимость, но не нашедший места в борьбе за новый обще-

ственный строй, свел счеты с жизнью в 1923 году; Бимё Ямада ежедневно наблюдал нищету простого народа и сам постоянно испытывал страшную нужду, из которой он не нашел иного выхода, как положить конец своему существованию; молодой поэт романтик Тококу Китамура был преисполнен высоких гуманистических идеалов, но, когда новая Япония нанесла в 1894 году свой первый военный удар по Китаю, мир для него рухнул. Я назвал не всех добровольно ушедших из жизни писателей, а только самых известных. Все они, за исключением Кавабаты, кончали с собой отнюдь не в старости, а в расцвете творческих сил.

От писателей мысль моя перекинулась на довольно многочисленные, но в большинстве случаев краткие сообщения в газетах или по телевидению об очередном «икка синдзю» — «семейном самоубийстве» (а их ежегодно совершается в среднем до 400), когда родители лишают жизни сначала своих детей, а затем и себя. Вспомнились те более 5 тысяч юных летчиков-камикадзе, которые в последние месяцы второй мировой войны садились в боевые машины, отчетливо сознавая, что живыми на землю не вернуться, так как обязаны были обрушиваться на самолеты врага; генерал Ноги и его жена, покончившие с собой в знак верности своему императору, умершему в 1912 году; 47 вассалов князя Асано, история которых очень часто изображалась в литературе, на театральных подмостках и в кино, а раньше описывалась в школьных учебниках как пример высшей лояльности, так что в Японии нет человека, не знающего их. Князь Асано подвергся во дворце сёгуна из дома Токугава оскорблению со стороны придворного. В ответ на это он обнажил свой меч и ранил обидчика. За подобный поступок могло последовать лишь одно наказание: князь Асано обязан был совершить ритуальное самоубийство — харакири. В течение многих лет его 47 вассалов помышляли о мести за смерть своего суверена. В 1703 году им это наконец удалось, после чего они все покончили с собой. Что это, исполнение долга до полного самопожертвования?

Вспоминая всех этих людей, добровольно лишившихся жизни, я подумал о том, что в некоторых странах полагают, будто японцы менее трагически относятся к смерти, чем другие народы, и потому легче умирают. Это заблуждение, ибо, во-первых, число самоубийств в Япо-

нии в наше время отнюдь не выше, чем в других высокоразвитых индустриальных странах. В 1975 году в Японии наложили на себя руки около 20 тысяч человек, в 1977 году — примерно столько же. С учетом численности населения страны это значительно меньше, чем, например, в Дании и в ФРГ.

Вероятно, впечатление особой легкости расставания японца с жизнью основано на том, что самоубийство в Японии не держится втайне, о нем тут же информируют общественность. А для самоубийства вдвоем влюбленные нередко выбирают особой, трагической красоты ландшафт: крутой утес, с которого они бросаются, кратер вулкана, куда прыгают, придавая тем самым своим последним минутам оттенок театральности и романтики и давая средствам массовой информации обильный материал.

Во-вторых, очень легко объяснить самоубийство летчиков-камикадзе. Упомянутые молодые люди не только становились жертвами определенной системы воспитания, но и часто подвергались таким страшным физическим пыткам, что посадку в самолет, у которого было изъято устройство для приземления, они воспринимали как избавление от мук.

И, в-третьих, японец, сознает он это или нет, постоянно живет в сильнейшем психическом и умственном напряжении. О стрессовых ситуациях в сфере культуры уже шла речь, о других источниках напряженности мы еще будем говорить. Отдельные люди, очевидно, могут к ней приспособиться, но большинство все же не в состоянии. Жернова сильнее всего перемалывают того, кто противится их ходу, пытается оказать им сопротивление. Деятель культуры в своем творчестве, возможно, чаще других вынужден вступать с ними в противоборство, однако если он, сломленный конфликтами и стрессами, решает положить конец своей жизни, то в глазах общественности это расценивается как событие, более трагичное, чем личная катастрофа.

Вообще общественность в Японии проявляет в подобных ситуациях значительно более горячее участие, чем в других странах, что и способствует утверждению мысли о легком расставании японца с жизнью.

У японца, возразит кое-кто, все же иные представления о смерти, о «мире ином», о потусторонности. Разумеется, ведь у него нет в прошлом почти двухтысячелет-

ней истории христианского вероучения. Но представление о «мире ином» у него наверняка есть, ибо, рассматривая мир с материалистических или с идеалистических позиций, вопрос смерти не обойти. Каковы же эти представления у японцев? Ответ на подобный вопрос весьма сложен, поскольку в ходе японской истории религиозные и этические учения (буддизм из Индии, даосизм и конфуцианство из Китая и в более поздний период христианство из Европы), проникая в Японию, изменяли мир представлений ее народа, поэтому нельзя говорить о чисто японской вере. А если и говорить о ней, то лучше обратиться к народным верованиям, к древнейшим литературным источникам, в которых отразились эти верования, к поверьям, сохранившимся в отдаленных сельских местностях и рыбацких поселках, особенно на уединенных островах, до сегодняшнего дня.

Не вдаваясь в подробности, отмечу, что, согласно этим поверьям, земной и загробный миры образуют единое целое. Загробный мир является зеркальным отражением земного. Между ними не существует четкого раздела. В определенные дни — осенью, после снятия урожая, и в новогодний праздник — умершие приходят из загробного мира в гости, чтобы удостовериться в благополучной жизни людей земного мира. Умершие покровительствуют живым. Потусторонний мир — это не мир тьмы и не мир, требующий искупления грехов, пока не появится спаситель. Смерть рассматривается как естественный переход из одного мира в другой. Она не олицетворяет собой ужас, и человеческий скелет с косой не символизирует ее.

При всей значительности иностранного влияния глубокая убежденность в истинности народного поверья еще и сегодня в немалой степени определяет духовный мир японца и, несомненно, скорее неосознанно, чем сознательно, формирует его отношение к феномену под названием смерть. Но, если даже японский мир фантазии не породил таких внушающих ужас отвратительных привидений, какие породила европейская культура, это еще не означает, что японцу легче умереть или что смерть близкого человека воспринимается им не так трагически, как нами. Другой вопрос, одинаковы ли формы выражения страдания у японцев и у нас.

Некоторые говорят о жестокости японцев и как один из доводов приводят вспарывание живота — «харакири»,

которое когда-то считалось наиболее почетным видом смерти. (Кстати, непонятно, почему этот ритуал самоубийства называется «харакири» вместо более правильного — «сэппуку». И тот и другой термины обозначают «вспарывание живота». Два китайских иероглифа, которыми пишут оба слова, также одинаковы, лишь последовательность другая, но «харакири» звучит более вульгарно.) Те, кто это утверждает, ссылаются иногда на японские фильмы или на зверства японских войск во время второй мировой войны. Конечно, все это имело место. На европейские языки был переведен роман Сусаку Эндо «Море и яд», повествующий о вивисекции, которой подвергались американские военнопленные в одной из японских университетских клиник, и о других отвратительных насилиях.

Ужасающие по своей жестокости расправы происходили не только во время последней войны, но и прежде. В 1894—1895 годах, в первую войну Японии с Китаем, вся мировая печать с негодованием писала о зверских расправах над гражданским населением. Но ведь и в истории другой страны был период, когда от имени ее народа, с гордостью именовавшего себя нацией поэтов и мыслителей, совершались немыслимые зверства. Можно ли из этого сделать вывод, что немец по натуре своей отличается особой жестокостью и свирепостью?

Допустим, японские фильмы могут свидетельствовать о жестокости. Или демонстрация по телевидению «кик-боксинга». В этой игре двое боксируют, совершенно не соблюдая спортивных правил, они просто беспощадно избивают друг друга; в ход идут ноги, которыми бьют куда попало, нанося удары в самые чувствительные места. Удивляет реакция мужчин, в том числе весьма солидного возраста, сидящих на японский манер у себя дома перед телевизором и проходящих в такое возбуждение, что, кажется, с удовольствием присоединились бы к воплям и реву, раздававшимся из спортивного зала. Лишь позднее, когда рефери, который также подвергался ударам, заставляет соперников покинуть ринг, становится ясно, что все происшедшее там — не что иное, как сыгранный на потеху зрителю спектакль. И все же поражает, что столь большое число людей получает удовольствие от подобного рода зрелищ.

Чтобы приблизиться к пониманию феномена, именуемого «сэппуку», без чего трудно постичь определенные

нормы поведения и своеобразие душевного склада японцев, надо различать жестокость, причиняемую другим, и жестокость и страдания, которые человек причиняет самому себе. Возможно, известный мазохизм достиг в «сэппуку» своего апогея. Самоистязание не всегда бросалось в глаза. Оно могло проявиться в виде невероятной дисциплинированности, странной покорности или быстрого примирения с судьбой, своего рода фатализма. «Нагай моно нива макарэро» («Если это слишком длинно, завернись в него»), — гласит японская пословица. То есть, если что-либо тебе покажется сверхмощным, не оказывай ему сопротивления, покорись. Подчиниться сильному, тому, кто определяет нормы поведения, вовсе не значит, что ты теряешь свое лицо. Просто уступаешь сильному, превосходящему тебя (или кажущемуся сильным и превосходящим), умаляешь себя в глазах сильного, признаешь себя неспособным, глупым, даже если в глубине души ты с этим не согласен. Здесь-то и действует уже фактор самоистязания. И чем оно глубже, тем глубже надежда, что сильный вознаградит тебя за твою скромность, за твое добровольное пребывание на заднем плане. Здесь действует та же пружина, что и при обмене подарками или во время приглашения на званый обед, когда дарящий утверждает, что его подарок — ничего не стоящий пустяк, а хозяйка дома просит прощения у гостя за скромное угощение. Все это, с точки зрения доктора Такэо Дой, о котором уже шла речь в предыдущей главе, имеет какое-то отношение к «амаэ».

Фактор, влияющий на отношения между отдельными людьми, определяет и отношения в более широком плане: между столицей и другими городами, между отдельными группами, между городом и деревней и, наконец, между японским народом и народами других стран.

Нельзя подходить к этим нормам поведения с мерками иных этических систем и говорить о ложной скромности или даже о лицемерии. Самые ошибочные суждения или недоразумения возникают именно тогда, когда отдельные элементы подобных норм возводятся в абсолют и вырываются из общей системы влияний, то есть скромность, как таковая, рассматривается сама по себе, без учета того, что она вызвана надеждой на ответное вознаграждение.

Кто сам проявляет скромность и сдержанность в рамках социальной иерархической системы, тот может

также рассчитывать на скромность и сдержанность. Другой вопрос, разумно ли это, ибо эмоциональное предпочитается трезвой рассудочности. Соблюдение норм поведения перевешивает логическое мышление, поэтому критика и спокойное отношение к ней вписывается в японскую систему отношений с большим трудом. Критика, высказанная напрямик, часто воспринимается как личное оскорбление. Расхождение во мнениях нередко с первых же слов ведет к перебранке. В Японии часто приходится читать и слышать, что мнение иностранцев об их стране интересно лишь в том случае, если оно критично, но на самом деле достаточно высказать одно-единственное критическое замечание, чтобы задеть гордость японца или так называемой общественности и тем самым вызвать неистовое негодование или защитную реакцию, выраженную в словах: иностранцы нас все равно не понимают. При этом бывает даже, что в глубине души японцы согласны с критиком и сами считают, что критикуемое достойно критики, но, когда слышат ее из уст чужестранца, реагируют весьма болезненно.

Совсем другое дело, когда сам себе причиняешь боль. Чем больше себя унижаешь, чем больше страдаешь, тем кажешься более достойным уважения и более заслуживающим доверия. А высшая и конечная форма, позволяющая самому себе причинить наибольшее страдание,— это «харакири», которое не встречается ни у одного другого народа в мире.

Причины для вспарывания живота — самые различные. Его совершали из чувства верности своему господину (вспомним генерала Ноги). Когда профессор весьма авторитетного университета отважился критиковать подобную манеру поведения, его тут же уволили.

Было много других мотивов для самоубийства посредством «харакири», о которых уже шла речь. Смерть, таким образом, прославлялась, ибо человек не чем иным не мог сильнее подкрепить свои убеждения, преданность идее, как жертвуя собственной жизнью, тем более если он решил, что связь с окружающими его людьми для него уже невозможна. Самоубийство в Японии считалось не только актом самоуничтожения, но и последней апелляцией к общественному мнению. Это доказывает случай с Мисимой и в меньшей степени — с Кавабатой.

Более мучительный и болезненный способ ухода из жизни, чем «сэппуку-харакири», трудно себе предста-

вить. Вероятно, поэтому именно этот вид самоистязания был наиболее убедительным доказательством лояльности по отношению к другому лицу. Чаще всего наносили себе один-единственный поперечный разрез на животе, но есть свидетельства и о нескольких разрезах, воспроизводивших рисунок семейного герба, для поддержания чести которого человек и лишал себя жизни. Как правило, самоубийца вручал свой длинный, очень острый самурайский меч ближайшему доверенному лицу, а сам брал для совершения «сэппуку» второй кинжалообразный меч, и в тот миг, когда он наносил себе удар кинжалом по животу, другой должен был одновременно его обезглавить. Так было, когда покончил с собой бывший ученик и друг лауреата Нобелевской премии Ясунари Кавабаты Юкио Мисима. Его самый близкий друг среди «оруженосцев» тут же отрубил ему голову, а затем покончил с собой, чтобы последовать за своим командиром.

После всего сказанного еще раз приходится признать, что в Японии многое иначе...

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

То, что редко встречается:

Тесть, который хвалит зятя.

Невестка, которую любит свекровь.

...Слуга, который не чернит своих господ.

Человек без малейшего недостатка. Все в нем прекрасно: лицо, душа. Долгая жизнь в свете нимало не испортила его.

Люди, которые годами, проживая в одном доме, ведут себя церемонно, как будто в присутствии чужих, и все время неусыпно следят за собой. В конце концов редко удается скрыть свой подлинный нрав от чужих глаз.

...Что говорить о дружбе между мужчиной и женщиной! Даже между женщинами не часто сохраняется нерушимое доброе согласие, несмотря на все клятвы в вечной дружбе.

Сэй-Сёнагон. Макура-но соси (Записки у изголовья)

На взаимоотношениях между людьми, то есть на том, что принято считать общественной нормой поведения, остановимся несколько подробнее. Здесь я вынужден обходиться одними наблюдениями, хотя они и субъективны. Утверждать можно многое, однако доказать что-либо весьма сложно, ибо цифры, какими бы объективными они ни были, в данном случае оказываются несостоятельными. Кроме того, приходится сталкиваться с понятиями, подчас трудно уловимыми, не имеющими точных эквивалентов в нашем языке. Требуется перефразировка, которая вряд ли способствует пониманию и часто даже приводит к недоразумениям.

«Хито-ни сэссуру хо» («Как вести себя с другими людьми») — называется книга, вышедшая в Токио в 1952 году. «Прояви почтительность к тем, кто стоит над тобой, — пишет автор. — Веди себя так, будто ты учишься у них. Никогда не исходи из того, что ты им ровня. Внуши им, будто ты их уважаешь». Что это? Призыв к лицемерию? Нет, все не так просто. Прежде всего следует спросить, кто именно «стоит над тобой». Ответ на этот вопрос в наших широтах и в Японии был бы неодинаковым.

Однажды мне пришлось иметь дело с группой японских пловчих и пловцов, участников Олимпийских игр, среди которых были и обладатели медалей. Как известно, пловцы в таких соревнованиях часто очень юные. Мне казалось довольно странным, когда четырнадцатилетняя девочка обращалась к шестнадцатилетней девушке или восемнадцатилетнему юноше со словом «сэмпай» (здесь начинаются трудности с переводом), то есть «сеньор» (от латинского — «старший»). «Сеньор» вызывает в немецком и английском языках совершенно иные ассоциации, чем «сэмпай» в японском. Если у нас обратиться к кому-нибудь со словом «сеньор», это прозвучит скорее иронически, чем уважительно. Слово «сэмпай» в японском лишено подобных оттенков. Антоним «сэмпай» — «кохай» («юниор»), преемник сеньора. Сэмпай, однако, никогда не обратится к своему кохай, назвав его этим словом. Он произносит его имя, чаще всего добавляя к нему — для девочки — «-сан» или «-тян», а для мальчика — «-кун». Таким образом, к девочке по имени Маяко он обращается «Маяко-сан» (или «-тян»), а к мальчику, которого зовут Хироси, — «Хироси-кун», притом что «-сан» и «-кун» — это как бы обозначения вежливости. Маяко и Хироси знают, кто в группе по плаванию «стоит над ними». Это старший, мастер. Вряд ли мальчик обратится к своей старшей по возрасту коллеге по спорту со словом «сэмпай», ибо на женщин общее правило часто не распространяется.

Тот, кого называют сеньором, кому, согласно автору уже упомянутой книги, следует выказывать почтительность, не только должен принимать эту почтительность, но и обязан покровительствовать во всех жизненных ситуациях тому, кто ее проявляет.

Как-то журналист одной из крупнейших газет Японии — ее читают почти в каждой третьей семье — брал у меня интервью. Во время разговора было упомянуто имя моего учителя, преподававшего в Японии много лет немецкий язык. На следующее утро на третьей странице газеты появилась небольшая заметка, посвященная нашей беседе. Я еще не успел ее прочитать, так как готовился к поездке на северо-восток, в Сендай, точнее, в Мацусиму, издавна воспетую как один из живописнейших уголков Японии, морально настраиваясь к предстоящему путешествию. Внезапно зазвонил телефон. (Кстати, мне показалось, что нигде в мире так много не гово-

рят по телефону, как в Японии. В 1967 году на тысячу человек в среднем приходился 181 телефонный аппарат, в 1977 году — уже 436. «Моси-моси» — этими словами начинается любой телефонный разговор.)

— Алло, алло! Говорит имярек. Я только что прочитал о вас в газете. Вы упоминаете там своего учителя. Это, на самом деле, профессор такой-то?

— Да, конечно.

— Тогда я во что бы то ни стало должен с вами встретиться.

— Но я хотел сегодня после обеда ехать в Сендай.

— Что, в Сендай? Тем более нам необходимо встретиться. Я тут недалеко от вас.

Вскоре мой новый знакомый, директор маленькой частной школы по домоводству и рациональному питанию, сидел передо мной. Он был моим «сэмпаем», «сеньором», ибо почти сорок лет назад изучал немецкий язык у того же учителя, у которого я занимался японским. «Гайдзин» теперь уже не был «гайдзином». Отныне я включен в систему отношений «сэмпай» — «кохай» («предшественник» — «последователь»).

— Да, теперь о вашей поездке в Сендай. Мой школьный товарищ занимает там должность главного судьи в семейном суде. Я быстро черкну ему несколько строк. Вот его номер телефона.

Пусть господин имярек и главный судья в Сендае простят меня за то, что я не воспользовался их услугами. Они, несомненно, сделали бы для меня все возможное, и не в последнюю очередь потому, что таким образом они выразили бы старому «сэнсэю» признательность и доказали ему свою лояльность.

«Сэнсэй» — человек, у которого чему-нибудь учатся. Дети в школе так обращаются к учителю, студенты — к доценту и даже пациенты — к врачу. (Последние, похоже, всюду занимают особое положение.) Слово «сэнсэй» означает «ранее родившийся». «Сэнсэй», таким образом, «старший», стоящий над другим человеком, которого следует почитать. При этом «старший» необязательно должен быть старше по возрасту, но должен принадлежать к вышестоящей в социальном отношении группе. Все сотрудники управленческого аппарата университета обращались ко мне со словом «сэнсэй», в том числе и те, кто был значительно старше меня. «Сэнсэй» — уважаемый человек и остается для ученика таким на всю

жизнь, даже если ученик займет положение, равное положению «сэнсэя», или превзойдет его в своей служебной карьере. Он всегда останется по отношению к своему «сэнсэю» морально зависимым, по крайней мере в глазах «сэнсэя». Это иногда приводит к внутренним конфликтам.

На первый взгляд кажется, что нечто похожее имело место и в других странах, но если взглядеться попристальнее, то можно увидеть существенные различия. В Японии это часть норм поведения, в которой авторитет основывается не на личных достижениях или личном влиянии (во всяком случае, не это главное), а, как правило, на принципе сеньоритета. В конечном же счете все сводится к «ва о тамоцу» — «сохранению гармонии».

Допустим, кто-то успешно продвигается по службе и становится начальником над коллегами того же возраста. Здесь едва ли возникнут проблемы. Но если начальником над старшим по возрасту назначен младший, гармония нарушается и атмосфера становится беспокойной. Это распространяется на все области жизни, в том числе и на науку. Приобретение квалификаций, докторских степеней и т. п. не служит в японских университетах обязательной предпосылкой для назначения на должность, поэтому обращение к кому-нибудь по званию отсутствует, как в общественной, так и в частной жизни. Обращения «сэнсэй» в сочетании с именем или без него в любом случае достаточно.

Если кто-то повысился по службе до должности «оябуна» — начальника, шефа или босса, от него не требуется никаких особых, специальных знаний. Он должен лишь уметь устанавливать и поддерживать тесные личные контакты со своими «кобун» (подчиненными), сохранять с ними духовную близость. «Оя» означает «родители», а в более узком смысле «отец», «ко» — «ребенок» или «сын», «бун» — «доля»; «оябун» толкуется как «доля родителей» или «доля отца», а «кобун» — как «доля ребенка» или «доля сына». В других местах земного шара прилагают подчас немало усилий, чтобы добиться аналогичных отношений. В Японии они являются нормой, без которой вообще не могла бы функционировать система в целом.

Все сказанное не исключает стремления достигнуть высоких результатов в работе и учебе. Особенно это относится к детям и к молодежи. Их дальнейшая жизнь

зависит от успеваемости в учебе, а также от степени престижности детского сада, начальной, неполной средней и средней школы и, наконец, университета, который они окончат. Как и все в Японии, учебные заведения подчинены системе рангов.

Посещение детского сада с хорошей репутацией облегчает поступление в хорошую начальную школу, а посещение подобной начальной школы, а также младшей средней школы означает, что ребенок более чем наполовину выдержал вступительные экзамены в престижную старшую среднюю школу. А тот, кто окончит престижный университет, может вообще не опасаться за свое будущее. Ему лишь необходимо запастись терпением, ибо отныне вступает в действие другой механизм, когда возраст имеет приоритет перед личными достижениями. Служебное «продвижение» на основе личных заслуг подвергается, как уже было сказано, большим ограничениям. Конечно, полностью личные достижения не игнорируются, но право голоса как в политике, так и в экономике имеют старшие по возрасту, однако и они не наделены властью в прямом смысле этого слова.

Хотя такая система и представляется весьма иерархической, исполнительная власть почти никогда не сосредоточивается в руках одного человека. Однако, согласно традиции, приличия должны быть соблюдены, если даже роль «старшего» сводится лишь к тому, чтобы поставить подпись на документе. В Японии не принято подписывать документы. Обычно на них ставят «ханко» — печать или клеймо с выгравированным именем, ибо в Японии имеет законную силу лишь штамп. Но важнее, чем проштампованный документ, до сих пор в Японии является устная договоренность.

Японское общество, вероятно, давно бы безнадежно закоснело, если бы строго придерживалось принципа сеньоритета. На фабрике или в других местах «старший», «начальник», вряд ли откажется принять идеи «младшего», «подчиненного». Умный руководитель в определенных условиях для осуществления своих замыслов даже предоставит «управляемому» довольно обширное поле деятельности. В случае успеха лавры достанутся руководителю; если же подчиненный потерпит неудачу, то пусть пеняет на себя. Проявление собственной инициативы все же поощряется. Но «младшему» даже не придет в голову сказать: «Это нужно делать так, а не

иначе». Или: «Это следовало бы сделать таким образом». Возможно, он скажет: «Шеф, может быть, вы взвесите, не лучше ли это сделать так?» Японский язык предоставляет для подобного рода объяснений исключительные возможности. Шеф, поразмыслив, посоветуется со своей администрацией, запросит мнение нижестоящих звеньев, а затем распорядится, что надо делать именно так, как посоветовал «младший». В конце концов он предстает как лицо, от которого исходит идея. Его авторитет вследствие этого не только не страдает, но и еще больше укрепляется. Однако шеф запомнит того, кому принадлежала идея: когда-нибудь ему понадобится премник.

Для «чужестранца» в Японии процесс принятия окончательных решений очень сложен, чаще всего недоступен. Это делает его неуверенным, а подчас и нетерпеливым, особенно когда он в своей слепой вере в авторитеты считает, что стоит ему поговорить с «шефом», и все будет в порядке.

Принятие решения осуществляется здесь, как правило, снизу вверх. Правда, толчок хотя бы для виду часто следует сверху, однако окончательное решение принимается только после убедительных аргументов снизу. На первый взгляд подобная система кажется несколько запутанной, тяжеловесной и нерациональной. Но это отнюдь не так, ибо эта налаженная мини-система хорошо вписывается во всеобщую систему норм поведения и потому, с одной стороны, она не тормозит принятия решений, а с другой — побуждает каждого человека к активным действиям, даже если он остается анонимным. Так уж повелось, что отдельное лицо меньше всего ориентировано на собственное «я», а больше на группу, к которой он принадлежит и с которой себя отождествляет.

Вся система отношений — «сэмпай» — «кохай», «сеньор» — «юниор» («учитель» — «ученик»); «оябун — кобун» («мастер» — «подмастерье», «руководитель» — «опекаемый»), «отец» — «сын» — показывает, что японское общество организовано по вертикали, а не по горизонтали. В этой иерархии каждый занимает свое определенное место, так что ему не приходится задаваться вопросом, кто стоит над ним. Человек включен в жесткую схему норм и правил поведения, обучиться которым ему не составляет никакого труда, ибо с первого дня

своей жизни он постоянно видит перед своими глазами пример взрослых. Так, в Японии нет просто «брата» или «сестры». Эти слова в японском языке вообще отсутствуют. Есть «ани» — «старший брат», «отото» — «младший брат», «анэ» — «старшая сестра» или «имото» — «младшая сестра». С самого начала ясно, кто кого обязан почитать. Младшие не называют своих старших братьев и сестер по имени. К старшему брату обращаются со словами «о-ни-сан», а к старшей сестре — «о-нэ-сан». Дословно это звучит так: «господин достойный уважения старший брат» и «госпожа достойная уважения старшая сестра».

В собственной «группе», когда знаешь, с кем имеешь дело, схема действует бесперебойно, но, если приходится общаться с членами другой «группы», часто становишься беспомощным, ибо не знаешь, какие слова употреблять, так как это зависит от положения того или другого члена «группы». Поэтому в Японии очень важны две вещи: рекомендательное письмо, желательное от общего знакомого, и обмен визитными карточками. И если на визитной карточке рядом с именем, адресом и телефоном владельца обозначены все занимаемые им посты и виды деятельности, это отнюдь не означает, что он перечислил их из гордости или самомнения. Это скорее дань вежливости: другой должен знать, с кем имеет дело.

В Японии каждый старается соблюдать правила совместного существования, даже если не очень отдает себе в этом отчет. Если спросить японца, не воспринимает ли он многие из этих правил как пережиток феодального или даже более раннего общественного уклада, он в ответ скептически покачает головой. Тем не менее наряду с основными капиталистическими отношениями между трудом и капиталом в Японии до сегодняшнего дня сохраняются отношения, которые сложились еще в период феодализма, особенно во времена сёгуната Токугава.

Эти отношения обязаны своей жизнестойкостью нескольким факторам: во-первых, в японской истории вопреки всем предпосылкам не сложилась сильная, обладавшая классовым сознанием буржуазия, которая смела бы все феодальные отношения как в материальной, так и в духовной жизни общества; во-вторых, та буржуазия, которая появилась благодаря быстрому процессу капитализации японской экономики, либо не прошла

вообще, либо прошла очень короткую фазу буржуазного либерализма или капитализма свободной конкуренции; в-третьих, господствующие слои, как правило, потомки старой феодальной аристократии сознательно включали традиционные черты социальных отношений в процесс экономической модернизации Японии. «Европейская техника и японская душа!»— гласил один из лозунгов прошлого века. Правда, в последнее время отнюдь не все японские социологи придерживаются, например, мнения, что именно «производственная общность» с ее системой пожизненного зачисления человека на службу берет свое начало в традициях феодальных или раннекапиталистических производственных отношений. Некоторые из них подчеркивают, что те отношения между людьми в производственном процессе, которые имеют место теперь, возникли лишь в двадцатые годы нашего века и затем наиболее выпукло проявились с 1945 по 1950 год — в период острых социальных разногласий.

В Японии часто говорят о пирамидальной структуре общества, когда оно рассматривается как одна большая семья, на вершине которой стоит император. Эта пирамида, в свою очередь, состоит из бесчисленных маленьких «производственных» пирамид, возглавляемых предпринимателями, а также из множества еще меньших, «семейных» пирамид, во главе которых стоит отец. Каждая из пирамид, вплоть до самой большой, держится благодаря безусловной лояльности по отношению к тому, кто в данное время ее возглавляет. Таким образом, возникают дополнительные моральные обязательства, так успешно маскирующие фактические отношения, в которые люди объективно вступают в ходе капиталистического производственного процесса, что эти отношения или абсолютно не осознаются или же оттесняются на периферию сознания.

Несколько лет назад в одной крупной западноевропейской газете можно было прочитать следующее: «Даже генеральный директор японской фирмы проходит через заводские цеха в рабочем комбинезоне!» А почему бы и нет? Ведь любой все равно знает, кто является боссом. «Он лично приветствует каждого рабочего, и создается впечатление, будто рабочие принимают его за своего!» Да, внешнее впечатление этого, действительно, иногда создается.

Система кадров, зачисление на службу на всю жизнь,

вознаграждение за многолетний труд по выходе на пенсию, а также чисто внешние символы, такие, как эмблема на производственной одежде, исполнение заводского гимна перед началом работы, и другие — все это конкретные проявления того, что одни назовут феодальными пережитками, а другие — характерными чертами японского капитализма.

Был конец апреля, время ежегодного весеннего наступления японского рабочего класса, то есть начала переговоров между работодателями и рабочими о новых тарифных ставках. Соблюдай инструкции, иначе — забастовка! Таковы чаще всего призывы профсоюзов, стремящихся добиться удовлетворения своих требований повышения заработной платы. На 27 апреля служащими токийской государственной железнодорожной сети была назначена всеобщая забастовка. Наряду с государственными в Токио имеются еще несколько частных железнодорожных линий. Одной из них мне приходилось пользоваться ежедневно. Когда вечером 26 апреля я ехал домой, повсюду репродукторы оповещали людей о том, что в знак солидарности с коллегами государственных железных дорог служащие частных дорог также объявляют забастовку. 27 апреля я ни свет ни заря был разбужен грохотом промчавшегося поезда. Что это значит? Это никак не вязалось со вчерашними объявлениями. И скоро мне стало известно следующее: во-первых, упомянутая частная железная дорога принадлежала крупному концерну универсальных магазинов, а председатель профсоюзов дороги был тесно связан с концерном; во-вторых, на частной железнодорожной линии на работу нанимают только по рекомендации родственника или знакомого, которым наниматель полностью доверяет. Решающую роль играют здесь, как и во многих других краях, связи. Японское слово «энко» толкуется именно так. Того, кому человек обязан рекомендацией, нельзя подводить. К чему же тогда эти объявления накануне вечером, если заранее было известно, что забастовки не будет? «Чтобы не ударить лицом в грязь перед другими профсоюзами», — ответили мне. Понять это, право, нелегко.

Еще раз по поводу «энко», но в несколько другом аспекте. Если «чужестранец» пожелает в Киото, древней столице Японии, посетить маленький ресторан, расположенный в стороне от туристского потока, то может

статься, ему в этом откажут. Если он осмелится возразить, сказав, что там еще имеются свободные места, считай, он окончательно разоблачил себя как «чужеземец», совершенно незнакомый с обычаями страны. Абсолютно не котируется здесь «иккэн-но кяку» — «гость, который приходит один-единственный раз». Сначала это кажется противоречием, ибо город живет туризмом, принимает ежегодно более 32 миллионов приезжих. Однако, чем дольше человек гостит в Киото, тем больше он сознает, что город походит на гейшу: любой может ею любоваться, наслаждаться ее красотой, но принадлежать она будет только тому, кто и ей придется по душе.

Я рассказал своему знакомому, известному актеру и режиссеру, зятю еще более известного писателя, о моем печальном опыте с ресторанами, когда мы после посещения могилы его тестя подходили к маленькому храму в Киото. Он расхохотался, а потом предложил мне где-нибудь вместе поесть. Живет он в Токио, однако своим настоящим домом считает Киото, в котором вырос.

Зашли в крошечный, не более чем на десять мест, ресторанчик. Хозяйка очень обрадовалась, когда увидела моего спутника, и обратилась к нему, хотя он был много моложе ее, со словом «сэнсэй». Блюда отличались изысканностью и необычностью. Например, мясо дикой утки, нарезанное тонкими ломтиками, которое не было ни жареным, ни вареным, ни копченым, ни сырым, а, наверное, и тем, и другим, и третьим, и четвертым. Это блюдо считается в Киото фирменным, но подается только в холодные месяцы года. Порадовали нас здесь еще и рыбой, и многим другим. Культура еды воплотила почти двенадцативековые кулинарные традиции Киото.

— Пойдем еще куда-нибудь!— снова предложил мой знакомый.

В Японии обычно не засиживаются подолгу в одном ресторане. Чтобы доставить гостю удовольствие, его водят из одного ресторана в другой, ибо в каждом есть свое фирменное блюдо.

Мы простились с хозяйкой и вновь очутились на улице. В следующем заведении все повторилось, за исключением меню.

Ни в том, ни в другом ресторанчике мой знакомый и не думал расплачиваться за еду. Меня это не слишком удивило, ибо нечто подобное я уже наблюдал в Токио, когда друзья приглашали меня в бары. 25-го числа

каждого месяца в Японии проводится день выдачи заработной платы. Начиная с 15-го уже ни у кого нет денег. (Это можно заметить по числу людей в универсальных магазинах.) После дня зарплаты «мадам» (хозяйка бара, рестораника, кафе) сама навещает своих клиентов и предъявляет им счета. Владельцами подобных заведений в Киото очень часто бывают женщины, ибо они более деловиты и вообще больше, чем мужчины, любят вращаться в обществе. Мне рассказывали, что в Киото никогда не требуют от клиента, чтобы он расплачивался на месте. От него ждут, согласно все тем же нормам поведения, оплаты счетов в конце года. Хотя слово «счет» здесь не подходит. Клиент должен внести определенную сумму, которую сам сочтет нужной. Если же он в конце года не рассчитается, ничего страшного; он может это сделать в следующем году или через год, когда будет при деньгах.

Однако это правило на «иккэн-но кяку» не распространяется. Случайный клиент, турист, гость, который посещает ресторан или другое заведение лишь затем, чтобы в спешке утолить голод, а не ради удовольствия, обязан расплачиваться на месте. Таких посетителей большинство, и все же значительная часть «мидзу-собай» (дословно «служба по торговле водой»), то есть служба гостиниц и ресторанов, а также развлечений, в которых занято якобы около 5 миллионов женщин и девушек, осуществляется на основе «энко» — личных связей. Почти как и в случае с зачислением на службу на упомянутой частной железной дороге.

Директор одной торговой фирмы пригласил меня однажды вечером в довольно respectable и по японским критериям не такой уж маленький бар, расположенный в районе Гиндзы. Мы были там недолго, час или два. Спустя несколько дней мой очень жизнерадостный коллега по университету как нарочно повел меня в тот же самый бар. Перед уходом ко мне обратилась преисполненная достоинства «мадам», с которой я не обмолвился ни единым словом ни раньше, ни теперь:

— В следующий раз вы можете прийти сюда один.

Раз я дважды посетил ее бар в сопровождении кредитоспособных клиентов, значит, я также заслуживаю полного доверия.

Мне предстояла длительная поездка по железной дороге, и я позволил себе купить билет в «гурин ся» («зе-

лений вагон»), в нашем понимании — вагон первого класса. На железной дороге в соответствии с японским взглядом на демократию отменены обозначения «Первый класс» или «Второй класс». В список «табуированных» попали и другие слова, и несдобровать редактору, если он пропустит какое-нибудь из этих слов в прессе, по радио или телевидению. Самое безобидное из ожидающих его неприятностей — возмущение, высказанное по телефону. Так, нельзя употреблять слово «калека» или «инвалид», а только «человек с телесным ущербом». Вместо «поденщик» надо говорить «свободный рабочий» («дзию родося»), не официантка, а служащая в баре или «хосутесу»; не «дежурный по железнодорожному поезду», а «уполномоченный по обеспечению безопасности железнодорожного поезда». Более подробную информацию об этих словах можно почерпнуть из книги, вышедшей в 1976 году.

Итак, я отправился в путь. Место рядом со мной некоторое время оставалось свободным. По дороге в вагон вошла маленькая, изящная и уже немолодая женщина, одетая в кимоно. Ей самой было бы очень трудно водрузить свой чемодан на багажную сетку, хотя он был и не слишком велик. Из сидящих в купе японцев всех возрастов никто даже не пошевелился. «Разрешите», — обратился я к ней и уложил чемодан на сетку. Дама, поклонившись, поблагодарила меня. Я сел на свое место и забыл о случившемся. Было тепло, к тому же я устал, поэтому крепко уснул и не услышал, как по вагону проходила разносчица всяких яств, а когда проснулся, увидел перед собой маленькую (на один стакан) банку апельсинового сока. «Это вам», — сказала дама, одарив меня материнской улыбкой.

Конечно, не похоже было, чтобы я производил впечатление, будто сам не в состоянии купить себе банку апельсинового сока, но дело было не в том. Будучи человеком посторонним, я оказал даме услугу и невольно сделал ее своей должницей, ей теперь следовало отблагодарить меня. Для нее чувство долга не исчерпывалось лишь словом благодарности.

Если один человек в Японии оказывает другому какую-нибудь услугу, последний обязан ответить тем же. «Он» и «онгаэси» — «благодаяние» и «ответное благодаяние» — понятия нерасторжимые и играют в жизни как отдельного человека, так и всего общества огромную

роль. Для пожилой дамы в кино было очевидно: я имел право на ее благодарность. Доказывать ей обратное было бы бесполезно: она не поняла бы, ибо то, что она сделала, — нечто само собой разумеющееся.

Это соответствовало системе социальных норм поведения, этическим правилам, церемониалу, предписывающим следовать неписаным законам «гири» («чувство долга и выполнение обязанностей»), а также «ги» («принцип правильного поведения»), и тут не требуются никакие логические умозаключения. Жизнь в Японии пронизана «гири». А «гири» — это поведение человека в соответствии с его положением внутри группы и в обществе в целом. Лояльность и почтительность к тому, кто стоит над индивидом, требуется во имя «гири». Во имя «гири» ожидается и благодарность. Кто нарушает «гири», лишается социальной репутации и теряет свое лицо. В рамках этики, ориентированной больше на чувство стыда, чем на совесть, в обществе, в котором жизнь протекает в группах, а не в безликой массе и в котором любой проступок члена группы может бросить тень на авторитет всей группы, это имеет большое значение.

Японские нормы межличностных отношений не образуются с мыслью о всеобщем равенстве, ибо они основываются на модели пирамидальной иерархии. Лояльность и подчинение авторитету — величайшие добродетели. Неравенство само по себе следует принимать как закон природы, притом что это неравенство не воспринимается как действие каких-то неведомых сил.

Наряду с этим существует глубоко укоренившееся представление о равных способностях людей — все зависит лишь от того, как развить эти способности, как их использовать. Каждый в состоянии справиться с любым делом, стоит ему только попытаться. Создается впечатление, что только от самого человека зависит развитие его способностей в том или ином возрасте и то, какое положение в обществе он потом займет.

Таким образом, современная идеология, ориентированная на достижение жизненного успеха и включенная в стародавнюю систему человеческих отношений, оберегает последнюю от окончательной гибели. Возможно, в самой Японии определили бы это так: нормы человеческого сосуществования в том виде, в каком они в течение веков развились в традиционной японской сельской

общине, в современном японском обществе сочетаются с рационализмом, который в XVI—XVII веках был порожден японским купеческим сословием.

Это объясняется еще и тем, что в японской истории не было фазы, на которой буржуазный индивидуализм с его защитой собственного «я», с его сосредоточением на собственном «я» мог бы получить полное развитие. Не стесненные никакими ограничениями «я», личные чувства, желания и надежды индивида, как такового, никогда не наделялись суверенными правами. Не находят они достойного места и в современной японской системе взаимоотношений. Культивируется не осознание индивидом независимого «я», а осознание его в качестве члена группы и части пирамиды. Интересы семьи как самой маленькой пирамиды и интересы производства, фирмы и т. д. всегда стоят выше интересов индивида. Но в то же время группа, производство, фирма принимают самое активное участие в жизни каждой отдельной личности. Подобные взаимоотношения настолько запутанны, что порой трудно определить, где проходит грань между «производственной» и «личной» жизнью. Нередко бывает, например, что производство выступает в качестве посредника при заключении брака. И то, что руководитель группы или начальник цеха после окончания работы отправляется со своими подчиненными в ближайший «трактир», рассматривается не как личное дело, а как важная предпосылка для благоприятного психологического климата на производстве. Многие из подобного в других странах, возможно, расценивалось бы как вмешательство в личную, интимную жизнь человека.

В этих моих рассуждениях кто-то наверняка увидит долю категоричности и захочет спросить, разве у всех и везде в Японии происходит именно так? Ведь есть же борющийся пролетариат во главе с революционной партией, носителем передовых идей! Разумеется, есть, но и они живут в японском обществе, в атмосфере его традиций. Приведу лишь один пример: в Японии часто публично выступают за равноправие женщин, но придерживаются ли сами ораторы принципа равноправия у себя дома?

«Постороннему» понять эту сложную систему межлических отношений и норм поведения, по-видимому, не удастся никогда, ибо здесь господствуют неписанные законы. Он может изучить художественную литературу,

обширнейшее свидетельство самовыражения любого народа, и в конце концов, возможно, поймет то или иное явление. Однако эмоционально (не поступаясь собственным «я») он вряд ли приблизится к этому хотя бы на шаг, всегда на его пути будет возникать какое-то непонимание. «Чужестранец» может задним числом сожалеть о случившейся размолвке или удивляться, что так произошло, и после тщательного самоанализа считать себя абсолютно невиновным, но он даже не подозревает, что в зависимости от обстоятельств должен был бы что-то предпринять или от чего-то отказаться, как в соответствии с «гири» от него этого ждали.

Однако от «чужестранца»-«гайдзина» ничего и не ждут. Он — «ёсомоно» («человек извне»), а не «ути-но моно» («человек изнутри»). Лучше всего, если он и останется снаружи, тогда гармония почти не нарушается. За этим отнюдь не кроется всеобщая «враждебность к чужим», ибо «ёсомоно» необязательно должен быть иностранцем. Поведение, ориентированное на группу и регламентированное ею, диктует и обособление отдельных групп, изоляцию их друг от друга. «Кафу» и «сяфу» представляют собой слова, порожденные этим поведением и точно передающие его суть, однако переводчика, особенно если ему приходится иметь дело с литературными текстами, охватывает отчаяние, когда он пускается в поиски соответствующих европейских эквивалентов. Перевод «кафу» как «семейный обычай», а «сяфу» как «обычай фирмы» — жалкий паллиатив, так как значение японских слов намного шире. Они призваны обозначать «особенность», свойственную исключительно данной семье, фирме (группе), — то, что следует сознательно культивировать, чтобы тем самым в конечном счете укрепить солидарность внутри соответствующей группы. Но над всем этим японец наверняка не будет ломать себе голову, ибо, с одной стороны, абстрактное мышление никогда не относилось к сильным чертам обитателей Японских островов, а с другой — вся система воспитания в Японии в прошлом и настоящем была направлена исключительно на то, чтобы сохранить существующее положение, признав его ценность, а не подвергать критике с целью возможного совершенствования. Высший принцип — сохранение гармонии.

И тем не менее даже наистрожайшее воспитание в духе самоограничения и подчинения собственных жела-

ний и воли требованиям группы не могло полностью исключить конфликты, а в настоящее время, когда Япония более не дремлет «на краю мировой истории», и по-прежнему. С тех пор как появилось «гири», люди находятся с ним в противоречии.

Был в Японии драматург, которого любят сравнивать с Шекспиром. Его имя — Тикамацу Мондзаэмон. Зенит его творчества падает на конец XVII — начало XVIII века. Все его драмы, а их не так уж мало, посвящены одному-единственному конфликту, а именно конфликту между «гири» и «ниндзё», между общественной нормой, не признающей собственного «я», и отдельной личностью, ее субъективными чувствами.

«Гири» и «ниндзё» необязательно должны находиться в противоречии, ибо отношения «родители — дети» покоятся как на том, так и на другом. Однако у Тикамацу они противостояли друг другу, и возникавший конфликт всегда кончался катастрофой, приводил к самоубийству, точнее, к «синдзю» — самоубийству обоих возлюбленных. Тикамацу жил в те времена, когда экономически окрепшая молодая буржуазия (прежде всего в торговом городе Осака) начинала осуществлять свою духовную эмансипацию, пытаясь восставать против феодальных порядков в сфере человеческих отношений. Позднее, как известно, мятежу она предпочла общественный компромисс.

Ознакомившись с европейским мышлением и образом жизни, представители образованных слоев населения раньше других осознали, как сильно мешает «гири» (и тем самым вся система норм поведения) развитию личности, ее самоутверждению. Однако протест против господства «гири» не вылился в позитивное, настаивавшее на изменении общества движение и вместо формирования общественного самосознания привел к сосредоточению на собственном «я», граничившем порой с эгоцентризмом. Литературные произведения конца прошлого и первых десятилетий нашего века часто касаются этой темы, о чем свидетельствуют и личные судьбы многих писателей, которые были сломлены в результате конфликта с обществом.

А как обстоят дела сегодня? В наступившем после войны хаосе вначале казалось, что все представления о ценностях поколебались. Вполне оправданное недоверие к авторитету превратилось в недоверие к человеку во-

обще. Самоосознание принималось за себялюбие, бунт — за революцию. Но вскоре прежние авторитеты были заменены новыми, а позднее реабилитированы и старые. Слепое преклонение перед военной мощью першло и такое же преклонение перед экономикой. Бегство в анархическую свободу кончилось возвращением в группу, гарантирующую защищенность.

Напряженность между «гири» и «ниндзё» осталась прежней. Правда, что-то изменилось, что-то смягчилось, однако основная проблема не исчезла. Возможно, противоречия в жизни отдельной личности будут время от времени, как и прежде, обостряться и приводить к локальным катастрофам, но в политике, экономике, в обществе в целом система этих унаследованных норм поведения служит уравнивающим фактором, поэтому даже самые резкие противоречия до сих пор еще ни разу не кончались взрывом.

УРОК ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Глаза красноречивее уст.

* * *

Язык — источник всех несчастий.

* * *

И обезьяна с дерева падает.

Японские пословицы

О «харагэй», «исин дэнсин», «кантан айтерасу» — высоком искусстве молчаливого, бессловесного общения говорил писатель Дзюньитиро Танидзаки в уже упомянутой книге «Руководство по стилистике». При всем уважении к этому искусству и вере, что оно ценнее миллиона слов, нельзя, однако, не признать, что без знания языка трудновато даже в Японии.

По подсчетам экспертов, японцы на сегодняшний день обходятся словарным запасом по меньшей мере в 80 тысяч слов. Замечание наподобие высказанного одним пожилым японским ученым, будто в этой стране мужу в общении с женой требуется всего три слова, не следует принимать всерьез, скорее это подкупающая самокритика мужской половины. Эти три слова якобы следующие: «ой» — довольно невежливо звать кого-то (приблизительно «эй, ты!»); «арэ» — сопровождается жестом и означает «вот это!»; «со» — толкуется в связи с предыдущим как «да, правильно» или «именно то самое».

Исходя из общечеловеческого опыта общения в совместной жизни, можно сказать, что, чем ближе отношения между людьми, тем меньше им требуется слов. Если же народ по своей культуре довольно однороден (как японский), если этот народ в течение многих веков не знал резких перемен, навязывавшихся извне и влиявших на его эволюцию, и в течение длительного периода мог заниматься лишь самим собой, то возникали предпосыл-

ки, делавшие длительную развернутую словесную коммуникацию излишней и способствовавшей развитию намекающей, сокращенной формы выражения.

Допустим, иностранец при встрече обращается к собеседнику со словами: «Извините, но мне пора домой». Он добросовестно выучил уроки японского языка и говорит: «Кёва ватакуси ва мо ути-э казранакэрэба на-римасэн-кара сицурэй-симас». Предложение построено абсолютно правильно, но страдает одним недостатком: оно не японское. По-японски лучше сказать просто «Кёва корэдэ...», что приблизительно переводится как «На сегодня достаточно...»

«Хадзимэтэ о-мэ-ни какаримаситэ, додзо ёросику о-нэгай-итасимасу» — форма приветствия, соответствующая нашему «Я рад познакомиться с вами», означает гораздо больше и включает в себя «амаэ» доктора Доя (то есть человек добровольно ставит себя в зависимость от другого): «один человек впервые проникновенно заглядывает в честные глаза другого, обращаясь тем самым к нему с просьбой проявить к нему благосклонность». Этот дословный перевод граничит с абсурдом, тем более что в Японии вообще не задумываются над смыслом подобной формулировки. «Хадзимэмаситэ, додзо ёросику» («для начала я вас прошу») мы переводим как «я рад познакомиться с вами», однако в японской формулировке нет ни «я», ни «рад», просто высказывается пожелание. В одной только этой фразе проявляются, таким образом, и другие этические нормы, и другое мышление, и иная манера поведения.

Когда в 1549 году Франциск Ксавье прибыл в Японию и принялся обращать островитян-язычников в христианство, он волей-неволей вынужден был употреблять местный язык. Похоже, ему это не доставляло большого удовольствия, иначе он не охарактеризовал бы японский язык как «порождение дьявола». Никто не знает причины, приведшей его к такому выводу. Возможно, библейская заповедь: «...да будет слово ваше: „да, да“, „нет, нет“, а что сверх этого, то от лукавого»¹, которую здесь, на островах, нельзя было соблюдать хотя бы потому, что в японском языке эквивалентов, соответствующих недвусмысленным «да» или «нет», вообще не существует. Утвердительный или отрицательный ответ, разу-

¹ Библия. Матф., 5, 37.

меется, можно выразить, но только не словами «хай» и «ийэ», что, согласно словарю, означает якобы «да» и «нет».

Рассказывают такую историю. Иностранка, не будучи сильна в японском языке, отправилась за покупками в «супа» (универмаг) и увидела в стеклянном сосуде множество крупных жуков-оленей, предназначенных, по видимому, для любителей террариумов. Иностранка, вероятно, не имела никакого представления о мире насекомых и о том, для чего эти жуки нужны. Она обратилась к продавщице с вопросом: «Корэ, табэнай-дэсё?» — «Они ведь не для еды?» «Хай», — ответила продавщица.

Иностранка содрогнулась от ужаса, так как ее учили, что «хай» означает «да». Так оно и есть, но лишь в смысле согласия. Все зависит от того, как поставлен вопрос. Продавщица только подтвердила правильность предположения покупательницы. Если бы покупательница спросила, едят ли жуков, продавщица ответила бы «ий», «ийэ» — «нет».

Если бы японский язык как порождение дьявола не был бы проклят Франциском Ксавье, это наверняка сделали бы многие поколения студентов, посвятившие себя его изучению, в процессе которого их не раз охватывало отчаяние. Даже тот, кто давно закончил обучение, нередко испытывает большие трудности в применении языка.

Непосвященному японская письменность внушает одновременно и почтение и страх. Когда ему говорят, что при некотором усердии и упорстве вполне можно овладеть 96 слоговыми знаками и приблизительно двумя тысячами наиболее употребительных иероглифических знаков (последние, за немногим исключением, китайского происхождения), он воспринимает это как недобрую шутку. Если затем он когда-нибудь услышит слова видного профессора, директора Института лингвистики в Токио, что «трудность японского языка не в устной речи, а в письменности», то, возможно, даже обрадуется, хотя профессор Огава скорее всего имеет в виду произношение японских фонем, а оно и в самом деле не слишком сложное, а с тем, что японская письменность не лишена коварства, нельзя не согласиться. Особенно это касается прочтения отдельных иероглифов, ибо каждый китайский иероглиф в японском языке имеет по меньшей мере

два-три, а по большей части — до десяти разночтений. В этом, а не в количестве иероглифов вся трудность.

Считается, что существует от 50 до 80 тысяч иероглифов, но на самом деле их гораздо больше, ибо при необходимости создавались и создаются ныне все новые и новые иероглифы. Однако японцы никогда не применяли столько китайских иероглифов, сколько их применяли сами китайцы. Впервые они проникли в Японию, которая до того времени, вероятно, вообще не имела письменности, в IV—V веках через Корею. Одновременно с заимствованием китайской письменности аристократия, чиновничество и буддийские священнослужители изучали китайский язык, которым весьма часто пользовались. Что касается письменных связей, то у них не было другого выхода, как пользоваться китайским языком, так как система написания китайскими иероглифами японских слов еще не была разработана. Таким образом, упомянутые слои употребляли китайскую письменность, владея не менее чем пятью тысячами иероглифов. Китайский язык, как и письменность, в течение длительного периода оставался неотъемлемым орудием японских ученых, а также многих поэтов.

После того как в VII—VIII веках более или менее освоились с китайской письменностью, ею начали пользоваться для написания стихов на японском языке. Китайские иероглифы применялись при этом двумя различными способами. Так, например, иероглиф, означающий «конопля», произносится по-китайски «ма». Японцы могли теперь использовать его, независимо от значения, как письменную фиксацию японского слога «ма». «Конопля» называется по-японски «аса», и это слово можно было отныне написать при помощи китайского иероглифа, означающего понятие «конопля» независимо от того, что по-китайски он произносится как «ма». Так, один и тот же иероглиф выполнял две функции.

Первоначальное приспособление китайской письменности к японскому языку можно наблюдать в «Манъёсю». Для написания содержащихся в этом памятнике VIII столетия примерно 4500 стихотворений понадобилось около 2800 различных китайских иероглифов.

В IX веке методом сокращения определенных китайских иероглифов была создана слоговая азбука (кана). Для каждого из основных в японском языке слогов, а их насчитывается 96, был утвержден письменный знак.

Эта письменность называлась «оннадэ» — «женская рука» и отличалась весьма плавными очертаниями, ею вначале, вероятно, пользовались исключительно жены аристократов. Сегодня такая форма письма называется «хирагана». Несколько позже появилось другое, более угловатое по начертаниям слоговое письмо, которое в настоящее время называется «катакана». С помощью одной из этих двух систем можно было без особого труда написать любое японское слово.

В течение нескольких веков китайское и японское письмо оставались разъединенными. Первый значительный роман, появившийся в японской литературе в начале XI века, был написан хираганой на основе чисто японского словарного состава придворной дамой Мурасаки Сикибу и назывался «Повесть о Гэндзи». Наконец, в XII веке начали писать, комбинируя китайские иероглифы с японским слоговым письмом, что существует и поныне. Таким путем в японский язык вошли многие заимствованные из китайского слова. На сегодняшний день более 50 процентов всех японских слов относятся к китайским заимствованиям, произношение которых приспособлено к японскому языку.

С конца XIX века не раз предпринимались попытки сократить число китайских иероглифов в японском языке. Первая из них была сделана в 1872 году с целью ограничить их количество до 3167. Но тогда ничего не вышло, поскольку сгорели рукописи. Последующие усилия в этой области также почти ни к чему не привели. Вплоть до начала второй мировой войны любая крупная типография в Японии была вынуждена держать в своих наборных кассах от 7 до 8 тысяч иероглифов. Затем последовала реформа письма 1946 года. После многочисленных бурных дебатов по поводу того, не перейти ли вообще на латинский алфавит или хотя бы отказаться от китайских иероглифов, парламент утвердил в 1947 году список из 1850 иероглифов. В 1966 году была создана комиссия, поставившая целью пересмотреть этот список. В 1977 году комиссия представила новый вариант. Теперь иероглифов стало 1900, а в 1979 году к ним добавили еще 26.

Таким образом, уметь читать и писать означает в Японии владение обеими письменностями кана (хирагана и катакана), что не так уж легко, ибо надо овладеть 96 знаками и еще усвоить определенное число иерогли-

фов. По мнению специалистов, достаточно знать тысячу иероглифов, для того чтобы читать 80 процентов всех текстов, а чтобы понять оставшиеся 20 процентов, требуется знать около 2 тысяч иероглифов.

Несмотря на все эти сложности, в стране ликвидирована неграмотность. Исследования 1948 года показали, что в возрастной группе от 60 до 64 лет не владели иероглификой 18,3 процента, а в группе от 35 до 39 лет этот процент составил только 0,8. Из первой возрастной группы вряд ли сейчас кто-нибудь жив. Правда, случается, что какой-нибудь иероглиф пишут неверно или путают с другим, но ведь и в других странах делают ошибки в правописании.

Ученые, трудившиеся над сокращением числа иероглифов, сделали также попытку ограничить их разночтения, однако осуществить это оказалось еще труднее, чем сократить. Прочтение их остается, как и прежде, настоящей мукой, особенно когда дело приходится иметь с текстами, написанными не только после войны, но и до нее, и тому, кто решил заняться литературными исследованиями, обеспечена головная боль — ведь у каждого писателя свой стиль.

Сколько разночтений может иметь китайский иероглиф в японском языке, видно на одном примере. Наш иероглиф состоит лишь из пяти штрихов: трех горизонтальных, одного вертикального и, наконец, маленького наклонного штриха слева, рядом с верхним горизонтальным. В китайском произношении, приспособленном к японскому, этот иероглиф читается как «сэй» и «сё». Китайские иероглифы появлялись в Японии в разные периоды и из разных областей, так что в японский язык вошло несколько вариантов китайских прочтений. «Сэй» и «сё» самостоятельно не встречаются, а лишь в комбинациях с другим или даже третьим иероглифом. Так, комбинации «сэй-кацу» означают «жизнь» и «се-гай» также — «жизнь», но в смысле ее продолжительности. Тот же иероглиф имеет и другие прочтения и в соответствии с этим — различные значения. «Икиру» — жить, «икасу» — оживить, «икэру» — аранжировка цветов, «уму» — родить, «умарэру» — родиться, «хаэру» — расти, «нару» — появиться. При этом только первый слог пишется упомянутым иероглифом из пяти штрихов. Гласные «и» и «у» в начале слов играют в японском роль самостоятельных слогов, так что «икиру» пишется с по-

мощью упомянутого китайского иероглифа с прибавлением двух знаков слогового письма, а именно «ки» и «ру». Однако и это еще не все. Тот же иероглиф может быть еще прочтен как «ки» и «нама» и означает в этом случае «быть сырым, свежим, живым», как «убу» — «скромный» и «фу» в словосочетании «сибафу» — «газон», и в заключение еще и как «содзуру» или «содзиру» — «производить, породить».

Если японский письменный язык не лишен известного коварства, то в разговорном его еще больше. Писатель Такэси Кайко принадлежит к поколению, для которого катастрофа, постигшая Японию в 1945 году, а также наступивший послевоенный духовный и экономический хаос сделали главными событиями жизни. Будучи хорошо знаком с границей, он в 1965 году написал рассказ, проникнутый несвойственным японцам сарказмом, под названием «Мечь солдата». События в нем разыгрываются во Вьетнаме. Американский капрал входит в комнату японского журналиста, который только что закончил статью для одного токийского журнала. Американца удивляет обилие японских иероглифов. Японец ему возражает: «Трудность не в иероглифах, а в тексте. В Японии ценится только такой текст, из которого нельзя понять, о чем идет речь. Овладение техникой соединения понятного с непонятым — вот в чем трудность. Говорить ясно — плохо, неопределенно — хорошо. Еще лучше, если на вопрос можно одновременно ответить и да, и нет».

Такэси Кайко — крупный писатель. Читая этот отрывок, я вспомнил несколько часов, проведенных на скамье для публики в японском парламенте, и то тягостное чувство, которое охватило меня, когда я, несмотря на максимум внимания, не мог уловить смысла произносившихся речей и потому все больше сомневался в своем знании языка. Я бросил умоляющий взгляд на японского друга, но он ответил: «Весьма сожалею, но я тоже почти ничего не понимаю». Значит ли это, что никто из выступавших не владел ораторским искусством?

По мнению одного профессора самого прославленного японского университета, японец будто бы понимает лишь 85 процентов из того, что говорит другой человек. Обычно этих 85 процентов вполне достаточно для достижения безошибочной коммуникации. В Японии часто

партнеры в разговоре друг с другом задают встречные вопросы. «Говорить ясно — плохо», — заметил Такэси Кайко. Возможно, неопределенность в языке считается в Японии проявлением добродетели.

К гостю обращаются с вопросом, не хочет ли он еще чего-нибудь съесть или выпить. «Кэкко дэсу», — ответит он. И, если ответ не сопровождается соответствующим жестом, неясно, подразумевается ли под этим «да, пожалуйста» или «спасибо, нет». Французы говорят: «То, что выражено неясно, выражено не по-французски». Для японцев же скорее: «То, что выражено ясно, — не по-японски». Ибо категоричность в разговоре противна японскому чувству вежливости, так как тем самым партнер ничего не может добавить от себя. «Сегодня прекрасная погода!» — так в Японии не принято говорить, ибо откуда говорящий знает, находит ли его партнер погоду такой же прекрасной. «Погода, видимо, хорошая», — сказал бы японец или очень вежливо: «Не находите ли вы, что погода прекрасна?» К тому же отнюдь не считается невежливым, если тот, к кому обращаются, перебивает говорящего, заканчивая начатую им фразу. «Кино дзисин га...» («Вчера землетрясение...»), — говорит кто-то, а его партнер продолжает: «А, со, со, аримасита, нэ» («Да, да, произошло»).

Слова, так, во всяком случае, считает писатель Дзюньитиро Танидзаки, в японском языке скорее играют роль психологического стимулирования. Сообщение одного становится таковым лишь через ассоциации и воображение другого. В этом случае остается немало возможностей для собственной интерпретации. В повседневной жизни, а также в художественной литературе это может быть очень мило, там оно по крайней мере не вызывает никаких проблем. В научных же исследованиях все обстоит иначе, если, скажем, использовать понятия, не уточнив заранее, что под ними подразумевать. В Японии избегают четких определений, за исключением, разумеется, области точных и естественных наук. Во время одного научного симпозиума, проходившего в Киото, часто употреблялись в качестве основных понятий «киндай» и «киндайка», что означает «новый» и «модернизация». Появилась опасность, что дискуссия будет обречена на провал, так как каждый ее участник был уверен, что все остальные поймут оба термина точно так же, как понимает он сам. Но дискуссия доказала,

что это было отнюдь не так. В качестве «гайдзина» я осмелился полюбопытствовать, не разъяснит ли кто-нибудь мне по-дружески эти два понятия. У многих вырвалось «наруходо» («разумеется»). Кое-кто посмотрел на меня с таким видом, что нет ничего проще, но, когда он же попытался объяснить упомянутые термины, из этого ничего не вышло. Мысли крутились вокруг одного и того же, пока он озадаченно не замолчал.

Многозначность в японском языке — скорее правило, чем исключение. «Танака-ва Ясуи-но сосэцу-но сэмпай дэатта» — это, в сущности, очень простое предложение, однако его не так просто перевести. Оно означает, что Танака («сэмпай» — «сеньор») помог войти в литературу Ясуи. Но здесь неясно: начал ли Танака писать рассказы раньше, чем Ясуи, или Танака раньше, чем Ясуи, сделался известным писателем, или, возможно, Ясуи учился писательскому делу у Танаки.

Вероятно, это не так сложно, как кажется на первый взгляд, ибо часть многозначных предложений разъясняется в общем контексте. Кроме того, редко приходится иметь дело лишь с одним предложением и, как правило, человек знает, о чем идет речь. Однако неопределенность, многозначность присущи японскому языку, и это доставляет большие хлопоты человеку, живущему в иной языковой среде и желающему овладеть им. Так как простое заучивание в данном случае не поможет, необходимо переосмысление.

В немецком или в других языках индоевропейской семьи говорящий всегда исходит из самоидентификации. Он начинает свою речь с «я», независимо от того, кто является его партнером. В японском языке все происходит как раз наоборот. Сначала говорящий должен обдумать, какое положение в обществе занимает лицо, к которому он обращается, как бы идентифицировать его. Только тогда говорящий может правильно сориентироваться. Решающее значение имеет то, в каких отношениях находятся между собой партнеры. Поэтому японец часто испытывает большую неуверенность и беспомощность, когда вынужден обратиться к совершенно чужому человеку. Добровольно он редко пойдет на это, ибо лишен возможности пользоваться устоявшейся системой «табели о рангах». Если же он изберет нейтральный разговор, то поставит себя с собеседником на одну ступень, а тот может это истолковать как невежливость.

Прояви же он излишнюю учтивость, то сделается посмешищем в глазах партнера, если ему по занимаемому общественному положению отнюдь не подобает такая учтивость.

Эта предопределенность места каждого человека в системе социальной иерархии служит в Японии решающей предпосылкой для безукоризненного функционирования языковых коммуникаций. Другими словами, беседовать в Японии означает также признавать социальные отношения взаимозависимости. В случае несоблюдения общественных традиций можно натолкнуться на ледяную холодность партнера, которая, однако, вызвана скорее чувством, чем разумом. Со всем этим может быть связано и то, что в Японии, например, политический деятель во время предвыборной кампании, если хочет привлечь внимание избирателей к своей кандидатуре, редко выступает с монологом перед телевизионной камерой. Как ему, в самом деле, обратиться к телезрителю? Если он выступит слишком официально, то получит как раз обратное тому, на что рассчитывал. Спортивный репортер, комментируя по телевидению футбол или любимый японцами бейсбол (хотя в Японии, особенно со времени Олимпийских игр 1964 года, и начали играть в футбол, он все же не стал очень популярным), берет себе в пару какого-нибудь специалиста, а зритель становится как бы участником их диалога.

Японец чувствует себя неуверенно, если его партнер, слушая его длительное время, никак не реагирует на монолог, ему необходимо, чтобы тот изредка бросал: «Ах так!», «На самом деле?», «Да, да», «Поразительно!» и т. п. Эти возгласы доказывают, что слова его услышаны и дошли до сознания партнера.

Во время беседы на европейских языках нельзя обойтись без личных местоимений. В японском выбор их довольно велик, однако японцы их почти не употребляют. Японский лингвист, наблюдавший однажды за беседой сорокалетнего учителя начальной школы, отметил, что тот использовал для обозначения самого себя семь различных слов, то есть семь вариантов того, что в европейских языках выражается одним «я». «Ватакуси, ватаси, боку, орэ, атай» — это перечисление можно было бы продолжить, и все эти слова означают «я». «Аната, кими, омаэ, кисама» и т. п. — в переводе на европейские языки «ты» и «вы». Каждое из упомянутых местоиме-

ний свидетельствует о различной степени скромности, выражает таким образом учтливое обращение различных оттенков. Это означает, что употребление их зависит от того, кто с кем говорит. Среди приведенных выражений, например, есть такие, которые употребляются только мужчинами. Речь японских женщин отличается большой почтительностью, что выражается прежде всего в форме сказуемого. Есть слова, которые не принято произносить представительницам слабого пола. Среди местоимений к ним относятся «боку» и «орэ». Если женщина говорит о себе, она употребит «ватаси» или «ватакуси». «Аната» — довольно почтительное обращение, «омаэ», напротив, означает, что тот, к кому обращаются, находится на более низкой ступени социальной лестницы. Молодые парни обращаются друг к другу чаще словом «кими». Так же могут обращаться к своему ученику учитель, профессор — к студенту. Здесь присутствует известная степень интимности. Женщина говорит своему мужу и детям (прежде всего дочерям) «аната». Некоторые японские мужчины обращаются к своим женам также с «аната». И те и другие «аната» могут редуцироваться в «анта». В этом случае обращение звучит еще более интимно. Его можно произносить интимно-ласково, но это зависит от обстановки.

В прежние времена муж принципиально обращался к своей жене с «омаэ». И сейчас довольно часто можно услышать «омаэ», но вместе с тем молодой супруг зачастую обращается к своей жене с «кими». Однако с появлением на свет первого ребенка в словесном общении супругов многое меняется. Жена, подражая собственному ребенку, начинает обращаться к мужу словом «ото-сан» («отец»), а в семьях, живущих в крупных городах, — словом «папа». Обращения «мама» и «папа» — заимствования послевоенной Японии. «Ото-сан» означает «господин отец», а «ока-сан» — «госпожа мать». «Мама-сан» также употребляется, но под этим подразумевается не собственная «госпожа мама», а «владелица бара». Когда ныне молодой муж, демонстрируя свою демократичность, обращается к своей жене с «кими», старшему поколению это не очень нравится, хотя поколения «омаэ» и «кими» сосуществуют сегодня в Японии, и, видимо, вполне мирно.

Одним выбором личного местоимения можно не только выразить свое отношение к визави, но и показать

собственное настроение в данный момент. Ученик или студент обращается к своему учителю не с «аната», а с «сэнсэй». Мне приходилось быть свидетелем того, как некоторых японских профессоров порой прямо передергивало, когда какой-нибудь изучающий японский язык студент обращался к нему с «аната», а не с «сэнсэй». Студент делал это без злого умысла: ведь его учили, что «аната» означает «вы». К директору фирмы или к президенту объединения также не обращаются со словом «аната», а только с «сэнсэй» — «господин директор» или «господин президент». Если надо обратиться к императору, ситуация намного осложняется. Рассказывают забавные истории о молодых репортерах радио и телевидения, которые покрывались испариной, когда им приходилось вести передачу об императоре и императорском дворце, ибо множество особых форм почтительности, которые необходимо соблюдать в данном случае, были молодым людям не очень знакомы. Но с тех пор минуло уже много лет, и прочитать об этом можно еще только в трудах японских лингвистов, приводящих примеры трудностей японского языка при употреблении форм почтительности.

Ученик спрашивает: «Сэнсэй, до омоимасу ка?» — «Учитель, что он подразумевает?» И учитель отвечает: «Сэнсэй — ва ко омоу...» — «Учитель подразумевает следующее...» Однако несдобровать студенту, если он предложит подобный перевод. Нужно так: «Что вы думаете об этом, господин учитель?», «Я вижу это таким образом...»

«Я иду за покупками». В этом предложении для нас местоимение «я» совершенно необходимо. «Каймоно-ни ику» или «каймоно-ни икимасу» в равной мере означают: «Я пошла за покупками», но во втором случае это сказано лишь несколько почтительнее, чем в первом. В японском языке, однако, имеется лишь «каймоно-ни» («за покупками») и «ику» или «икимасу» («идти»). «Я», а также любое другое лицо как бы подразумеваются внутри предикативной формы глагола «ику».

Я решил остановиться на некоторых трудностях японского языка, чтобы показать, что при переводе его на другой язык невозможно обойтись без потерь, и это касается не только художественных произведений, хотя здесь трудности и потери особенно велики. В наибольшей степени это относится к поэзии, когда приходится

иметь дело с такими специфическими японскими стихотворными жанрами, как «хайку».

Фуру икэ я
кавадзу тобикому
мидзу-но ото.

Кому из японцев не знакомо это «хайку» прославленного мастера поэзии Басё?

Старинный пруд,
лягушка прыгнула в него,
звук воды.

Это дословный перевод. Не все воспримут его как прекрасное стихотворение. Однако в нем достигает своей кульминации символичность, свойственная японскому языку, и не только поэтическому. Переход от одной детали к другой или, как в приведенном стихотворении, от образа к образу — от тишины у старинного пруда к движениям прыгающей лягушки и, наконец, к нарушившему тишину всплеску воды, — неопределенность, тонкие намеки — все это оставляет простор для широкой интерпретации, включая собственные ощущения и опыт.

Таким образом, японский язык отличается большим своеобразием, отражающим своеобразие японской жизни, которое остается большей частью скрытым, пока человек не освоит язык. В сущности, сказанное можно отнести к любому языку. Знание языка наверняка не в состоянии устранить всех недоразумений и ошибок в суждениях о «Японии и японце», но оно способствует тому, чтобы их было меньше. Вызывает удивление смелость тех, кто занимается Японией, не умея при этом ни читать, ни писать, ни говорить на языке страны. Конечно, есть сферы деятельности, где без подобных знаний можно обойтись, но духовно-этическая сфера не терпит такой смелости, да и можно ли это назвать только смелостью.

Любой человек сегодня получает широкую информацию о Японии и без знания ее языка. Материалов по Японии (особенно на английском) в настоящее время такое изобилие, что все их трудно даже освоить. Иностранец, проживающий в этой стране, равно как и путешественник, вполне может обойтись и без языка. Однако насколько он, живя в Японии или путешествуя по ней, читая прессу на английском языке, которая предоставляет ему лишь отфильтрованные материалы, подготовленные немногими владеющими этим языком японца-

ми, приблизится к истинному пониманию «Японии и японцев», трудно сказать.

Сами японцы, хотя и осознают сложности своего языка, вполне с ними справляются, и когда они видят, что иностранец, для которого их язык все равно что для альпиниста преодоление гладкой отвесной скалы, изучает японский, то проникаются восхищением и благодарностью к человеку, забывшему несколько крюков в эту скалу и вскарабкавшемуся по ней немного вверх.

Студент, изучающий японский язык и в первый раз пытающийся применить его на практике, с сияющим от счастья лицом передает услышанную им от кого-то похвалу его японскому языку, которая скорее всего вовсе не отражала истинного положения дел, а была данью вежливости в сочетании с прямо-таки болезненным страхом японцев подвергнуть кого-нибудь критике. Или кое у кого из старшекурсников радостно забьется сердце, когда японец ему скажет: «Вы говорите по-японски лучше, чем японец». Если в первом и во втором случае студент примет все за чистую монету, это может привести к губительной для его будущего ошибке в оценке своих знаний. Японец, похваливший студента, вовсе не руководствовался лестью. Был ли он полностью в этом убежден — другой вопрос, но он старался не обидеть. Ведь не каждый в своих суждениях так же резок, как уже не раз упомянутый писатель Дзюнъитиро Танидзаки, откровенно заявивший, что как бы хорошо иностранец ни знал японский язык, овладеть им в совершенстве он не сможет никогда.

Наверняка немногие из тех, кто собирается изучать японский язык, знакомы с этой точкой зрения Танидзаки. Но и зная о ней, они не отказываются от своего намерения, предполагающего немного одержимости или любви к приключениям. И это хорошо. По официальным японским статистическим данным, в конце семидесятых годов около 300 тысяч молодых людей во всем мире (без Китая) посвятили себя изучению японского языка. Это, конечно, не так уж и много, однако по сравнению с прежними временами (под «прежними временами» подразумевается период до пятидесятих годов) это число огромно. А когда слышишь, что к началу восьмидесятых годов в Китае будто бы насчитывалось примерно 10 миллионов человек, которые начали изучать японский язык, приходишь в изумление.

ДОПОЛНЕНИЕ К ГЛАВЕ О ЯЗЫКЕ

Если вы стремитесь не совершать никаких ошибок, то не должны отступить от правила: во всем быть правдивым, ко всем без исключения относиться с почтением и быть немногословным.

Хорошо, когда любой человек — и мужчина, и женщина, и стар, и млад — следует этому правилу, но особенно неизгладимое впечатление производят молодые, приятной наружности люди, если они продумывают каждое слово.

Кэнко-хоси. Цурэдзурэгуса (Записки от скуки)

Моя растерянность вот-вот перейдет в отчаяние. Маленькое кафе за углом со своими четырьмя-пятью столиками предлагает раннему гостю «монингу сабису», «кохи», «тосуто», «дзяму», «бата». Кроме того, имеется «тидзу кэки», «аппуру-пай» и «хаму-сандо» или «миккусу-сандо», хотя и не как «монингу сабису». Так аккуратно написано в меню, однако не «ромадзи» («римскими знаками»), то есть латинскими буквами, которыми с особым пристрастием пользуется реклама (и не только она), а катакана — одной из двух японских слоговых азбук. «Монингу сабису» — если это произнести несколько раз вслух по буквам, то обнаруживается английское «morning service», которое подразумевает специальное утреннее обслуживание клиентов по сниженным ценам. «Кохи» — означает «кофе». «Тосуто», «дзяму» и «бата» тут же отождествляются с «тостами», «джемом» и «маслом». Слова «тидзу кэки» и «аппуру-пай» также не составляют больших трудностей, так как произошли от «cheeze cake» — «творожный пудинг» и «apple pie» — «яблочный пирог». Но что же означает «хаму-сандо» и «миккусу-сандо»? «Хаму» и «миккусу» можно еще с грехом пополам перевести: «хаму» происходит от английского «ham» — «ветчина», а «миккусу» может означать только «mixed», то есть «смешанное». Но что такое «-сандо»?

Сонная официантка, лицо которой для утра слишком

густо покрыто косметикой, давно крикнула мужчине за стойкой: одно «хотто-ван», то есть «hot, one» («один горячий»), после того как ее просили на безукоризненном, по мнению заказчика, японском языке подать кофе. А теперь она, проявляя некоторое нетерпение, ждет, чтобы клиент заказал еще что-нибудь. С трудно скрываемой сострадательной улыбкой она разъясняет растерянному гостю, что «-сандо» представляет собой «сандоитти», то есть «сэндвич». В Японии — это два сложенных ломтика очень белого, мягкого и почти безвкусного хлеба, которые проложены или несколькими листиками салата, или кусочком отварной ветчины («хаму-сандо»). Если же он подается с яичницей-болтушкой или еще с чем-нибудь, то это «эггу-сандо».

Наконец все трудности преодолены. «Кохи» отличный, правда, неплохо бы заказать еще чашечку «хотто-ван». Теперь достаешь «райта» («lighter»), то есть зажигалку, хотя можно было бы воспользоваться «матти» («matches»), спичками, которые лежат на каждом столе в прелестных маленьких коробочках как «сабису» — бесплатный сервис. Если клиент проявляет склонность к коллекционированию (а при виде столь привлекательных этикеток на мини-коробочках легко впасть в такой соблазн), он получит в Японии много удовольствий, однако в конце путешествия у него может не оказаться места в чемодане. Из «райта» высечен огонь, но оказалось, что нет «табако» (слово «табак» означает в японском «сигареты»). Приходится просить официантку принести маленькую пачку «Сэбун сута» («Семь звезд») — популярная марка, выпускаемая японской табачной промышленностью и являющаяся монополией государства. На упаковке написано на «ромадзи», а также на правильном английском языке «Seven Stars», однако на японском языке они называются «Сэбун сута», а не «Сэбун сутасу». Если бы не ранний час, можно было бы позволить себе «Ондза-рокку» («On the rocks») — «виски со льдом», но ограничиваешься «кохи» и «табако» и торопливо читаешь в газете о краже в «Рабу-хотеру» (очевидно, «Love hotel»), размышляешь об этом «Отеле любви» не без удивления, поскольку проституция в Японии запрещена законом от 1 апреля 1958 года. Ведь не может закон быть первоапрельской шуткой! А это невольно приходит на ум, когда думаешь о «торуко-буро» — «турецких банях».

Вспоминается поездка на машине в невыразимо прекрасные Нихон аруппу — Японские Альпы. День клонился к вечеру. Внезапно перед нами возник рекламный щит, установленный перед «мотэру» — «мотелем», и я обратился к своему другу с вопросом, нельзя ли здесь переночевать. Однако он лишь усмехнулся и сказал: «Нельзя, ведь мы не „авэку“». От французского «авес» — «с» (предлог) — в японском языке подразумевается быть с дамой («парочка»). Неужели все мотели в Японии выполняют подобные функции? Мой друг заверил меня, что это действительно так. Но можно было также привести доказательства обратного.

«Рабу-хотэру» наводило на мысль о «рабу-син» («love scene»), о любовной сцене в театре и кино, и о «рабу-рэта» («love letters»), любовных письмах. Для них в Японии существует прелестное слово «коибуми», но немногие молодые люди знакомы с ним, а если знакомы, то считают его слишком устаревшим. Кто хочет быть современным (а кто же этого не хочет?), тот скажет «рабу-рэта». В газете шла речь еще об одной проблеме — о «патотайма» («part-timer»), о занятых неполный рабочий день, а также о «дзэнэ-суто», «дзэнэрау суторайки» («general strike»), всеобщей забастовке.

Однако мое время истекло. Я взял свои «сан-гурасу» (от «sunglasses» — «темные очки»), которые до конца второй мировой войны назывались «куромэганэ», и направился к кассе, ибо в Японии расплачиваются не за столом, а в кассе, около выхода, и едва не забыл свое «оба» («overcoat») — пальто. «Са-н-кью бэри мати», — произнес мужчина за кассой. Между тем он мог бы сообразить, что его гость понял бы и «аригато» — «спасибо». Но гость был «гайдзином» — «иностранцем», и поэтому человек за кассой, вероятно, счел более уместным пробормотать «са-н-кью бэри мати». Возможно, он хотел намекнуть, что умеет говорить по-английски: ведь «са-н-кью бэри мати» — это не что иное, как японизированное «thank you very much», то есть «большое спасибо».

Я был настолько погружен в размышления, что едва не угодил под колеса «патока» («patrol car») — полицейской машины. Но все обошлось благополучно. Никто даже не накинулся на меня с бранью. На грубый окрик: «Ты что, ослеп?» — не стоит обращать внимания, поскольку для японцев это нехарактерно.

Тем временем мой взгляд привлекла витрина мага-

зина электротоваров. Большими буквами на стекле выведено: хому но хэрупа. «Хому» («home» — «дом») и «хэрупа» («help» — «помощь») заимствованы из английского языка, а «но» — служебное слово в японской грамматике. «Хому но хэрупа» означает «помощник в доме». Пылесос был рекламирован как «дэнки-но хому мэдо». «Дэнки» означает по-японски «электричество», «мэдо» — английское слово «maid» («девушка»). Таким образом, покупатель пылесоса приобретал «электрическую домашнюю работницу».

Непосредственно к упомянутому магазину примыкала небольшая площадка. Здесь можно было купить «сэкандохандо», или «сэкохан»-машину, то есть легковую автомашину из «second hand» — «вторых рук» (подержанный автомобиль). На некоторых из них было написано: «эа-кон». Снова теряешься в догадках. «Эа-кон» как будто не похоже на чисто японское слово. С трудом можно догадаться, что за ним скрывается английское «air-conditioner» — «кондиционер». Для «эа-кон» имеется еще одно произведенное от английского слово — «руму-кура» («room cooler»), то есть установка для охлаждения воздуха (куръез, однако, заключается в том, что такого словосочетания не существует ни в английском, ни в американском варианте английского языка). Это напоминает «сарари-ман» («salary man» — «служащий»), а также появившееся в 1959 году слово «афуга-сабису» («after service»), что означает обслуживание клиентов, или техническое обслуживание, и бесплатные (или платные) услуги по ремонту товара изготовителем. Хотя таких словосочетаний в английском нет, любой японец уверен, что они английского происхождения. Это не что иное, как «васэй эйго» («English made in Japan») — «японский английский». Одному богу известно, кто изобрел для подобных выражений несколько лет назад слово «Japlish» («джэплиш»).

С покупкой «сэкандохандо» — «автомобиля» ничего не вышло, хотя на «курума» («машине») — это на сей раз чисто японское слово — было бы удобнее всего добираться до «сэкандо-хаусу» («second house»), то есть на «дачу». Однако можно обойтись и без «курума».

До двадцатых годов нашего столетия под словом «курума» в городе подразумевался не автомобиль, а рикша (одно из немногих слов, вошедших в международный словарь), в японском — «дзинрикиша» («человек-повоз-

ка»). А за то, что я не приобрел «курума», я заслужу, возможно, благодарность японской общественности, ибо на задней стенке автобуса, который только что ушел из-под моего носа, начертано: «Со-энэ!» — «Экономьте энергию!», то есть оставьте свой автомобиль дома и пользуйтесь автобусом. Китайский иероглиф «со» означает «экономить», а два иероглифа из катаканы читаются как «э» и «нэ». «Энэ» от английского «energy» — «энергия». «Со-энэ» — призыв, который появился в Японии в 1973 году и был услышан и промышленниками, и чиновниками, и домашними хозяйками. Многие промышленные нации могли бы у Японии поучиться претворять в жизнь столь необходимые лозунги.

«Экономьте энергию!» Так что я отправился к ближайшей станции метро, чтобы внизу, прежде чем сесть в вагон, еще успеть выкурить сигарету (в городском и пригородном транспорте принципиально не курят), однако объявление гласило: «кинъэн тайму от 7.00 до 9.30 и от 17.00 до 19.00». Пришлось считаться с этой просьбой не курить в указанные часы. «Кинъэн» пишется при помощи двух китайских иероглифов и означает «курить запрещается», «тайму» — английское «time» — «время».

Утренний «рассю ава» («rush hour» — «час пик») с его устрашающей теснотой в поездах тем временем миновал. У каждого пассажира сидячее место. Вот не первой молодости женщина накладывает на лицо косметику — подрисовывает брови, покрывает толстым слоем пудры щеки, красит в ярко-красный цвет губы. В довершение ко всему укладывает перед маленьким, карманным зеркальцем волосы. Все это производит довольно неприятное впечатление, тем более что женщина уже не в том возрасте, когда подобного рода действия могут доставить некоторое удовольствие. Однако японские пассажиры, казалось, ничего не замечают. Каждый занят своим делом: одни читают, другие спят. У многих японцев появилась завидная способность засыпать как только они попадают в общественный транспорт. В то утро в метро каждый вел себя так, словно другие для него вообще не существовали, ибо каждый в отдельности находился вне «собственной» группы. Кругом были чужие люди, которые его совершенно не интересовали.

Наконец-то женщина прячет свои косметические принадлежности («кэсёхин»). Есть слово «кэсёсицу», где «кэсё-» — «косметика», а «-сицу» — «помещение». Одна-

ко это отнюдь не «салон косметики», тот называется «бэин», а в Токио некоторые владельцы подобных заведений под японским названием ставят еще английское «Beauty Academy» — «Академия красоты». Кто этому не верит, пусть садится в Токио с платформы Синдзюку и едет по городской железной дороге в направлении уни-вермагов, принадлежащих некоему торговому концерну, и сразу после остановки «Такада нобаба» выглянет с левой стороны в окно. Так что «кэсёсицу» — «косметическое помещение» — отнюдь не «салон красоты», а на языке мужчин — «бэндзё» — «общественная уборная». От молодой, довольно бойкой японки мне приходилось слышать «о-бэндзё» — «почтенная общественная уборная». Я также слышал и «о-тэарай» — «почтенное мытье рук», и «о-тойрэ» — от английского «toilet» — «туалет» с добавлением «о-» — «почтенный», хотя переводить «о-» как «почтенный» — бессмыслица, ибо это лишь вспомогательное средство с целью придать сказанному оттенок вежливости. При выходе из метро в конце платформы можно было также прочесть на «ромадзи»: «Toilet».

Однако что касается «кэсёсицу», то к данной теме оно не имеет отношения. Возможно, оно относится к языковым табу и языковым маскировкам, о которых здесь уже говорилось.

На каком бы лингвистическом феномене мы ни остановились, все они свидетельствуют о невероятной гибкости японского языка — и не только в отношении его словарного состава. В последнем это обнаруживается легче и быстрее. Не одна тысяча английских слов вошла в японский язык, особенно после второй мировой войны. Правда, их заимствовали и раньше, но, за немногим исключением, тогда они не стали составной частью разговорного языка. Слов, взятых из других европейских языков, значительно меньше. Например, к ним относятся слова из немецкого языка «арубайто» и «гэбаруто». «Арубайто» — не только работа, как таковая, но и «гакусэй арубайто», то есть такая работа, которая дает возможность студенту зарабатывать на жизнь и на учение. Это слово изобрел в 1947 году один писатель, теперь оно прочно вошло в обиход. В 1968 году появилось слово «гэбаруто» — «насилие», которое вскоре было сокращено до «гэба». В 1971 году, когда внутри японского студенческого движения происходили ожесточенные дискуссии, которые то и дело кончались

потасовками, появилось выражение «ути-гэба» — «внутреннее насилие».

Японский язык вбирает в себя слова, сокращает их, объединяет с собственными словарными компонентами, а «масукоми» — «массовые средства информации», и прежде всего многочисленные еженедельники наряду с телевидением, заботятся об их распространении, темпы которого с начала «тэрэби-дзидай» — «эпохи телевидения», наступившей в 1954 году, все нарастают. Это же относится и к так называемым модным словам. В настоящее время регулярно издаются словари «модных слов», листать которые порой интереснее, чем современную историю Японии. Часто новые слова весьма выпукло отражают определенные общественные явления, попадая прямо в «цель».

В 1949 году, когда в Японии словно грибы после дождя выростали частные университеты, родилось слово «экибэн дайгаку». «Экибэн» — сокращение от слова, обозначающего закуску из риса с несколькими приправами, которую продают на вокзалах в маленьких, сделанных из стружки (теперь чаще из пластмассы) коробочках. Как только останавливается поезд, появляются продавцы, которые бегают вдоль вагонов и громко расхваливают свой товар. «Дайгаку» же означает «университет».

В 1961 году, когда в Японии начал стремительно расти жизненный уровень, журналисты включили в родной язык слово «рэдзя» — от английского «leisure» — «досуг». Несмотря на то что для обозначения досуга есть японские слова, с тех пор употребляется почти только «рэдзя»; вскоре появилось «рэдзя-буму» («leisure boom») и, наконец, «рэдзя-сангё» — китайско-японское слово «сангё» означает «индустрия» — «индустрия досуга», то есть речь идет об индустрии, заботящейся о том, чтобы каждый человек мог провести свой досуг так, как он хочет, или как эта отрасль индустрии, которая достигла весьма значительных масштабов, внушает ему, что он хочет.

Большим облегчением для иностранца, изучающего фонетику японского языка, является небольшое количество слогов. Однако то, что для иностранца хорошо, для японца при заимствовании иностранных слов или при изучении иностранного языка плохо, особенно когда он изучает язык, для которого характерно сочетание согласных. Если же он пытается на бумаге привести эти

иностранные слова в соответствие с фонетикой своей слоговой письменности, то иногда подвергает их такому искажению, что трудно установить их происхождение. Например, слово «сандоитти» («sandwich»). Поскольку «сандоитти» в японском состоит из шести слогов вместо двух (как в английском), то его сокращают до «сандо», — сразу не поймешь, что это такое. Кроме того, в Японии заимствованные выражения произносятся точно так же, как пишутся. Таким образом, из «thank you very much» получается «са-н-кью бэри мати». Если же выговаривать слова правильно по-английски, например, «service» произнести как «сёрвис», а не «сабису», то рискуешь быть непонятым, ибо есть такие звуки, которые японец вообще не слышит или не различает, а то, что не воспринимается слухом, невозможно также воспроизвести фонетически.

На основании этого кое-кто полагает, что японцы занимаются искажением иностранных языков. Иные даже крайне удивляются, когда вынуждены констатировать, что в Японии применение английского (особенно разговорного), весьма ограничено.

Читать на каком-нибудь иностранном языке в Японии умеют многие и даже часто не на одном. Английский язык изучают в школе, а в университете каждый должен освоить второй язык. Для большинства японцев разговорная речь, восприятие языка на слух дается с трудом, но есть такие (и, в частности, среди моих японских коллег), которые настолько блестяще владеют как устным, так и письменным немецким языком, что я порой начинал сомневаться в собственных знаниях родного языка. Но они скорее исключение, хотя, возможно, не такое уж и редкое.

Следует иметь в виду, что в Японии много веков не было ни малейшей необходимости в изучении иностранных языков, разве что только китайского, да и то больше письменного, чем разговорного. Много ли было таких, кто в период изоляции служил переводчиками у нескольких голландцев на крохотном островке Дэдзима в бухте Нагасаки? А таких, кто мог общаться с представителями других наций, когда в середине прошлого века Япония вынуждена была открыть свои границы для международных связей? Вряд ли больше горстки.

Тем более достойно удивления то, как быстро эта горстка стала увеличиваться, превратившись в огромную

армию, и как велики были языковые успехи, достигнутые японским народом за весьма короткий, насчитывающий немногим более полувека исторический период, когда ему необходимо было изучать новейшие технические достижения других стран. Тогда-то японский язык и воспринял огромное число новых слов и сам изобрел немало слов. Так, для телеграммы было изобретено слово «дэмпо», то есть «электрическое сообщение», для локомотива — «кися» — «паровая машина», для автомобиля — «дзидося» — «самодвижущаяся машина». Кстати, в этом процессе заимствования весьма удобными оказались китайские иероглифы, так как с их помощью можно было легко обозначать нечто конкретное. Не только технические завоевания Запада открывали для себя японцы, но и духовные, культурные ценности, философские системы мышления, включая философию Гегеля, а также учение Маркса, Энгельса и Ленина. Эти великие открытия, совершенные поколением периода Мэйдзи (с 1868 по 1912 год), были не менее значительны, чем все успехи, достигнутые японским народом за последние десятилетия.

ЭКЗАМЕНАЦИОННАЯ ГОРЯЧКА

Воспитание важнее происхождения.

* * *

Нет ничего страшнее дурака.

Японские пословицы

Как только во второй половине января солнце начинает согревать землю и зацветают первые сливовые деревья, а вскоре облачаются в нежный розово-красный наряд и абрикосовые деревья, молодежь Японии охватывает настоящая горячка. Она не щадит и некоторых взрослых, но особенно болезненно влияет на «кёйку-мама» — «мам, одержимых образованием своих детей», для которых забота об этом самом образовании превращается в настоящую пытку. «Дзикэндзигоку» — «ад приемных экзаменов» открывает свои ворота. В Японии школьный год начинается так же, как и бюджетный, — с 1 апреля. Примерно с середины января до середины марта определяются жизненные пути десятков тысяч молодых людей.

Наверное, нигде в мире так часто и настойчиво не спрашивают человека о «гакурэки» (его образовании), как в Японии. Если он закончил учение, то интересуются не столько тем, какую дисциплину изучал, сколько, какой университет окончил. Подобные расспросы имеют свои традиции и мотивы, коренящиеся в историческом прошлом страны и в некоторых ее социальных особенностях. Однако вряд ли этим можно объяснить особое пристрастие японца к учебе, «врожденное» рвение или даже некую одержимость образованием. Разумеется, чем выше культурный уровень, тем больше тяга к знаниям и к дальнейшему усовершенствованию образования.

Однако если прилежание в учебе и стремление к образованию считать характерными чертами японцев, то нельзя забывать, что эти черты являются результатом

системы осознанных и, очевидно, уже ставших неосознанными принуждений. Образование означает в Японии социальный престиж, который в конце концов должен (правда, не всегда, а в прежние времена — в очень редких случаях) гарантировать материальное обеспечение. И сегодня многие ожидания остаются несбыточными. Допустим, некто после 12-летнего обучения в школе поступает на работу в довольно крупное предприятие. Когда ему исполнится 25 лет, его заработок составит в среднем 123 тысячи иен в месяц¹ (эти цифры были действительны для конца семидесятых годов). К 55 годам его ежемесячное жалование возрастет приблизительно до 268 тысяч иен. Если он, проработав на предприятии 30—35 лет, решил уволиться, ему выплачивается выходное пособие в размере около 9 миллионов иен. Выпускник же университета получает к 25 годам лишь немногим больше, чем его сверстник, окончивший только среднюю школу, а именно 134 тысячи иен. Однако к 55 годам его месячный заработок возрастет до 413 тысяч иен, а выходное пособие составит примерно 12,5 миллиона иен.

Само собой разумеется, что в Японии ценятся знания и умение. Но в обществе, которое по своей структуре представляет собой больше вертикаль, чем горизонталь, и которое ставит принципы старшинства и систему рангов выше принципа равенства, многое зависит от престижа школы или университета, где то или иное лицо получило образование. Как правило, более престижное учебное заведение обеспечивает и более высокий уровень знаний, чем менее престижное. Однако и в этом правиле имеются исключения. Репутация детского сада и начальной школы играет не такую уж большую роль, но престиж неполной средней и средней школы и особенно университета может иметь для дальнейшей судьбы японца решающее значение. Поэтому уже с самого начала родители делают попытки устроить своих детей в наиболее престижное учебное заведение. А каждое учебное заведение заботится о том, чтобы у него были такие абитуриенты, которые могли бы потом выдержать вступительные экзамены в престижную школу следующей, более высокой ступени. Таким образом, преподавание ориентировано на вступительные экзамены, программу

¹ В настоящее время 1000 иен соответствуют примерно 8 долларам.

для которых каждое учебное заведение определяет самостоятельно.

Это, однако, никак не отражается на качестве образования, как таковом. Если кому-нибудь удавалось присутствовать на уроках математики или эстетики в японской школе, то необязательно быть педагогом, чтобы тебя одолела зависть. Не один гость в Японии испытывает немалое смущение, когда гостеприимные хозяева вовлекают его в беседы о музыке, искусстве и литературе его собственной страны, проявляя при этом основательную эрудицию, даже если их профессия далека от предмета разговора. Смущение часто переходит в конфуз, когда гостя просят назвать имя хотя бы одного японского художника или писателя.

Итак, цель любой школы в том, чтобы как можно большее число ее учеников выдержало вступительные экзамены в наиболее престижную школу следующей ступени. Для частной школы престиж — вопрос существования, ибо с престижем растет число учеников, а чем больше учеников, тем больше доход. В 1946 году в связи с демократизацией школьного образования и с целью свести к минимуму элитарные школы были учреждены школьные округа. Ребенок может поступить только в ту школу, которая относится к школьному округу, где проживают его родители. Это правило не распространяется на университеты. Некоторые частные университеты создают собственные детские сады, начальные, неполные средние и средние школы. Многие из них ограничиваются только средней школой. Все подобные учебные заведения располагаются необязательно рядом с университетом. Так, учреждаются филиалы, которые размещаются сетевобразно по всей стране.

С конца семидесятых годов около 42 процентов выпускников средних школ продолжают учебу в высших учебных заведениях. Таким образом, более трети всей молодежи Японии учится сегодня в университетах.

Особенно возрастает престиж той средней школы, абитуриенты которой в массе своей успешно выдержали вступительные экзамены в одно из элитарных высших учебных заведений. Это относится и к другим ступеням обучения с той лишь разницей, что на нижних ступенях борьба проходит менее ожесточенно. Ученик, посещающий среднюю школу, подчиняющуюся тому или иному университету, почти уверен (если он намерен про-

должать свое образование), что выдержит вступительные экзамены в этом или в другом университете. Если он уже с детского сада был «прикреплен» к соответствующему университету, то при переходе в начальную, неполную среднюю и среднюю школу он избавлен от слишком изнурительной экзаменационной горячки, однако в этом случае постоянно истощается кошелек его родителей.

Ранг, к которому относится та или иная школа, можно каждый год довольно точно заново определять по опубликованным цифрам, свидетельствующим, сколько человек поступило из той или иной школы. Определить ранг высших учебных заведений гораздо сложнее, хотя в данном случае помогают средства массовой информации, которые объявляют занимаемое тем или иным университетом место в «табели о рангах», относя каждый к определенной группе. Однако уже имеется несколько постоянных «солидных величин», но и их слава не создавалась самотеком. Репутация университета зависит от того, сколько из его выпускников в течение довольно длительного времени сумело занять высокие и высочайшие посты в экономике, политике, государственном аппарате, средствах массовой информации, то есть в общественной сфере. Место, занимаемое университетом в «табели о рангах», почти не меняется. Сложилось даже мнение, что некоторые из них уже в течение нескольких поколений формируют из своих студентов совершенно определенный тип людей. Подчас по поведению и манере говорить нетрудно узнать, выпускником какого университета человек является.

Незыблем статус таких университетов, как Токийский, или, как его еще сокращенно называют, Тодай, который за свою более чем столетнюю историю выпустил множество выдающихся политиков самых разных направлений, прославленных ученых и не менее знаменитых управляющих экономикой. Почти такой же репутацией пользуются в Токио университет Хитоцубаси, славящийся прежде всего своими выдающимися учеными в области экономики и социологии, а также университеты Васэда и Кэйо; большую славу снискал Государственный университет в Киото.

Число участников в конкурсе при поступлении в упомянутые (и ряд других) университеты из года в год, можно сказать, стабильно. Для государственного уни-

верситета нет трагедии в том, что в иной год это число сократится на несколько тысяч, ибо они полностью находятся на государственной дотации, хотя, как считают ректоры, и не очень щедрой. Сетования на нехватку средств — пожалуй, любимая тема ректоров всех университетов. Наряду с государственными материальное обеспечение также гарантировано в муниципальных университетах, которые финансируются соответствующими муниципалитетами, городскими и префектурными управлениями.

Для частных же университетов число абитуриентов — едва ли не вопрос жизни. Хотя это число не подвержено слишком большим колебаниям, тем не менее каждый год приходится бороться за его сохранение. Так, при каждом частном университете в Японии имеется своего рода рекламно-информационное бюро, от сотрудников которого требуется, чтобы они прекрасно ориентировались в конъюнктуре рынка и одновременно были опытными специалистами по рекламе. Мне удалось познакомиться с деятельностью одного такого «бюро», а это немного, поскольку в конце семидесятых годов в Японии насчитывалось 310 частных университетов.

Не стану называть университет, скажу лишь, что существует он уже сто с лишним лет и временами заставляет много о себе говорить, так как его студенты обходились друг с другом и со своими преподавателями, мягко говоря, не очень корректно. В его ведении находится ряд весьма значительных учреждений, включая научно-исследовательский институт театрального искусства и хорошо оборудованный Институт истории международного рабочего движения.

«Бюро» упомянутого университета лихорадочно работает на протяжении всего года. Прежде всего надо решить, какое число студентов можно принять в будущем году. Еще более важный вопрос, как обстоит дело с финансами? Какова процентная сумма, которую необходимо внести за долги? А какой частный университет не имеет долгов! Однако это не так уж страшно, а при перманентной инфляции лучше всего снова отодвинуть погашение задолженности. Какова сумма всех остальных расходов? Как их покрыть? Следует ли повысить плату за обучение? Лучше не надо, ибо это неизбежно вызовет резкий протест студентов, который легко может перерасти в волнения, что, в свою очередь, повредит прести-

жу университета и приведет к сокращению числа будущих абитуриентов. Но при всей проведенной калькуляции концы с концами все равно не сходятся. Так что необходимо вернуться к самому началу. Если в университете имеются 5 тысяч вакансий, к экзаменам должны быть допущены приблизительно 80 тысяч поступающих, из которых экзамены выдержат не более 10 тысяч, а из них к занятиям приступит не более половины.

Все это подтверждается многолетним опытом. Дело в том, что каждый абитуриент сдает в среднем в различных университетах или на разных факультетах одного и того же университета от трех до четырех экзаменов, ибо зачастую он собирается слушать курс лекций в университете не с целью приобрести определенную специальность, а лишь для того, чтобы поднять свой престиж в глазах общества, поэтому проявляет почти полное безразличие при выборе факультета. Сроки сдачи экзаменов в разных вузах не совпадают. В головных университетах вступительные экзамены, как правило, начинаются раньше, чем в других вузах. В настоящее время сроки сдачи экзаменов настолько сжаты, что рискованно выжидать результат сдачи даже первого экзамена. Университет заинтересован в том, чтобы поступающий свои оставшиеся два-три экзамена также сдавал на одном из его факультетов, поэтому сроки сдачи экзаменов на разных факультетах одного и того же университета никогда не совпадают. Для чего все это делается? Плата за вступительные экзамены в 1980 году в зависимости от факультета колебалась от 18 до 20 тысяч иен. Расчет необычайно прост: доход от вступительных экзаменов составляет почти 16 миллионов иен. Хотя эта сумма в бюджете крупного университета не так уж велика, но и расходы, связанные с этим мероприятием, еще меньше. Так что после подсчета разницы остается весьма изрядный куш.

Допустим, абитуриент успешно выдержал экзамены и приступил к учебе. Но прежде чем ему будет дозволено прослушать первую лекцию, его попросят подойти к кассе, куда как новичок он должен будет уплатить вступительный взнос в размере 200 тысяч иен. Плата за первый год обучения составляет округленно 340 тысяч иен, а на факультете естественных наук или техническом — даже 540 тысяч иен. К этому добавляется еще некоторая плата за право пользования тем или иным оборудовани-

ем. Таким образом, счет за первый год обучения составляет в конце концов сумму в 620 тысяч иен (на естественном факультете — 910 тысяч иен). Обучение на медицинском факультете обходится еще дороже. Весной 1981 года газеты в Токио писали, что за год учения на этом факультете в частном университете приходится платить до 4 миллионов иен (кстати, не во всех частных университетах есть медицинские факультеты).

Но студенту необходимы еще деньги на жизнь. В целом обучение сына или дочери в частном университете обходится родителям в кругленькую сумму — в 2 миллиона иен, а изучение медицины — и того больше. Годовой заработок служащего министерства к 40—45 годам составляет приблизительно 4 миллиона иен. Значит, половину этой суммы он должен тратить на образование своего ребенка. Что касается девочки, то семья еще призадумается, стоит ли такую сумму «инвестировать» в дочь. 2 миллиона иен в год — это не пустяк. Многие студенты вынуждены между делом зарабатывать немного денег, а при определенных обстоятельствах даже полностью финансировать свое обучение. У студента есть еще возможность ходатайствовать о стипендии, и она ему чаще всего предоставляется в виде долгосрочного кредита. Некоторые университеты располагают частным фондом стипендий для особенно одаренных студентов. Правда, предполагается, что студент позднее вернет деньги, однако, если этого не произойдет, его не будут судить. Число стипендиатов по сравнению со всей массой студентов весьма незначительно, зато большое распространение получил «гакусэй арубайто» («студенческий труд»).

Каждое утро в привокзальных киосках студент может купить периодическое издание, которое называется «Арубайтоныюсу» («Новости о работе»). На титуле — подзаголовок по-английски: «The Daily Life of Students» («Повседневная жизнь студента»). На 50 страницах этого издания даны адреса лиц, которым требуются работники на кратко- или долгосрочную работу. Размер оплаты почасового или поденного труда указан тут же, рядом с номером телефона. Если студенту понадобится поступить на постоянную работу, он может переходить на имеющийся при некоторых университетах вечерний факультет или на заочный. В конце семидесятых годов насчитывалось около 100 тысяч студентов-заочников.

Я сижу в «бюро» у своего друга в Канде, районе Токио, славящемся множеством больших и маленьких букинистических магазинов.

— Чашечку кофе?— обращается он ко мне.

— Охотно.

Он снимает телефонную трубку. Через несколько минут появляется девушка из кафе напротив с кофейной посудой и термосом.

— Арубайто дэсу ка? (Это ваша работа?) — спрашиваю я ее.

— Хай, содэсу! (Да).

В сфере общественного питания особенно охотно прибегают к труду студентов и еще охотнее — студенток. Им прилично платят, однако сверх заработной платы они ничего не получают, все положенные для постоянных сотрудников социальные льготы на них не распространяются. Многие студенты поступают домашними учителями в семьи, которые могут себе это позволить. Иногда их нанимают для натаскивания отпрыска к вступительным экзаменам в высшее учебное заведение, или для обучения сразу всех имеющих в семье детей какому-нибудь иностранному языку, или просто для непринужденной беседы с ними.

Конечно, никто не заставляет человека с ежегодным скромным доходом в 4 миллиона иен посылать своего сына в частный университет. Если молодой человек считает необходимым получить высшее образование, почему бы ему не поступить в государственный университет? Там плата за обучение значительно ниже: в среднем составляет одну пятую платы в частных университетах. Но все дело во вступительных экзаменах, ибо, чем ниже плата за обучение, тем труднее доступ в университет, тем выше требования к вступительным экзаменам. И наоборот, чем выше плата за обучение, тем ниже требования. Но как одно, так и другое имеют свои исключения и границы. Однако от экзаменационной горячки никто не избавлен. Это, так сказать, национальный японский феномен, бывают даже трагические исходы. Число самоубийств несовершеннолетних возросло с 82 в 1977 году до 866 — в 1978, и тенденция к росту этого явления, по видимому, продолжается. Причины самоубийств часто связаны со школой. В среде экзаменаторов также имелись жертвы. Например, некий профессор сообщил кому-то, вероятно за соответствующую мзду, тексты экза-

менационных задач. Дело получило огласку, произошел скандал, и профессору не оставалось ничего другого, как покончить с собой.

В последних числах ноября университеты начинают публиковать объявления о приеме в крупных газетах. Сообщают отдельно о каждом факультете: число мест, расписание экзаменов, дату подачи заявлений для их сдачи. Справочники и нужные бланки можно приобрести в университете или в специализированных книжных магазинах, перечислив туда переводом около 1000 иен и почтовые расходы. Вот когда становится ясно, оправдали ли себя поездки по стране с целью посещения средних школ, оказали ли необходимое воздействие выпущенные многотысячными тиражами и отпечатанные на лучшей бумаге, прекрасно иллюстрированные проспекты, в которых университеты выставляли себя в самом выгодном свете, а главное, удалось ли изобрести и разрекламировать что-нибудь особенное, выделяющее именно этот университет среди всех остальных. Здесь нужно быть весьма находчивым. Кто пытается восстановить пошатнувшийся авторитет университетской бейсбольной команды, кто прельщает именами известных тяжелоатлетов, дзюдоистов или боксеров (хорошо, если среди них есть чемпионы мира), кто сообщает наличие тесных контактов с прославленным университетом другой страны, о возможности обмена.

Да, в Японии все делается очень последовательно. На почве «дзикэндзигоку» («ада вступительных экзаменов») возникла «дзикэнсангё» («индустрия вступительных экзаменов»). Ее многочисленные рекламы наводнили всю страну. Истинными инициаторами ее являются частные университеты. Средства массовой информации придали ей дополнительный импульс, приняв участие в рекламной шумихе, породившей нечто похожее на «экзаменационную индустрию». Так, автор нового курса английского языка сообщает, что этот курс состоит из трех частей, на каждую из которых приходится шесть кассет и два учебника. Стоит курс примерно 27 тысяч иен, содержит 97,5 процента всех английских слов, встречающихся на вступительных экзаменах в университетах, ибо составлен на основе тщательного анализа экзаменационных вопросов за последние 10 лет. Так что его следует хватать и не скупиться на деньги. Честно говоря, это не деньги, особенно если учесть, что всего

за пять минут ежедневного прослушивания одной кассеты можно в течение 12 месяцев усвоить весь курс.

Рекламируются и другие серии кассет, на которых, например, записаны выступления прославившихся выпускников отдельных университетов. Они укомплектованы по темам: «Что такое свобода?», «Человек и окружающая среда» и т. п. Польза от этого для сдачи вступительных экзаменов не так уж велика, но все-таки... а вдруг да пригодится. Хорошо бы вместе с кассетами приобрести «ёкуман»-«walkman» — стереофонический кассетный мини-магнитофон, который можно незаметно носить под курткой. В газете «Асахи» от 20 ноября 1979 года можно было прочитать о «ёкуман» как об одной из новых «трех святых инсигний» молодого поколения. «Три святые инсигнии» — это традиционные высшие ценности японского императорского дома, символизирующие его власть, — меч, зеркало и украшение в виде запятой из нефрита. К остальным двум «инсигниям» молодежи относились роликовые коньки в супермодном изготовлении и электронные наручные часы, разумеется, с календарем, секундомером, будильником и электронным мини-калькулятором. Было 30 разновидностей электронных часов. Год спустя мне показалось, что эти часы уже не обладали такой притягательной силой, как прежде, а стали обыкновенным товаром широкого потребления. (Настолько быстротечно время для некоторых вещей в Японии!) Катающиеся на роликовых коньках дети и молодые люди теперь не слишком часто попадались на глаза. Правда, для катания имеются специальные огороженные площадки, ибо на сегодняшних улицах с их давкой и толкотней это невинное удовольствие может закончиться плачевно.

Во всем мире много дискутируют вокруг проблемы образования. Зачастую дискуссии приобретают критический характер. Так, в Японии критика, и весьма резкая, высказывается на страницах ежегодника «Основы знаний о новейших понятиях», вышедшего впервые в 1981 году и затем каждый год переиздававшегося с дополнениями и изменениями. Там, в частности, сказано: «Большая часть частных университетов представляет собой своего рода учреждения для проведения досуга». И далее автор возмущается тем, что эти «учреждения» субсидируются государством. Многочисленные частные университеты в самом деле представляют серьезную проб-

лему, но не потому, что они с некоторых пор получают определенную (небольшую) денежную помощь из государственного бюджета, а скорее всего потому, что являются главными виновниками избытка выпускников высших учебных заведений. Нередки случаи, когда хорошо владеющей иностранными языками выпускнице женского университета приходится сидеть в министерстве иностранных дел и выписывать заграничные паспорта. И она еще довольна, что получила хотя бы такую работу.

Невзирая на всю сложность проблемы, отмечено, что одновременно с бурным экономическим развитием Японии, особенно в шестидесятых годах, в стране произошел взрыв в области образования. Мировая общественность истолковала его лишь как следствие бурного развития промышленности и не оценила по достоинству, хотя этот взрыв со всеми вытекающими последствиями был не менее значительным и внушающим уважение явлением, чем скачок в промышленности.

В 1950 году в Японии насчитывалось 1529 детских садов, 25 638 начальных, 14 165 неполных средних и 4292 средних учебных заведения, 201 университет и 149 так называемых краткосрочных университетов, своего рода колледжей. Последние были учреждены лишь в 1950 году и дают чаще всего двухлетнее гуманитарное образование, профессии учителя и воспитателя детского сада, а также по домоводству. Они вскоре приобрели широкую популярность, особенно среди девушек — выпускниц средних школ.

В конце семидесятых годов Япония располагала свыше 13 733 детскими садами, 23 241 начальной и 10 526 младшими средними школами. Что касается последних двух цифр, то они свидетельствуют о некотором спаде, однако вызван он тем, что в течение 30 лет были построены новые, более крупные по размерам школы, в том числе 4695 старших средних школ, 515 краткосрочных университетов, из которых 435 частных, и, наконец, 431 университет, из них — 88 государственных, 33 муниципальных и 310 частных.

Если в 1950 году старшую среднюю школу посещали примерно 2 миллиона детей, то в 1965 году эта цифра увеличилась приблизительно до 5 миллионов. В 1950 году число обучающихся в краткосрочных университетах составило около 15 тысяч, в 1960 году — уже 83 тысячи, а в 1980 — 380 тысяч. Численность студентов универси-

тетов возросла с 225 тысяч в 1950 году до 626 тысяч — в 1960 и примерно до 1,9 миллиона в 1980 году.

Эти цифры обнаруживают все большее стремление молодежи к высшему образованию, однако о преградах, стоящих на пути к этому образованию, они сказать не могут.

В Японии сегодня часто говорят о «синкансэнкёйку» («воспитании в темпе суперэкспресса»). Уже в младшей средней школе учебный материал преподносится чаще всего в виде лекций. Системы второгодничества в принципе не существует. Учитель ориентируется в основном на хороших учеников, в результате, по данным различных газет, примерно 30 процентов всех учащихся младших средних школ и даже 70 процентов всех обучающихся в старших средних школах не успевают усваивать учебную программу. В этих цифрах, хотя они и не официальные, имеется доля истины, иначе вообще нельзя было бы объяснить другой феномен: резкий рост частного репетиторства или вспомогательных школ, называемых «дзюку». В шестидесятых годах их насчитывалось несколько тысяч, а в начале 1977 года, по определению газеты «Асахи», уже 55 тысяч. Обследование, проведенное министерством по делам культов, показало, что в 1977 году в крупных городах Японии 20 процентов учеников пятых и шестых классов начальной школы и 45 процентов всех учеников младших средних школ посещали вспомогательную школу. По числу учащихся «дзюку» могут быть небольшими, однако имеются уже «дзюку», располагающие несколькими школьными помещениями, в которых занимается не одна сотня учеников. Есть даже «дзюку», в которой учатся более 3 тысяч человек. Но чтобы попасть в хорошую вспомогательную школу, ученику также надо выдержать экзамен, к которому его готовит другая вспомогательная школа. Получается, что ученик с утра посещает обычную школу, а после обеда и вечером — вспомогательную. Кроме того, он еще должен выкроить время для приготовления домашних заданий. Утром он встает невыспавшийся, вследствие чего не в состоянии усваивать уроки в обычной школе... Некоторым образом все это смахивает на заколдованный круг и, кроме того, ощутимо бьет по карману родителей.

Для выпускников старшей средней школы, которым после сдачи экзаменов не удалось с первой попытки по-

ступить в университет, имеются «ёбико» — подготовительные школы. Некоторые из них с недавних пор превратились в настоящие предприятия-гиганты, насчитывающие до 30 тысяч учащихся. Ученика здесь натаскивают исключительно для сдачи вступительных экзаменов в университет по заранее разработанной жесткой системе.

«Vitae, non scholae discimus» («Для жизни, не для школы мы учимся»), — сказал Сенека¹. В Японии скорее сказали бы так: «Для вступительных экзаменов мы учимся». Однако, может быть, я и неправ, ибо степень доступа к престижной школе или престижному университету отнюдь не безразлична для будущего человека. Проявляются ли при такой системе наряду со способностью к заучиванию творческие силы молодежи, остается под вопросом. Так что мы вновь вернулись к главе «Копирование или творчество?».

В японских педагогических училищах применяется система оценок знаний по очкам. «Тэнтори муси» называют ныне детей, «тэнторэ муси» — родителей, то есть «жучками, собирающими очки», и «жучками, заставляющими собирать очки». В этой самоиронии чувствуется изрядная доля горечи.

Взрыв в области образования затронул не только школы и университеты. С самого начала в процессе образования активнейшее участие принимало телевидение. В январе 1959 года, когда лишь примерно 10 процентов семей владели телевизором (сегодня в каждой семье имеется цветной телевизор), японское телевидение начало транслировать специальную учебную программу. В тот период передача длилась ежедневно 4 часа 20 минут. Позднее для этой программы был установлен отдельный канал, по которому начиная с 1968 года ежедневно транслируются учебные передачи в течение 18 часов. С 1963 года существует «телевизионная старшая средняя школа», а с 1965 — «телевизионный университет». Когда весной 1969 года по телевизору начали транслировать учебный курс по электронной обработке данных, то за несколько недель было продано свыше миллиона экземпляров учебников, способствующих усвоению курса.

Слово «чудо» по отношению к Японии употребляется

¹ Сенека. Письма, CVI.

порой весьма опрометчиво. Если бы мне пришлось говорить о чуде, я бы назвал этим словом самопожертвование японских родителей, ибо, несмотря на то что издержки японского государства и отдельных муниципалитетов на образование за период с 1960 года по сегодняшний день значительно возросли, бурный взрыв в области народного образования осуществлен в основном за счет частных инвестиций, то есть за счет родителей. И все же...

Когда в марте 1981 года, будучи в Токио, я включил в своем номере радио, то случайно натолкнулся на передачу, в которой корреспондент опрашивал пожилых людей разных социальных слоев из всех частей страны, чего бы они пожелали, если бы при современных жизненных условиях в Японии могли вернуть свою молодость. Больше всего мужчин и женщин, судя по всему весьма преклонного возраста, ответило, что они хотели бы учиться в университете.

«РЭНАЙ» И «МИАЙ», ИЛИ ЛЮБОВЬ И ПОСРЕДНИЧЕСТВО

Прежде чем смотреть на невесту, взгляни на ее мать.

Японская пословица

Женщина, когда у нее красивые волосы, всегда, по-моему, привлекает взоры людей. Такие вещи, как характер и душевные качества, можно определить и на расстоянии — по одной только манере высказываться.

Иной раз, если представится случай, она может вскружить голову человеку даже каким-нибудь пустяком. Но вообще-то женщина только потому, что в мыслях ее одна лишь любовь, — и спать не спит как следует, и жалеть себя забудет, и даже то, что невозможно снести, переносит терпеливо.

Что же касается природы любовной страсти, поистине глубоки ее корни, далеки источники... Среди всех желаний трудно преодолеть одно только это заблуждение. Здесь, видно, не далеко ушли друг от друга и старый, и молодой, и мудрый, и глупый.

Поэтому-то и говорится, что веревкой, свитой из женских волос, накрепко свяжешь большого слона, а свистком, вырезанным из подметок обуви, которую носит женщина, наверняка приманишь осеннего оленя.

Кэнко-хоси. Цурэдзурэгуса (Записки от скуки)

Непостижимо! Я еще не успел взобраться на открытый растительностью холм, возвышающийся за отелем в одном из самых фешенебельных городских кварталов Токио, как до меня донеслись звуки «Свадебного марша» Феликса Мендельсона-Бартольди! Тории (простая, выкрашенная в красный цвет деревянная арка у самой лестницы) безошибочно свидетельствовали о том, что процессия находится на пути к синтоистскому святилищу, то есть к торжественному месту, где культивируются вера и древние ритуалы «синто» — «пути богов». Подгоняемый любопытством, мгновенно преодолеваю последние 70 или 80 ступенек. Плоские строения, открывшиеся наконец взору, разочаровывают своей неприглядностью. В стране имеются тысячи и тысячи синто-

истских святилищ, однако лишь немногие из них впечатляют красотой, гармонией и простотой архитектуры, как, например, святилища в Исэ или Идзумо на побережье Японского моря. Внезапно раздаются глухие, но вместе с тем сильные удары огромного бочкообразного барабана — кажется, будто легкие деревянные строения содрогаются до самых стропил. Размеренным шагом жених и невеста движутся вдоль крытого хода к главному павильону; за ними родственники и знакомые.

На невесте тяжелое кимоно приглушенных красных тонов и пышное головное убранство, напоминающее корону. Это «цуно-какуси» («скрытые рога»), которые символизируют вечную верность своему будущему мужу. Жених одет в скромное серо-синее кимоно, а сверху «хаори» — полудлинный пиджак, также кимонообразного покроя.

Прежде чем подняться на хоры в главном зале, пары разъединяются. Священнослужитель во всем белом проходит между рядами, размахивая метелкой-кропилом и непрерывно бормоча молитвы, — подвергает церемонию символическому очищению. Затем все во главе с женихом и невестой направляются на хоры. Здесь тем временем перед самой большой святыней — символическим местопребыванием божества, своего рода алтарем, — занял место главный священнослужитель. Он также читает древнейшие, с точки зрения современного языка уже почти непонятные молитвы. Все, склонив головы, слушают. Затем сопровождающим предлагают сесть, а жениху и невесте подойти к алтарю. Еще один священнослужитель громко произносит: «Девушка такая-то и молодой человек такой-то вступают сегодня в брак». После этого молодые люди отходят от алтаря под пронзительные звуки бамбуковой флейты.

Тем временем главный служитель культа наливает из бутылки в два маленьких медных кувшинчика освященное сакэ, которое ему до этого вручили две молодые девушки (служительницы святилища), облаченные в красно-белые одеяния. Появляется еще один священнослужитель, неся на большом подносе крошечную фарфоровую чашечку для сакэ. В сопровождении девушек он подходит к жениху. Девушка наливает в чашку сакэ из кувшинчика. Молодой человек берет ее обеими руками и осушает тремя глотками. Хотя это можно было бы сделать и одним. Затем все повторяется. Далее свя-

щеннослужитель подходит с теми же девушками к невесте. Она так же дважды выпивает содержимое чашки. После этого жених, а потом и невеста должны проделать все в третий раз. «Сансанкудо», заключающееся в трех глотках сакэ, сделанных трижды (апогей церемониала бракосочетания), окончен. Отныне бывшие жених и невеста считаются мужем и женой.

Подражая европейским обычаям, после свадебного марша, доносящегося из репродукторов, молодой муж подходит к молодой жене и надевает ей на палец левой руки обручальное кольцо. Потом жена надевает кольцо на палец мужа. Интересно, долго ли муж будет носить это кольцо: в Японии редко встретишь японца с обручальным кольцом. Теперь раздаются арфоподобные звуки кото¹, несколько ударов в барабаны и монотонное пение священнослужителей. Обе девушки, держа в одной руке по зеленой ветке, исполняют церемониальный танец. Новобрачным вручается также по зеленой ветке, с которыми они подходят к алтарю, чтобы возложить их. Затем они трижды низко кланяются, хлопают при этом в ладони на уровне груди, окликая тем самым богов. То же самое проделывает еще одна пара — из среды свадебных гостей. Вслед за этим раздается команда: «Садитесь!» Все опускаются на колени. Вновь звучит бамбуковая флейта. Теперь сакэ наливают гостям. Все встают, пьют и провозглашают: «Сердечно поздравляем и желаем счастья!» В заключение гости низко склоняются перед алтарем, а главный священнослужитель — и перед молодой парой. Тут кто-то весьма прозаически напоминает: «Прошу занять места для памятной фотографии!»

Ровно 20 минут участники церемониала сохраняли достоинство и выдержку, лица их казались окаменевшими. Мимику, правда, и теперь, когда церемония уже закончилась, не назовешь подвижной, но движения приобрели торопливость. После обязательного фотографирования невеста и жених должны снять свои свадебные наряды, ибо они являлись собственностью святылища, а на очереди уже следующая пара. Нашу пару уже ждут черные, заранее заказанные автомашины с шоферами в белых перчатках. Вы скажете, все очень необычно? Во все нет, за исключением «Свадебного марша» Феликса

¹ Японский многострунный щипковый музыкальный инструмент (род гуслей).

Мендельсона-Бартольди. Бракосочетание осуществляется согласно правилам синтоистского ритуала.

Спустя некоторое время все опять входит в колею респектабельности. На невесте теперь менее торжественное, но очень красивое яркое кимоно, на женихе — визитка. Кимоно, вероятно, собственность невесты, но визитка скорее всего взята напрокат. Начинается «хи-роэн» — свадебное торжество, а дословно «трапеза знакомства»: жених и невеста официально знакомятся с новыми родственниками. Любой солидный отель располагает для этого специальными залами в европейском или японском стиле. Есть также оборудованные для такого мероприятия дома (на некоторых крупных предприятиях они относятся к социальной сфере услуг, так же как пансионаты для отпускников). В прежние времена свадебный пир устраивали дома (в сельских местностях это бывает и сегодня), а именно в родительском доме невесты или жениха, в зависимости от того, где будут жить молодые. То, что муж иногда переходит жить в семью жены и принимает фамилию ее родителей, — отнюдь не новшество последних лет.

Свадебное торжество стоит уйму денег, однако нельзя ударить лицом в грязь. Иногда на это уходит небольшое состояние, особенно если согласно занимаемому женихом или его родителями общественному положению необходимо пригласить много гостей. Все об этом знают — каждый приглашенный приносит с собой конверт с деньгами (не менее 10 тысяч иен). У входа в банкетный зал гость вносит свое имя в список приглашенных и незаметно оставляет конверт.

Жених и невеста занимают места во главе праздничного стола, а по обеим сторонам — «накодо» — посредники в браке. Достаточно бывает и одного посредника — женщины или мужчины, но вообще без посредника дело не обходится, даже если сговор состоялся без его содействия. Во время свадебного торжества ему вменяется в обязанность первому произнести панегирик в адрес молодой пары, употребляя при этом слова, которыми в наших широтах чаще всего поминают усопшего. Речь посредника очень обстоятельна, ибо он подробно останавливается на «пути образования» новобрачных. Охотно приглашают в «накодо» мастера с производства или профессора из университета.

Коллеги и друзья новобрачных произносят поздра-

вительные речи, кто-то провозглашает заздравный тост, после которого можно приступать к еде. Опять речи, и самым последним берет слово отец жениха, чтобы поблагодарить «накодо» за хлопоты, а гостей за участие в торжестве. Если не были сделаны памятные фотографии в маленьком саду, часто примыкающем к банкетному залу, то гости направляются в сад и группируются перед камерой. Между тем молодая пара и их родители занимают места у выхода, чтобы вручить каждому гостю подарок. В искусной упаковке обычно что-нибудь съедобное или недорогой сувенир.

Настоящего веселья на свадебном торжестве мне наблюдать не приходилось. Правда, порой во время выступления того или иного оратора слышался смех, хотя, по свидетельству писателя Дзюньитиро Танидзаки, особым красноречием его соотечественники не отличаются. Новобрачные также не выглядели очень веселыми. «Ну, заключите же наконец друг друга в объятия!» — хотелось крикнуть им. Но тебе суждено оставаться «гайдзином» — чужим, посторонним, не имеющим понятия о самообладании. Молодой японской супружеской паре, осмелюсь она вести себя непринужденно, выставляя напоказ свои чувства, не избежать осуждения.

Может быть, такое бывает лишь на свадьбе? Как вообще обстоит дело с чувствами? Со мной произошел один случай, после которого прошло уже немало лет, тем не менее я не могу его забыть. Перед глазами стоят их лица, будто это было вчера. Возможно, воспоминание так живо потому, что я уступил молодой паре свой номер. А дело было так. Я гостил несколько дней в Кагосиме, на юге острова Кюсю. Вишневые деревья только начали покрываться прекрасным розовым цветением. Из окна моего не очень роскошного, но вполне приличного номера открывался сказочно красивый вид на море и на вулкан Сакурадзиму. Приближался конец недели, и ко мне обратилась, без конца извиняясь, дежурный администратор с просьбой перейти в несколько меньший номер, так как ожидалось много новобрачных. Я согласился, хотя мне было немного жаль прекрасного вида из окна, но почему бы не доставить новобрачным радость.

Вечером следующего дня в ресторане за соседним столиком я увидел молодую пару. Были ли они именно теми, кто занял мою комнату, я не знал, однако для себя решил, что это они. Так или иначе, это были ново-

брачные, совершавшие свадебное путешествие. Их никто здесь не знал, они находились очень далеко от своей «группы». Однако сердечности или хотя бы намека на нежность между ними не было и в помине. Оба казались очень смущенными. Он изредка произносил несколько слов, она отвечала, но ни разу не подняла глаза, чтобы посмотреть на него. И после этого в Японии не устают повторять, что европеец—«дорай» («сухарь»). Противоположностью «дорай» может быть только «уэтто» — «wet» («влажный»). В основе «уэтто» лежит не что иное, как безоговорочное признание сложной системы «гири» — существующей общественной нормы поведения, и «ниндзё» — личного чувства.

«Романсу» («влюбленность») — так называют в Японии отношения между мужчиной и женщиной, основывающиеся лишь на романтической взаимной любви. Молодые люди, сидящие за соседним столом, ее, вероятно, не испытали. Это и не было «рэнай-кэкон» («браком по любви»), а скорее «миай-кэкон», так что эти двое узнавали друг друга лишь во время свадебного путешествия и потому от смущения даже не решались смотреть друг на друга. «Миай-кэкон» — брак, устроенный с помощью родственников, друзей, фирмы или профессиональных брачных посредников. Доля «браков по любви» возросла с 16 процентов в 1947 до 58 процентов в 1977 году, в то время как доля браков «по сватовству» сократилась за тот же период с 74 процентов до 40. Но 40 процентов тоже весьма внушительная цифра.

Часто толкование понятий «брак по любви» и «брак при помощи посредника» приводит к неверным представлениям, особенно когда первое понимается как свободный выбор партнера, а второе — как брак по принуждению. Многие стали жертвами подобного заблуждения. Не так давно нечто подобное произошло с одним автором книги о Японии. Он изнемогал от сострадания к японским девушкам, которые «лишены права сделать собственный выбор в важнейшем для каждого человека жизненном вопросе», то есть подразумевается, что они не вправе сами выбрать себе спутника жизни. Чтобы опровергнуть это, следует ознакомиться с первым абзацем статьи 24 японской конституции: «Брак основывается только на взаимном согласии обеих сторон и существует на основе взаимного сотрудничества, в основу которого положено равенство прав мужа и жены». Однако, вме-

сто того чтобы сослаться на статью конституции, лучше ближе познакомиться с действительностью, остановившись на словах «любовь» и «посредничество».

Любовь, по японским понятиям, скорее романтическая влюбленность — «романсу». Поэтому цифра 58 процентов «браков по любви» вызывает некоторое сомнение, ибо разве можно создать прочный брачный союз, основываясь на романтической влюбленности, да и кто знает, каким образом статистики получили подобный результат?

Противоположностью «романсу» было бы «миай». Однако «миай» уже давно не означает, что кто-то, не считаясь с волей молодой девушки или молодого человека, решает, с кем им вступать в брак. Среди бабушек и прабабушек, дедов и прадедов теперешнего поколения найдутся еще немногие, которые увидели друг друга впервые в день свадьбы. Но если говорить о прабабушках и прадедушках, то надо вспомнить, что брак традиционно был призван выполнять в Японии несколько иные функции, чем теперь. При том большом значении, которое имеет в синтоизме культ предков, каждая семья обязана была обзавестись многочисленным потомством, ибо что стало бы с теми, кто находится в потустороннем мире, если некому будет их призывать и совершать обряд жертвоприношения? Кроме того, определенные профессии, знания и навыки в Японии со стародавних времен передавались по наследству при соблюдении строжайшей секретности только членам своей семьи. Так, Дзэами (1364—1443) считается основателем своеобразного японского театрального жанра — театра ноо. Свои эстетические взгляды и разработку каждой роли и каждого явления в постановках этого театра он изложил в сочинениях, которые оставались в течение сотен лет строго охраняемой тайной семейства Кандзэ, родоначальником которого приходился Дзэами. Лишь в 1909 году тогдашний глава семьи Кандзэ сделал эти старинные рукописи доступными для общественности.

Такой обычай существовал не только в области искусства. Недалеко от черного хода прославленного Токийского университета расположен магазинчик, где, если повезет, можно купить «ёкан» — желеобразную массу, приготовленную из мелкой красной фасоли с добавлением большого количества сахара. К ней полагаются горьковатый зеленый чай. Тому, кто не привык к

этому блюду, нравится лишь его сладость, но истинный знаток различает и другие вкусовые нюансы. Лучший во всей Японии ёкан, прославленный в произведениях выдающихся писателей Мори Огай, Нацумэ Сосэки и других, можно купить у Фудзимур, рядом с Тодай. Магазин этот существует уже более 300 лет, и Фудзимур, теперешний его владелец, является представителем шестнадцатого поколения в роду. «Мой „ёкан“ не нуждается в рекламе», — любит он повторять. Я заговорил с ним о тайне хранения полученных им по наследству рецептов. «Предположим, — сказал Фудзимур, — кто-нибудь из моих служащих перейдет работать в другой магазин и начнет производить „ёкан“ с теми же исходными продуктами, тем же способом, что и здесь, но у него все равно не получится, как у Фудзимур».

Традиции, видимо, отмирают в Японии весьма медленно, но вместе с тем было бы очень жаль, если бы подобные традиции исчезли навсегда. К счастью, таких симптомов еще нет. «Иэ» — «дом», то есть семья в самом широком смысле слова, играет во многих сферах жизни японцев очень важную роль, особенно в традиционных видах искусства, в художественных ремеслах, в ремеслах вообще и в кулинарном искусстве. Таким образом, брак рассматривался не столько как союз двух людей, сколько как институт, призванный позаботиться о соответствующем потомстве, чтобы чтить память предков и обеспечить продолжение семейных традиций.

Все это еще и сегодня имеет немаловажное значение, хотя и не исключительное. То, что двое впервые видят друг друга лишь в день своей свадьбы, ушло в прошлое. Понятия «мораль» и «обычай» неоднократно подвергались изменениям. К тому же в отдельных общественных слоях и даже в отдельных регионах Японии они зачастую были весьма различны.

Зло высмеянный в двадцатых годах писателем Рюноске Акутагавой в небольшом рассказе «Носовой платок» Инадзо Нитобэ, прославившийся тем, что в 1900 году выпустил на английском языке книгу «Бусидо, душа Японии», поведал нам кое-что о воспитании дочерей в семьях самураев. Когда эти девушки достигали брачного возраста, писал Нитобэ, их наряду с другими вещами учили владеть по меньшей мере одним оружием, а именно очень острым коротким кинжалом, который, однако, следовало направить в первую очередь не на

врага, а на себя, если им грозила опасность лишиться чести. Этим кинжалом девушка должна была, согласно ритуалу, перерезать себе сонную артерию или в определенном месте пронзить грудь. «Возможно,— заключил Нитобэ,— это был единственный урок анатомии, который преподавали девушкам в стародавние времена».

Теперь же к услугам тех, кто нуждается в подобного рода дополнительных знаниях, стеллажи многочисленных книжных магазинов. Кстати, в Японии редко заходят в книжный магазин с целью быстро что-то купить и тут же выйти. Посетители обстоятельно перелистывают книги и подчас принимаются читать страницу за страницей. Часто можно наблюдать, как перед стеллажами стоит группа старшеклассниц, погруженных в чтение, притом делается это серьезно, без хихиканья, что бывает обычно в этом возрасте.

Когда европеец в Японии слышит «миай», то впадает в неподдельное, а может, и наигранное негодование, как упомянутый автор книги о Японии. Ему это кажется ужасным и служит доказательством того, что японская женщина самое бесправное существо в мире.

«Миай», или «о-миай», дословно означает «встретиться, чтобы внимательно рассмотреть друг друга». Предположим, что у кого-нибудь имеется сын или дочь, достигшие брачного возраста, то есть 20—25 лет. Начинаются поиски партнера. Родители либо занимаются этим сами, прислушиваясь к разговорам в кругу родственников и знакомых, и делают со своей стороны «предложение», либо привлекают профессионального брачного посредника. Некоторые фирмы оказывают такую услугу своим сотрудникам. Несколько лет назад в газетах можно было прочитать, что всемирно известный японский концерн располагает для этой цели даже собственной ЭВМ с банком данных. Когда все проверено и образование, имущественное положение, возможное продвижение по службе, состояние здоровья и т. п. соответствуют ожиданиям родителей, посредники от обеих сторон согласовывают встречу в нейтральном месте, например в театре, в кафе, в фойе крупных отелей, где царит полная анонимность.

Встреча устраивается так, будто это чистая случайность. Молодые люди, как правило, присутствуют на ней и могут лицезреть друг друга. Иногда бывает очень занятно оказаться в положении тайного наблюдателя.

Для молодых людей все это менее занято, так как они часто не знают, куда деваться от смущения. В случае, если один из них находит другого совсем несимпатичным, об этом затем ставят в известность посредника. И тогда надо устраивать новое «о-миай» с другим кандидатом. Такое может повторяться несколько раз, и опытному наблюдателю довольно быстро удастся обнаружить, кто из молодых людей в этом отношении стреляный воробей. Однако после второй, третьей и последующих встреч все же складывается ситуация, при которой молодые люди приходят к выводу, что они смогут жить друг с другом или (что немаловажно) должны подчиниться воле родителей во имя интересов семей, группы и т. д. Аргумент социальной надежности является чаще всего определяющим. Кандидаты (особенно девушка) внушают себе: родители знают, что делают.

После этого состоится бракосочетание. После церемониала в синтоистском святилище и свадебного пира, о которых уже говорилось, следует свадебное путешествие. Все формальности — потом. Это терпит, ибо во время свадебного путешествия в Японии не спрашивают никаких «бумаг» или «удостоверений личности». Последние и не могут быть затребованы, поскольку таковых в Японии вообще не существует. А формальная сторона заключается лишь в том, чтобы зайти в управление соответствующей префектуры или в городское управление, заполнить небольшой бланк с просьбой открыть собственный «косэки» («семейный реестр») и уплатить небольшую пошлину. Правда, законным брак считается только тогда, когда оформлен этот бланк. Тот, кто не желает соблюдать традиций и народных обычаев, может ограничиться посещением упомянутого ведомства.

Японская история культуры и нравов не знала христианского «грехопадения», в течение столетий ничего не подозревала об изгнании из рая, поэтому «чувственность» и «грех» никогда не были взаимосвязаны, так же как «труд» и «муки». До второй половины прошлого века Япония была избавлена от всех форм христианства, оказывавших сдерживающее влияние на чувственную любовь.

Несмотря на это, в настоящее время получила распространение производящая подчас странное впечатление дву- и многоликость в вопросах любви. Синтоизм, возникший из культа природы и тесно связанный с куль-

том плодородия, называл вещи своими именами. Прочитированный ранее отрывок из древнейшей японской антологии «Кодзики» — достаточное тому доказательство. В непорочное зачатие древние японцы не верили. Это бы противоречило их «чувству естества». Поэтому в прежние времена, которые не так уж далеки от нашего, общественная мораль вовсе не страдала от того, что совершавшие паломничество в Исэ не только поклонялись высшей святыне синтоизма, но и предавались весьма светской и чувственной, а именно продажной любви. При всех известных синтоистских святилищах всегда были дома для подобного рода дел, хотя право на чувственность признавалось только за молодыми мужчинами, не вступившими в брак.

В средние века со свободой нравов у женщин, похоже, дело обстояло иначе, а что касается придворных дам, независимо от занимаемого ими положения, то они пользовались относительной свободой еще в X и XI веках, о чем свидетельствует литература того времени. Позднее все радикально изменилось. Строгий кодекс морали самураев, подчинивших с конца XII века своему господству всю жизнь страны, а также буддизм оказали немалое воздействие на эту сферу отношений. Хотя буддизм говорит не об избавлении от греховности, а о муках земной жизни, он высоко ценит аскетизм, а женщину оценивает столь низко, что допускает ее спасение лишь после перерождения в мужчину. Что касается обета безбрачия, то для священнослужителей нашелся выход, заключающийся в том, что они придумали для себя особую категорию «монахинь». Тем самым могли возникнуть отношения, вполне напоминающие брачные, притом что выбранная «монахиня» не обязана была, как прежде, ходить с наголо остриженной головой, а могла сохранить украшавшие ее волосы. Верующие данного административно-территориального района признавали ее полноправной хозяйкой дома. Об этом можно прочитать в одном из самых значительных литературных произведений Японии начала нашего века — в романе «Нарушенный завет» Тосона Симадзаки.

Когда в XVI и особенно в начале XVII века молодая буржуазия, так и не получив общественного признания, накопила тем не менее большие богатства, в крупных городах, и в первую очередь в Киото, Осаке и Эдо, появились обширные кварталы публичных домов. Помимо

всего прочего, они сыграли немаловажную роль для развития искусства того времени. Европейские знатоки искусства восторгались в конце прошлого века японскими гравюрами на дереве, изображавшими портреты и пейзажи. Однако именно искусство резьбы по дереву, особенно в XVIII веке, порождало произведения, по грубости и откровенности не имевшие себе равных. Литература также не отличалась целомудрием — у цензоров, призванных строго следить за нравственностью, порой волосы вставали дыбом. В результате они не только запретили некоторым писателям писать, но и распорядились на иных надеть на много дней и даже месяцев тяжелые наручники, чтобы таким образом лишить их возможности взяться за кисточку. Так развивалось искусство, которое было проникнуто жизнерадостной чувственностью. Посещение квартала публичных домов, в том числе правящими в стране самураями, не считалось предосудительным. Но в отличие от столь презираемого ими торгового сословия самураям часто не доставало средств. О том, кто какую девицу содержал, знал весь город, однако горе было той супруге, которую муж заставлял в постели с любовником. Среди юмористических рассказов первого выдающегося раннебуржуазного японского писателя второй половины XVII века Ихары Сайкаку имеется несколько таких, в которых замужняя женщина и ее любовник кончают весьма трагически.

Таким образом, мораль всегда была несколько двойственной. Проникшее в конце прошлого столетия из Европы пуританство и, вероятно, также в какой-то степени филистерство и вовсе деформировали чувственную любовь в Японии и почти полностью изгнали ее из общества. В 1893 году после довольно длительного пребывания в Париже на родину вернулся художник Сэйки Курода (1865—1921) и продемонстрировал на весьма представительной выставке 1894 года написанную им во Франции картину с обнаженной женской натурой, изображавшей француженку во время утреннего туалета. Немедленно вмешались власти и потребовали изъять картину. Позднее, особенно после второй мировой войны, широкое распространение получила скабрзная эротика, причем в снимаемые в Японии ежегодно сотнями порнографические фильмы для демонстрации за границей включают еще более непристойные сцены, чем при их прокате

внутри страны. Однако «коммерческая эротика» — особая статья. Она в Японии каким-то образом находит своего потребителя и сбывается в большом количестве, хотя японцы об этом предпочитают не говорить, особенно в семье.

Во всяком случае, создается впечатление, что японцы всячески оберегают свою интимную жизнь, но почему же тогда некоторые из них обнажают свою душу перед средствами массовой информации (телевидением и особенно многочисленными еженедельниками), когда те берут их в оборот? Например, существует телевизионная передача, которая, очевидно, пользуется большой популярностью, ибо транслируется уже много лет, где известная и не очень молодая актриса, отличающаяся несколько резким голосом и крайне беззастенчивой манерой выражать свои мысли, берет интервью у супружеских пар. Эта изящная дама бесцеремонно задает супругам вопросы, затрагивающие самые интимные стороны жизни, так что некоторые жены, а порой и мужья очень болезненно реагируют на них. Однако смущенный лепет и все попытки супругов увильнуть от прямого ответа ни к чему не приводят: бойкая особа в кимоно требует абсолютной точности. Чаще всего интервью начинается с вопроса: «Вы женились по любви или с помощью посредника («рэнай-кэкон» или «миай-кэкон»)»? Однажды находчивая ведущая пришла в замешательство, и у нее вырвалось удивленное «Вот как!», когда тридцатипятилетний мужчина ответил: не «рэнай» и не «миай», а «мирэн». «Мирэн» явилось собственным словотворчеством интервьюируемого. Он образовал его, взяв «ми» от «миай» и «рэн» от «рэнай», объяснив значение следующим образом: из посредничества у них родилась любовь. И, возможно, это происходит не так уж редко. При всех сомнениях, которые вызывает система «миай», она при известных обстоятельствах играет немаловажную роль, ибо процент разводов в Японии значительно ниже, чем в других высокоразвитых индустриальных странах, если в них нет сильного влияния католической церкви. Конечно, есть тому и другие причины. Например, супружество и чувство в Японии могут означать совершенно разные вещи (и, вероятно, не только в Японии).

Есть и другая телевизионная передача, а также соответствующий раздел в еженедельниках, которые назы-

ваются «Миноуэ содан», что означает примерно «персональная консультация». Просто поразительно, как часто люди, особенно девушки и молодые женщины, нисколько не смущаясь, прибегают к телевизионной камере (хотя их и не видно за матовым стеклом), чтобы проконсультироваться у приглашенных в студию специалистов по самым интимным вопросам. Может быть, семья (или группа) не такое уж надежное пристанище защищенности, как об этом принято говорить? Скорее она лишь очаг соблюдения традиционных норм поведения. Чем объяснить, что именно женщины доверяются такому публичному учреждению, каким является телевидение, выставляя напоказ свои боль и страдания, что так унижает человеческое достоинство? Или подобным образом мыслит лишь «гайдзин», находящийся в плену европейского индивидуализма?

А как прикажете понимать следующий факт? В середине шестидесятых годов жена японского премьер-министра вскоре после того, как ее муж занял этот высокий правительственный пост, в интервью с одним еженедельником поделилась подробностями своей семейной жизни и, между прочим, обмолвилась, что муж ее порой поколачивает. Во время пресс-конференции премьер-министру был задан вопрос:

— Соответствует ли истине то, что сообщила ваша жена?

— Да,— нисколько не смущаясь ответил он.

— Вы ее и сейчас бьете?

— Нет,— последовал ответ.

— Времена изменились?

— Да.

Наступила тишина, и вдруг премьер-министр спросил:

— Господа из прессы, скажите, только честно, кто из вас не поколачивает свою жену?

Хотя красноречие не относится к сильным сторонам японских политиков, им нельзя отказать в быстрой реакции. Представители печати сперва весьма смущенно посмотрели друг на друга, а затем половина из них призналась, что они подчас не прочь бы наградить свою жену оплеухой.

Если бы не достоверные данные, трудно поверить в подобное, тем более, если тебе известно, что японцы никогда не бьют детей. А вот среди взрослых потасовки

случаются. Об этом говорят и приведенные выше примеры, когда мужа поколачивают жен, и другие, когда... Мне рассказали, что однажды муж прибежал в суд, чтобы подать на развод, так как жена била его сумкой по голове.

Этот факт, конечно, не свидетельствует о том, что в Японии наступила новая эра. Одно несомненно: положение женщины в японском обществе меняется. Вместе с тем, если исходить не из формально-юридической точки зрения, а из реальности, японская женщина еще во многих сферах жизни далека от равноправия. Тем не менее миру придется расстаться с образом гейши — идеалом японской женственности, хотя ему этот образ все еще охотно навязывается. Популярная ныне модельер Ханаэ Мори, владелица пятиэтажного особняка в городском районе Токио Харадзуку, близ бывшей Олимпийской деревни, где размещены магазины мод и антиквариата, входит в число «кяриа уман» (от «*saggier woman*»), то есть «женщин, сделавших карьеру». «Кяриа уман» — явление не случайное, и оно, безусловно, не может не оказывать влияния на «рэнэй» и «миай».

В 1978 году почти 21 миллион японских женщин относились к самостоятельной части всех жителей страны и составили тем самым 38 процентов ее трудового населения. Сегодня каждая пятая японская женщина имеет профессию, но в обществе осталось сознание того, что для женщины работа — лишь переходный период в жизни. После замужества или самое позднее в 35 лет ее, как правило, увольняют. И тем не менее число женщин с законченным высшим образованием продолжает расти. Среди выпускников университетов 1979 года впервые значился миллион девушек.

Таким образом, женских батальонов, штурмующих мужскую крепость в Японии, становится все больше. Первые передовые укрепления уже пали, а многие находятся в стадии преобразований, хотя совершаются они отнюдь не со скоростью синкансэнского суперэкспресса, так как проблемы, слишком сложные и слишком разносторонние, связаны с мышлением и чувствами целого народа. Но и в этом отношении японское общество бросило вызов самому себе, и оно вынуждено будет принять этот вызов — если не сегодня, то завтра или послезавтра, а это для Японии — не столь уж отдаленный срок.

ЗНАКОМСТВО С КУХНЕЙ

Если окажешься в чужой стране, соблюдай ее обычан.

Японская пословица

Лучше всего взять свежего среднего размера судака (можно и морскую камбалу, карп слишком костист), почистить его, отделить голову и плавники, затем очень острым ножом разделить на филе таким образом, чтобы одновременно с позвоночной костью удалить как можно больше реберных костей, а полученное филе нарезать на тонкие, готовые к употреблению ломтики. Чтобы легче снять с них кожу, нож следует держать несколько наклонно. Нежно-белые ломтики рыбы, украшенные какой-нибудь зеленью, надо уложить на деревянную тарелку с небольшим количеством «васаби» и подать на стол. Так готовят рыбу в ресторанах. Посетитель берет свои палочки, наливает в плоскую пиалу немного «сёю», кладет туда зеленоватого «васаби», обмакивает в эту острую приправу ломтик рыбы и, приподнимая пиалу до уровня груди, отправляет его с помощью палочки в рот — деликатес должен таять во рту. Это и есть знаменитое «сасими» — рыба, нарезанная ломтиками и потребляемая в сыром виде. «Васаби», японский хрен, который продается даже в виде порошка, настолько острый, что, когда разбавляешь его несколькими каплями воды, на глаза выступают слезы. «Сёю», соевый соус, представляющий собой черный, очень соленый экстракт из соевых бобов, незаменим в японской кухне. В 1977 году было произведено 1,2 миллиона гектолитров «сёю».

«Васаби» и «сёю» — малоизвестные в наших широтах смеси, зато в Японии не знают судака. Но там и без него огромный выбор рыбы, и не только рыбы, но и нерыбных съедобных продуктов моря — моллюсков, ракообразных, водорослей и морских трав. Правда, не все

пригодно для еды в сыром виде, однако море было и остается одним из главных поставщиков провианта для японской кухни. И прежде, и сейчас стоит лишь отплыть от берега на несколько миль, чтобы вернуться с богатой добычей.

Насколько бедна всегда была фауна на самих островах, настолько разнообразна морская фауна в сочетании с морской флорой в прибрежных водах. В 1946 году японские рыбные промыслы добывали 2 миллиона тонн морских продуктов (правда, в 1935 году эта цифра составляла 4 миллиона тонн), но в 1970 году добыча превысила уже 9, а в 1980 году — почти 10 миллионов тонн. Таким образом, Япония является самой крупной в мире рыболовецкой страной. Ее сейнеры с давних пор бороздят во всех направлениях морские дали, особенно просторы Тихого океана.

Наибольшим спросом в Японии пользуются все разновидности «магуро» — тунца, который дает ценное японцами нежное красное мясо для «сасими». В настоящее время косяки тунца приближаются к японскому побережью лишь на несколько недель, поэтому рыболовы гонятся за ним по бескрайней водной пустыне Тихого океана на своих небольших судах. Около месяца эти суда водоизмещением немногим более 250 тонн (с кратковременной стоянкой на Гавайских островах) следуют курсом на юго-восток, пока команда не сочтет возможным поставить первые, прикрепленные к радиобуям многокилометровые ставные сети с множеством рыболовных крючков с макрелью, используемой в качестве наживки для обитающего на глубине 200 метров тунца. Через четыре часа судно возвращается к этой первой сети. Команда (21 человек) замирает в напряженном ожидании, когда начинают вытаскивать сеть. Под радостные возгласы первый тунец сезона звучно падает на палубу, неистово ударяя по ней хвостом. Теперь настало для рыбаков время проявить силу, ловкость, а нередко и мужество. Тунец огромен — до 70 килограммов веса, а в исключительных случаях — почти вдвое больше.

Забрасывать и вытаскивать сети, глушить и потрошить рыбу, закреплять рыболовные крючки, снова забрасывать сети — теперь эти действия определяют весь ритм жизни рыболовов в течение многих месяцев в безбрежном океане. Краткие телефонные разговоры через спутники связи — единственный контакт с родиной. Вре-

мя от времени, правда, встречается такое же рыболовное судно, а через несколько недель впервые появляется плавучая база, чтобы снабдить команду продовольствием и увезти улов. Затем вновь наступает полное одиночество среди океана, борьба с рыбой (включая акул), борьба со стихией, когда волны накрывают судно, а порт где-то далеко, далеко. Человек и море! Жизнь на маленьких судах сурова, полна лишений и опасностей, но «магуро» на рыбном рынке в Токио и в других городах пользуется большим спросом и приносит хороший доход. Одна порция «сасими» из тунца — довольно дорогое блюдо, а «сасими» из свежего, а не свежемороженого тунца может себе позволить лишь гурман, который не считает денег в кармане.

Однако все, что добывает рыболовецкий флот, будь то тунец или другие промысловые рыбы, уже не удовлетворяет нынешний спрос. Японский рыбак прежде всего охотник, беспощадно преследующий рыбу и пытающийся ее перехитрить с помощью технических средств. Постоянно устраивая облавы, он истощает запасы морей. Вместе с тем он уже не только охотится за рыбой, но и постепенно становится «морским фермером», начинает разводить продукты моря.

В то время как высокоразвитые индустриальные страны свои самые дорогостоящие научные программы связывают с использованием космоса, Япония прилагает все усилия для освоения морей. Примерно дюжина японских университетов имеет факультеты и располагает множеством научных учреждений для исследований и подготовки специалистов в области морской биологии и технологии. Сюда следует присовокупить научные институты рыбной промышленности. Чего достигла Япония в этом деле к середине семидесятых годов, она продемонстрировала на первой международной океанической выставке «ЭКСПО-75 — Мировой океан» в городе Наха — столице островной префектуры Японии Окинава. Самым выдающимся экспонатом по праву считался тогда «Акваполис» (дословно «город на воде»). Этот плавучий город — огромное (130 метров в диаметре) сооружение из стали и стекла — способен был разместить на своем борту более 2 тысяч человек и снабдить их пресной водой и рыбой из огороженной сетями аквафермы.

Мысль разводить рыбу и культивировать морские растения, чтобы не зависеть от причуд и случайностей

природы, не так уж нова в Японии. Первый нашумевший успех в этом деле, связанный, правда, не столько с питанием человека, сколько с эстетикой, принадлежит жемчугу. В 1967 году, то есть спустя примерно 70 лет с того времени, как основатель династии королей жемчуга Микимото мог представить первые результаты многолетнего культивирования, в Японии было добыто 146 тысяч килограммов жемчуга, в 15 раз больше, чем в 1952 году. Но такое количество превышало спрос на мировом рынке, и поэтому выращивание жемчуга пришлось на время сократить. В 1974 году производство жемчуга было доведено лишь до 47 тысяч килограммов, однако и это составило несколько десятков миллионов жемчужин, добытых из раковин моллюсков, которых путем «прививки» крошечного чужеродного тела побудили к выделению перламутра, столь изумительно переливающегося всеми цветами радуги.

Не менее успешно, чем выращивание жемчуга, шло в Японии разведение рыбы, которая ценится там настолько высоко, что по спросу может конкурировать с жемчугом. Речь идет об угре. Разводить его начали в конце прошлого столетия. Тот «унаги» — «угорь», а точнее, «кабаяки», который вам подали в ресторане или который вы купили упакованным и готовым к употреблению в супермаркете, чтобы дома лишь слегка подогреть, за редким исключением, выращен. Возможно, он даже из Хаманако, где разводятся лучшие угри Японии. Бухта узким проходом соединяется с Тихим океаном, так что во время приливов в нее попадает соленая вода, а это очень благотворно влияет на угря, который размножается в огромном количестве, к большому удовольствию потребителей.

Несмотря на неприятные ассоциации, мне все же хочется привести вкратце рецепт изготовления «кабаяки». Итак, берем угря (если ожидаются гости, лучше взять два или три), не очень крупного, так как те, что весят больше фунта, слишком жирны и мясо их излишне мягкое, снимаем с него кожу, разрезаем на куски длиной 5—6 сантиметров и удаляем позвоночную кость; затем, чтобы стек жир, поджариваем каждый кусок в отдельности над небольшим открытым огнем и одновременно обмакиваем эти куски в заранее приготовленный маринад, состоящий из соевого соуса, сахара и острой приправы «мирин» — сладкого сакэ, предназначенного спе-

циально для готовки. Если от запаха горящего угриного жира у гостей не потекли слюнки и они еще могут немного потерпеть, то кусочки угря опускаем в маринад на некоторое время и даем ему остыть, чтобы затем снова положить на жаровню. Тем временем тщательно промытый рис (его моем до тех пор, пока вода не станет абсолютно прозрачной) кладем в специальную, предназначенную для варки риса автоматически выключающуюся кастрюлю и заливаем его водой в пропорции один к одному (некоторые сорта риса требуют немного больше воды). Маринад, в который обмакивали кусочки угря, выливаем на сковороду, доводим до кипения и приправляем по вкусу специями; для вкуса можно добавить немного натертого имбиря и щепотку сахара. Пиалу, рассчитанную на одну порцию этого блюда, заполняем на две трети рисом, сверху кладем один или два куса поджаренного угря, и все поливаем несколькими ложками доведенного до кипения маринада. В довершение угорь посыпается не очень острой смесью приправ.

В Японии в настоящее время разводят в большом количестве не только угрей, но и других рыб (в том числе и морских), а также крабов, моллюсков и водоросли. Почти десятая часть всех предлагаемых сейчас потребителю продуктов моря добывается на морских фермах. Большие усилия прилагаются к тому, чтобы эту долю увеличить и одновременно снизить стоимость продукции. До недавнего времени одним из главных препятствий в решении этих проблем было загрязнение прибрежных вод. Теперь приняты действенные меры, так что основная проблема на сегодняшний день состоит скорее в эффективной системе откорма.

Несмотря на то что Япония ежегодно добывает свыше 10 миллионов тонн морских продуктов, она еще дополнительно импортирует примерно 750 тысяч тонн рыбы. Правда, одновременно и экспортирует около 400 тысяч тонн. Таким образом, импорт чистого веса составляет 350 тысяч тонн. Импортируется малоценная рыба, предназначенная для корма на рыбофермах.

В японской кухне ничего не пропадает. До конца пятидесятых годов бедность и обусловленная ею неприхотливость были слишком распространены в Японии, чтобы сегодняшний ее житель пошел на безрассудное расточительство. «На каждом зернышке риса—сто центнеров пота»,— гласит древняя японская поговорка, ны-

не уже потерявшая свой смысл, если не считать капли пота, выступающие на лбу тех, кто в растерянности стоит перед увеличивающимися из года в год горами риса, которые невозможно сбыть.

Толстая позвоночная кость нашего судака давно выварена. Из нее получился прозрачный бульон. Обильно приправленный несколькими пряными и ароматными травами, а также заправленный морковью, которой повар придал форму крошечных кленовых листьев (красные кленовые листья — символ японской осени, самого прекрасного времени года), он подается в красивых лаковых чашах. До риса очередь еще не дошла, ибо он завершает еду, а сырая рыба — лишь закуска, но она может стать промежуточным и даже основным блюдом.

Но вот многое из того, что так аппетитно выставлено на прилавке в маленьком (на 10 мест) специализированном ресторанчике, уже перепробовано. Отведано бело-розовое довольно жесткое мясо какого-то моллюска, проглочен маленький, сладковатого вкуса краб, с удовольствием съедено несколько хрящевидных белоснежных кусков каракатицы, растаяли во рту нежные красные ломтики тунца, а ко всему этому добавлено немного сакэ или пива. Теперь можно начать сначала и из того, что больше всего пришлось по вкусу, попросить приготовить «суси». Делается оно так: небольшому количеству риса придают продолговатую форму, а сверху на «васаби» кладут сырую (можно и жареную или сваренную в укусе) рыбу, иногда ее может заменить кусочек слегка подслащенного омлета. Но, как правило, от «суси» отказываешься, так как «сасими» было настолько вкусным, что невозможно заставить себя проглотить что-нибудь еще.

Там, где в конце прошлого столетия будущий король жемчуга Микимото начал свое восхождение к вершинам славы, есть много отличных рыбных ресторанов. В один из них, известный своими многолетними традициями, гостеприимные хозяева пригласили небольшую группу иностранцев, в том числе и меня. Гвоздем программы была роскошная большая лангуста, вызвавшая у одних ужас, у других восхищение. Очень аккуратно была отделена от хвоста верхняя часть панциря, а мясо длинного хвоста нарезано тонкими ломтями и положено на место, так что лангуста, которая была выловлена несколько минут назад, выглядела как живая, к тому же она,

будто пытаюсь доказать это сидевшим на подушках вокруг стола гостям, шевелила своими длинными толстыми антеннами-усами. Хозяева улыбались, когда приглашенные женщины, вскрикнув, отворачивались от этого зрелища, считая варварством съесть животное, которое, казалось, наблюдало, как его едят. В наших же краях мы улыбаемся, когда японец с ужасом отворачивается, увидев в витрине мясной лавки свиную голову, иногда еще украшенную лавровыми листьями или другой зеленью. Насколько у разных народов различны вкусы и восприятия!

В подобном несходстве нет ничего предосудительного. Опасно бывает лишь в том случае, если на его основании делают поспешные выводы о большей жестокости одной стороны по сравнению с другой. То же можно сказать и о некоторых аспектах морали. Например, японцы считают верхом бесстыдства, когда мужчины и женщины бодро и весело расхаживают по небольшому пляжу на Балтийском море в чем мать родила, и наоборот, многие посетители Японии находят безнравственным японский обычай совместного мытья в общественной бане (в бассейне с теплой водой), что, кстати, сейчас встречается чрезвычайно редко.

Ни то, ни другое не может быть аморальным. Аморально скорее всего ханжество, которое скрывается за возмущением сторон, хотя и не каждой можно с ходу предъявить подобное обвинение.

Считается, что нигде глаза не принимают такое участие в еде, как в Японии. Некоторые зубоскалы даже говорят, что японская еда предназначена больше для глаз, чем для желудка. Возможно, в прежние времена скромность пищи компенсировалась красотой ее оформления. Красота и тонкий вкус остались и поныне, но скромность исчезла, хотя взгляд, брошенный лишь на фасад, не всегда верно оценивал внутреннее содержимое. В «сасими» нельзя не оценить не только вкусовые свойства рыбы, но и в высшей степени изысканную сервировку. Все кусочки совершенно одинаковые и идеально ровно нарезаны. Если у повара при нарезании все же случайно соскользнул нож, что случается чрезвычайно редко, ибо его мастерство приобретено многолетними упорными тренировками и поистине достойно восхищения, то слегка испорченный ломтик тоже найдет себе применение, а именно для блюда под названием «тэм-

пура», которое завоевало большую популярность как в Европе, так и в других частях света.

Из пшеничной муки, яиц и воды замешивается обычное, однако довольно жидкое тесто. Заранее нарезается не очень тонкими кружочками несколько больших луковиц, а также брусочками длиной четыре-пять сантиметров несколько морковок, добавляются стебельки петрушки, ломтики рыбы без костей и очищенные длиной с палец креветки. В плоской кастрюле доводится до кипения растительное масло. Приготовленные компоненты сначала опускаются в тесто, а затем в масло и жарятся до желто-золотистого оттенка. Когда их вынимают, то следят, чтобы масло полностью стекло. «Со сковороды,— прямо в рот» — таков девиз японской кухни. Однако перед тем как креветкам исчезнуть во рту, их вкус еще облагораживают несколькими каплями лимона или солью. «Тэмпуру» из овощей перед едой погружают в доведенный до кипения соевый соус, куда добавляются немного сладкого сакэ, щепотка соли, наструганная сушеная рыба бонито и вода.

Итак, мы коснулись овощей, они и другие виды продукции сельского хозяйства в Японии не менее разнообразны, чем продукты, добываемые из моря. Все виды лука, шпинат, морковь, редька, картофель, китайская капуста особенно популярны в японской кухне. Редька, лук, лук-порей и китайская капуста потребляются в большом количестве, картофель — меньше. Кроме перечисленных общеизвестных овощей в пищу идут и такие экзотические дары природы, как побеги бамбука или корни лотоса. Щедрая земля Японии родит круглый год. Потребление овощей на душу населения в год в стране довольно высокое. В 1965 году оно составляло примерно 109 килограммов, десять лет спустя — около 111 килограммов и, похоже, продолжает расти. Неплохо обстоит дело с фруктами: 28 килограммов — в 1965 году и почти 44 килограмма — в 1975-м.

Обратная тенденция наблюдается в потреблении основного продукта питания японцев — риса. В течение длительного периода средняя норма риса на человека в год составляла 180 килограммов. В 1965 году она сократилась примерно до 112 килограммов, спустя 10 лет — до 88, сегодня годовое потребление риса на душу населения приближается к 80 килограммам.

Народ, который с самого начала своего существова-

ния — свыше двух тысяч лет — культивирует рис, построил на этом, можно сказать, свою культуру, приложил немало усилий, чтобы посредством выведения новых сортов, применения удобрений, улучшения системы орошения постоянно повышать его урожайность, в настоящее время все больше снижает потребление этого основного продукта питания. Раньше Япония в течение длительного периода вынуждена была импортировать рис. Один из лозунгов в оправдание военных действий гласил: нам нужна земля, чтобы прокормить себя. А теперь она становится экспортером риса, хотя население ее возросло на несколько десятков миллионов. За 1979/80 бюджетный год Япония экспортировала 91 тысячу тонн риса, и она бы не отказалась вывезти еще больше, только этому препятствовала договоренность с другими странами. За период с 1979 по 1984 год излишек риса составлял более 6 миллионов тонн, а экспортировать за тот же период ей можно было всего 1,6 миллиона тонн. А в 1971 году «рисовая гора» была еще больше. Она весила тогда 10,5 миллиона тонн, то есть почти половину годового урожая. С тех пор государство выплачивает крестьянам премии, если они засевают рисовые поля другими культурами, но в то же время оно поддерживает твердые цены на рис. Такая политика практикуется с конца второй мировой войны, ибо отказ от нее чреват потерей голосов избирателей на выборах.

Стремясь после войны скорее выйти из бедственного положения и ликвидировать черный рынок, государство решило гарантировать крестьянам закупку выращенного ими урожая риса по твердым ценам, которые тогда превышали потребительские. Крестьянам это было выгодно, и они старались засеять поля рисом, где только представлялась для этого хоть какая-то возможность. Но ни одна зерновая культура не требует столь основательных изменений в естественных почвенных условиях, как рис. Затрата труда для возделывания рисового поля очень велика: почву необходимо предварительно обработать до глубины одного метра; насыпать, а затем укрепить земляные валы, чтобы воспрепятствовать утечке воды, ибо саженцы должны высаживаться на поле, предварительно залитое водой; через оросительную систему постоянно подводить воду, пока в июне, с наступлением периода дождей, природа сама не возьмет на себя функции орошения.

Пока что «рисовая гора» для Японии — очень сложная, трудноразрешимая проблема, тем более что она связана с сооружением дополнительных хранилищ и совершенствованием технологии хранения. Японец очень чутко реагирует на старый, лежалый рис.

В то же время в стране возрастает количество импортируемой пшеницы, которая становится здесь важным продуктом питания. В самой Японии производится лишь около 4 процентов необходимой ей пшеницы. В 1977 году импорт ее составил 4,4 миллиона тонн. То же относится к соевым бобам, которые имеют решающее значение для покрытия потребности населения в белке. В конце семидесятых годов необходимо было ежегодно ввозить 5 миллионов тонн этого продукта. В сравнении с импортом собственное годовое производство сои, составляющее примерно 110 тысяч тонн, выглядит довольно жалко.

Усердная служба статистики определила, что Япония может себя обеспечить продуктами питания менее чем на 75 процентов. Невзирая на весьма благоприятные климатические условия, страна зависит от конъюнктуры на мировом рынке в отношении не только промышленного сырья, но и продовольствия. Из продовольствия она может полностью обеспечить себя лишь продуктами моря и рисом.

Народ, жизнь которого более двух тысячелетий определялась рисом, естественно, имеет в своем словарном запасе не одно его обозначение. Термины для растения, зерна, зерновой культуры в целом, приготовленной из риса пищи — разные. Японская кухня располагает несколькими терминами для риса. Например, отварной рис называется «гохан» или «мэси», одновременно это и еда вообще. «Гохан га дэкитта» («Еда готова»), — обращается мать к детям, однако дословно это означает «рис поспел». Но в настоящее время часто бывает так, что к «гохану» вовсе нет «гохана» (на столе полностью отсутствует отварной рис). И вот неожиданно в японском языке для обозначения отварного риса появляется новое слово, а именно «райсу» — от английского «rice» — «рис».

Вопрос, собираются ли в Японии проститься с рисовой культурой, был бы преждевременным. Тем не менее тот, кто характерную «особенность японца» связывал с его питанием преимущественно рисом и создал об этом

немало трудов, должен постепенно переключаться на что-то новое. Мнение, будто европейцы «мясоеды», а японцы «вегетарианцы», больше не соответствует действительности, да и вряд ли когда-нибудь соответствовало. В добуддийские времена жители Японского архипелага охотились так же, как и другие народы, на четвероногих, однако распространившийся в стране буддизм запретил потребление их в пищу. Проведение в жизнь этого предписания было, судя по всему, не таким уж трудным делом. Скорее всего оно продиктовано необходимостью, которую решили возвести в добродетель. Ибо где было охотиться на дичь? Ведь в связи с постоянным ростом населения требовалось расширять рисовые поля. Большая охота, которая кончалась попойкой и обжорством, любимым занятием европейских коронованных особ,— в Японии так и не нашла себе места. Наземная фауна Японии не слишком богата: очень мало оленей, кабаны, барсуки, лисы, зайцы в горах, немного медведей, а на юге страны — несколько стай обезьян. Говядину и свинину японцы стали потреблять в пищу не так давно, а именно во второй половине прошлого века, когда в страну пришли европейцы, но и тогда они не стали слишком популярными. Если верить некоторым старым записям, запах говядины и свинины вызывал у некоторых японцев обморок. Немногим лучше дело обстояло с молочными продуктами. «Бата-кусай» («от него дурно пахнет маслом») вплоть до настоящего времени было синонимом слова «европейский». Если японец жил некоторое время в Европе и воспринял там ту или иную традицию, то после возвращения соотечественники несколько презрительно называли его «бата-кусай». Запах сыра еще и сегодня иногда вызывает у японцев тошноту, хотя в продовольственных отделах крупных универсальных магазинов в большом ассортименте имеются в продаже не только заграничные, но и отечественные сыры.

В 1935 году поголовье свиней достигло в Японии миллиона. Затем начался спад, но в 1956 году их число вновь было доведено до миллиона голов, и с тех пор оно постоянно возрастало. В 1965 году поголовье составляло уже примерно четыре миллиона, в 1975 — 7,5, а в 1980 году оно дошло до 8 миллионов. В 1977 году было произведено около 1,1 миллиона тонн свинины и примерно 360 тысяч тонн говядины. Тем не менее Япония

могла тогда обеспечить себя мясом из собственных запасов лишь на 76 процентов. Почти недостающую четвертую часть ей пришлось импортировать. Потребление мяса на душу населения возросло с 8,8 килограмма в 1965 году примерно до 20 килограммов в 1980 году, потребление молока и молочных продуктов — с 37 до 55 килограммов. Все это, несомненно, свидетельствует о разительных переменах в режиме питания японцев в течение незначительного отрезка времени.

Хотя и сегодня мяса потребляют не слишком много, ибо оно довольно дорогое, японская кухня обогатилась несколькими вкусными мясными блюдами. Например, «набэ» — мясо в горшке. Его гости чаще всего готовят себе сами, сидя за столом. Делается это так: тончайшие ломтики говядины и всевозможные овощи измельчаются и ставятся на стол, в середине которого возвышается плоская кастрюля (стоящая на жаровне) с кипящей водой или некрепким бульоном. Каждый опускает в нее мясо и овощи, дает им слегка повариться, а затем вынимает все из кастрюли и, перед тем как отправить в рот, макает то в одну, то в другую мисочку с пряными соусами различной остроты и вкуса. Это блюдо можно слегка разнообразить, и тогда оно уже имеет другое название. Так, одно из блюд названо звукоподражательным словом «сябу-сябу». Бывает, некоторым блюдам присваивают имена исторических личностей, что вызывает недоумение.

Однажды на острове Сикоку я взобрался на девяти-сотметровую гору Ясима вблизи города Такамацу и остановился, восхищенный панорамой Внутреннего моря, представшего перед моим взором во всей своей красе. Я вернулся мыслями к небольшому крутому берегу, вдоль которого только что шел, откуда внизу была видна Данноура (совр. Симоносеки), и пытался представить события 25 апреля 1185 года, когда здесь, на морском побережье два великих рода — Минамото и Тайра (или Хэйкэ) встретились в решающей битве. Легендарный герой Ёсицунэ из дома Минамото выиграл битву для своего брата Йоритомо, который в 1192 году объявил себя сёгуном (верховным военачальником) и таким образом стал полновластным правителем страны. Сколько рассказов о длительной с переменным успехом борьбе между домами Тайра и Минамото мне пришлось прочитать за время учения и каких мук стоило знакомство со мно-

жеством драм в жанре ноо, главным героем которых был Ёсицунэ! Трудно найти другое историческое событие, предоставившее японской литературе столь обильный материал, чем борьба этих двух родов. Поэтому я не мог поверить глазам своим, когда, подойдя к ресторану у подножия горы Ясима, увидел на щите рекламу фирменного блюда под названием «Хэйкэ-набэ». Так гордый воинский род еще раз был буквально стерт в порошок.

Предводитель монголов Чингисхан также не избежал подобной участи. Блюдо под названием «Чингисхан-набэ» пользовалось в Токио в течение длительного времени большой популярностью.

Да, японские повара весьма изобретательны, а японская кухня отличается большим разнообразием, хотя будни ее весьма скромные. Поваренная книга, которая предлагает разные блюда для ежедневного трехразового питания в течение 365 дней в году, до недавнего времени была самым желанным свадебным подарком молодым женам. Однако кто думает, что японцы каждый день услаждают себя изысканной пищей, кто без устали превозносит эстетическую утонченность японской кухни и стола, прозрачную фарфоровую посуду, в которой подается рис, и изящные лаковые чаши для супа, считая, что все это для каждого дня, тот сильно заблуждается. Если он не заметил, что красивые лаковые чаши порой изготовлены вовсе не из лака, а из имитирующего его пластика,— это еще не самое главное. Он действительно с удовольствием вкушал лакомства из множества мисочек, тарелочек и чашечек, но, поскольку был гостем, его согласно общеизвестному гостеприимству японцев пригласили не в первый попавшийся ресторан, а в хороший или даже лучший. Кроме того, он не видел счета, иначе пришел бы в ужас. Здесь чаще всего приходится рассчитывать не десятками, а тысячами. Не очень роскошный ужин в первоклассном ресторане на четыре персоны или даже на две может обойтись в стоимость портативного цветного телевизора (правда, нельзя забывать, что вся эта развлекательная электроника в Японии не слишком дорога). Высшие служащие японских фирм располагают значительными фондами на представительские расходы, поэтому гостю его ужин ничего не стоит, но тот, кто вынужден сам платить за него, почувствует значительный удар по своему карману. Можно в Япо-

нии, разумеется, поест дешево и вкусно, но обслужива-ние будет значительно хуже.

Эпоха консервов в Японии так и не наступила. За исключением консервированных напитков, японцы не признают этот вид «быстрой» еды и предохранения от порчи. Но вместо этого в стране примерно в начале шестидесятых годов распространилось «инсунто». Слово это — японская версия английского «instant» («мгновение»), а «инсунто» подразумевает моментальное приготовление какого-нибудь блюда. Речь идет о продуктах питания и деликатесах, готовых к употреблению. Они специальным способом обезвожены; перед употреблением их следует лишь вскипятить или залить горячей водой. Сначала появились «инсунто кохи» и «инсунто рамэн» — растворимый кофе и блюдо из нитеобразного сорта вермишели китайского происхождения. Казалось, вся Япония буквально наводнена этими продуктами, непрерывное рекламирование которых не прекращается до сегодняшнего дня.

Впервые «инсунто рамэн» японцы увидели в 1958 году, а в 1974 году уже было продано 3,8 миллиарда упаковок, содержавших разовую порцию на одного человека. С тех пор потребление этого продукта не увеличилось. Одним из последних нашумевших новшеств из серии обезвоженных макаронных изделий стала «каппунудори» — от английского «cup noodles» («лапша в стаканчике»). Если «инсунто рамэн» приходится заливать кипятком, то «каппунудори» надо немного разбавить горячей водой, налив ее прямо в картонный стакан. Это не было бы чисто японским блюдом, если бы сверху не плавали красиво нарезанные овощи.

СГОРЕВШИЙ БУДДА

Одной лишь ризы недостаточно, чтобы прослыть священнослужителем.

* * *

Прежде чем начать человеку толковать учение, приглядись к нему повнимательнее.

Японские пословицы

26 января 1949 года стало одним из самых печальных дней в истории японской культуры. Едва над рисовыми полями и окружающими город Нару холмами забрезжил рассвет, как из Золотого павильона храма Хорюдзи взметнулось пламя. В мгновение ока оно почти полностью уничтожило одно из немногих свидетельств древнейшей буддийской храмовой архитектуры на японской земле и заодно последние выдающиеся произведения когда-то высокоразвитой в Юго-Восточной Азии, а в Японии очень редко встречающейся фресковой живописи. И кажется иронией судьбы, что пожар был вызван электрической подушкой, которой пользовался один из художников, самоотверженно посвятивший себя многолетнему изнурительному, кропотливому труду по реставрации и сохранению неповторимых культурных сокровищ. «Все, что имеет форму, преходяще!» — только и мог произнести старый священнослужитель храма, стоя перед его дымящимися руинами. Изречение это в сжатой форме выражает самую суть буддийского верования.

Упомянутый Золотой павильон (центральное строение любого буддийского храма) был возведен в конце VII — начале VIII века, и к тому же периоду относятся четыре почти восьмиметровые настенные росписи, нанесенные на глинобитные, покрытые слоем каолина стены. Столетия не прошли бесследно для этих шедевров восточноазиатской живописи. Светящиеся когда-то краски

сильно поблекли и начали отслаиваться. Лучшее всего сохранилась на западной стене большая фреска, изображающая будду Амиду, того самого, который каждому, кто его об этом попросит, обещает спасение и облегчение страданий, а также фрески с двумя его неизменными спутниками — Каннон, богиней милосердия, и Сэйси, богом мудрости. Это изображение, символизирующее доброту и сострадание, позволяло больше, чем все остальное, получить представление о прежнем величии и красоте фресковой живописи на стенах Золотого павильона храма Хорюдзи. Теперь же будда Амиды, едва различимый на почерневшей стене, печально устремлял с высоты свой взор на посетителя, которого под этим печально-призрачным взглядом пробирала дрожь.

В 1954 году Золотой павильон был в точности воспроизведен с использованием фрагментов, сохранившихся после пожара. Однако стены оставались пустыми. Неужели фрески безвозвратно утеряны? От них сохранилось лишь несколько контуров. Перед войной, когда впервые начались реставрационные работы, было сделано множество цветных фотографий, однако никто не имел представления о технике фресковой живописи. После продолжительных дебатов относительно возможности реставрирования шедевров и утомительных хлопот, связанных с добыванием денежных средств, группа из 14 художников во главе с выдающимися японскими мастерами своего времени — Юкихико Ясудой, которому тогда уже исполнилось 83 года, и 82-летним Сэйсоном Маэдой — взялась в 1967 году восстанавливать фрески. В феврале 1968 года они завершили работу. С тех пор вновь можно восторгаться прекрасной настенной живописью, но уже не древней, а новой, воспроизведенной точно в соответствии с настенными фресками Хорюдзи.

Свыше миллиона посетителей устремляются ежегодно к этому храму. Он древнее самого города, древнее Нары. Прежде японские императоры с вступлением на престол, как правило, заново определяли местоположение своего дворца и переносили резиденцию всякий раз в другое место. В 708 году императрица Гэммэй приказала возвести новый дворец, а заодно и новый город, который в 710 году был объявлен столицей. Сегодняшняя Нара со своим почти 300-тысячным населением в тот период была небольшим городом, называвшимся

Хэйдзё и делившимся на восточную и западную части. Они тянулись с севера на восток приблизительно на 5 километров, а с востока на запад — почти на 4,5 километра. Ширина главных улиц была 24 метра, боковых — 12 метров, магистральная улица — даже 85 метров. Любой японский город считал бы себя сегодня счастливым, располагай он улицами подобной ширины. Однако от этого древнего грандиозного, распланированного в шахматном порядке города, кроме окраинного района — теперешней Нары — и нескольких знаменитых храмовых ансамблей, разбросанных ныне среди рисовых полей или обширных парков, ничего не осталось, равно как и от императорского дворца, на возведение которого, согласно источникам, ушло столько дерева, сколько, по теперешним масштабам, хватило бы для постройки 7 тысяч типовых японских жилых домов площадью 60 квадратных метров каждый. На основании результатов раскопок было установлено, что для выравнивания местности и других работ, связанных с закладкой дворца, с декабря 708 года, то есть с начала строительства, до марта 710 года — даты вступления императрицы во дворец, ежедневно требовалось не менее 3 тысяч человек.

Когда императрица переехала в свою новую столицу, она якобы выразила недовольство несвоевременным окончанием строительных работ, на что ей осторожно намекнули, что привлеченные в принудительном порядке крестьяне сбегают. Население Японии того времени составляло примерно 3,5 миллиона человек, а нужно было в кратчайший срок построить город.

Гигантские стройки, требующие напряженных усилий всего народа, очевидно, неотъемлемая составная часть японской истории — как древнейшей, так и современной.

Правители были прямо-таки одержимы жаждой зодчества. Один за другим вырастали храмы. В 752 году после пятилетнего строительства был освящен Золотой павильон храма Тодайдзи, в котором установлена упомянутая почти шестнадцатиметровая статуя Будды. Павильон отличался огромными размерами. Длина его составила 88 метров, ширина — около 51 метра, а высота примерно 48 метров.

Спустя 70 с лишним лет со времени основания столицы Нара император Камму со всем своим двором решил покинуть ее, избрав для себя новую резиденцию — город

Нагаока, расположенный на расстоянии нескольких десятков километров от Нары. Для работ по строительству резиденции было временно мобилизовано 300 тысяч человек. Однако через 10 лет император изменил первоначальному намерению и оставил уже наполовину отстроенную резиденцию, переехав в Уэду, отдаленную от Нагаоки лишь на несколько километров. Здесь, в 40 километрах севернее Нары, был построен в 794 году город Хэйан-кё (современный Киото), который вплоть до 1869 года оставался столицей Японии. Так что японские императоры после Камму стали оседлыми.

Конец VI — середина VIII века — период первого расцвета японской культуры, глубоко проникнутой духом буддизма, образцами для которой служили Корея и Китай. В этот период появились отдельные произведения неповторимого очарования, в том числе деревянная статуя, находящаяся ныне во владении маленького храма Корюдзи в Киото и изображающая Будду величиной почти в человеческий рост в позе самосозерцания. Среди художественных творений, созданных человечеством за всю его историю, имеются, наверное, единицы, которые настолько проникновенно и просто выразили бы высшую гармонию и человечность, как деревянная скульптура в храме Корюдзи, объявленная 9 сентября 1951 года национальным сокровищем номер один. Она поражает изяществом, и в то же время от нее веет некоторой патриархальностью. В ней отсутствуют какие-то индивидуальные черты в отличие от многих поздних японских скульптурных произведений пластики, но вряд ли кто-либо устоит перед обаянием и притягательной силой этой деревянной скульптуры, особенно если он исповедует буддизм и глубоко чувствует символику изображенного, которую чужестранец может лишь попытаться понять разумом.

Создается впечатление, будто в тот период буддизм приобрел небывалое влияние. Хотя к отливке бронзовой статуи Великого Будды в Наре приступили только после того, как императорский дом отправил посланцев к прародительнице рода, богине солнца Аматэрасу в Исэ, чтобы получить на то ее согласие, это был, вероятно, не более чем благочестивый жест с целью умиротворения некоторых горячих голов. Ведь притязания императорского дома на господство покоились на прямом родстве с богиней солнца, на чем, в свою очередь, основывался

синтоизм, в котором мифология и история сливаются в единое целое. Так что синтоизмом ни в коем случае нельзя было пренебречь, если правители не хотели отречься от собственной истории и тем самым от власти. К тому же синтоизм оберегал и культивировал из поколения в поколение все магические и религиозные традиции, глубоко укоренившиеся в народе, хотя они никогда не были зафиксированы на письме и заключены в догматы. Проникнув в VI веке в Японию, буддизм быстро распространялся, оказывая наряду с синтоизмом решительное влияние на жизнь японцев.

В истории человечества — не такое уж редкое явление, когда часть народа исповедовала одну религию, а другая часть — другую. В течение довольно длительного периода буддизм исповедовала лишь небольшая прослойка высшей знати. Однако в XII—XIII веках, когда возникли новые буддийские секты, многое изменилось, но особенно резкие перемены произошли с начала XVII века, когда буддизм хотя и лишился своей религиозной актуальности, но его храмы стали как бы учреждениями регистрации, где велась опись проживавшего в данной местности населения. Каждая семья должна была быть приписана к какому-нибудь буддийскому храму. Таким образом, две религии существовали не только в самой стране, но и как бы в каждом японце. «...Но две души живут во мне, и обе не в ладах друг с другом»¹. Эти слова, принадлежащие доктору Фаусту, порождены европейским мышлением и даже механически не могут быть перенесены на японскую почву. Если синтоизм и буддизм где-либо и в ком-либо в Японии и были двумя душами, то они, до тех пор пока не началась политическая борьба за власть, как это имело место в ранний период утверждения буддизма в этой стране, едва ли друг с другом конфликтовали. Или, возможно, все шло не так уж гладко, как пытались нам внушить летописцы и как нам это сегодня представляется?

До сих пор почти еще не нашел убедительного ответа вопрос, почему величайшая святыня синтоизма, храм богини солнца Аматэрасу, находилась далеко от столицы, резиденции императора, в труднодоступном, уединенном, глухом, лесистом месте, на побережье Тихого океана? И почему другая великая святыня синтоизма, свя-

¹ Гете И.-В. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 2, М., 1985, с. 164 (пер. Б. Пастернака).

тилище Идзумо, в котором почитается божество страны Окунинуси-но микото, также помещалось вдали от столицы, а именно на полуострове Идзумо, вблизи от скалистого берега Японского моря? Ныне и то и другое вполне доступно, так как современные средства сообщения значительно сократили расстояния, и в когда-то уединенные места хлынул многомиллионный поток посетителей. Тысячу же или более лет назад паломничество к этим святыням было рискованным, опасным для жизни предприятием.

Господствующие в те времена буддийские секты, напротив, возводили свои величественные храмы в столице или в других крупных городах, например в Киото. В определенные времена воинов-монахов опасались больше, чем кого бы то ни было. Часто огонь и меч казались этим монахам более убедительными аргументами, чем слова священного буддийского писания. Местные же божества, и в первую очередь богиня солнца, вынуждены были жить в изгнании.

Предание гласит, что в стародавние времена богиня Аматэрасу была заключена в императорском дворце, пока в 4-м году до н. э. для нее не соорудили святилище, которое потом переносилось с места на место. А в 478 году богиня пожелала остаться там, где находится и поныне, а именно в Исэ, в постройке из дерева хиноки — японского кипариса, которая гармонией линий, строгой простотой и ясностью всего облика производит чарующее впечатление. Благодаря строгости линий и покрытой камышом двускатной крыше, образующей большой навес, святилище выглядит намного скромнее, чем буддийские храмовые ансамбли. В его архитектуре полностью отсутствует пышность, связанная с отпращиванием культа, это красота простейших форм. Архитектура святилища в Исэ — образец древнейшего, сугубо японского зодчества и не слишком отличается от архитектуры японских жилых домов того периода, когда ее еще не вытеснили бетон и сталь. Согласно предписанию, действующему со второй половины VII века, главное святилище в Исэ должно регулярно, каждые 20 или 40 лет, разбираться и уже с использованием нового строительного материала точно по оригиналу заново возводиться. Таким образом, строение никогда не производило впечатление обветшалого и вместе с тем всегда было подлинным памятником древнейшей японской архитектуры.

С синтоизмом связано немало символики, мистики и суеверий. Приверженцы синтоизма, поднимающиеся изо дня в день по крутой, скалистой, обсаженной высокими кипарисами дороге к святилищу, допускаются лишь на его территорию, внутрь самого святилища имеют право войти только лица, состоящие в родстве с императорским домом. Паломники благоговейно произносят молитвы, не впадая, однако, в экстаз. Религиозный фанатизм, оторванный от жизни, чужд синто — религии жизни.

На 32-й день после рождения мальчика, а девочки — на 33-й день родители и ближайшие родственники облачаются в праздничную одежду. В этот день все табу, связанные с рождением ребенка, заканчиваются. Новорожденный доказал свою жизнеспособность, теперь его можно нести в местное святилище, где священнослужитель, прочитав древнюю молитву, зачислит ребенка в общину, в которой боги и люди живут между собой в полном согласии. Спустя три года ребенок вновь появится в святилище, однако на этот раз уже не на руках матери. Одетый в изящное кимоно, он несколько неуверенно просеменит в своих сандалиях, держась за руку отца или матери, а возможно, и за руку пятилетнего брата или семилетней сестры. Брат в честь столь торжественного случая облачен в новую щегольскую рубашку с галстуком и нарядную куртку, на ногах у него — черные лаковые туфли и белые гольфы. Возможно, во всем этом ему немного не по себе, но держится он с большим достоинством. Его старшая сестра в цветастом кимоно и с бантом в волосах в отличие от него уже более раскованна, может показать себя в выгодном свете. Она грациозно ступает своими маленькими ножками, и при каждом ее шаге тихо звенят колокольчики, прикрепленные к сандалиям.

Происходит это во время одного из самых красочных праздников, «ситигосан» («праздник 7—5—3»), отмечающегося ежегодно 15 ноября в дни прекрасной японской осени. Территория синтоистского святилища наполняется нарядными детьми. Это поистине живописное зрелище, и, невзирая на необходимость соблюдать множество формальностей, от него получаешь истинное удовольствие. Родители приводят всех трехлетних детей, а также пятилетних сыновей и семилетних дочерей, чтобы отблагодарить синтоистских богов за то, что они убе-

регли детей от болезней и несчастий, и попросить их действовать этому и впредь.

Рядом с обширной территорией старого императорского дворца в Киото расположен парк площадью около 70 гектаров. До 1868 года здесь жила придворная знать. Когда после перенесения столицы в Токио этой части города грозило полное запустение, городские власти Киото решили разбить здесь парк. В уединенных уголках разбросано несколько маленьких синтоистских святилищ. Одно из них было построено в 1968 году и называется Туристическое. Возвело его объединение, занимающееся туризмом, о чем можно прочитать на рекламном щите. Еще там написано следующее: «Счастье и благополучие этому промыслу! Счастье и благополучие семьям и всем гражданам!» Если пройти несколько шагов дальше, то обнаружишь одно небольшое святилище, у которого громоздится гора декоративных бочек из-под сакэ, о чем свидетельствует название фирмы, производящей сакэ, выведенное на каждой бочке такими крупными иероглифами, что нельзя не заметить. Немного в стороне — штабель картонных коробок с восемнадцатилитровыми канистрами из-под соевого соуса. Имя изготовителя опять-таки бросалось в глаза. Что это? Религия и реклама? Нет, скорее древняя традиция, а именно приспособленное к современности жертвоприношение божествам.

Судно спускается на воду — появляется синтоистский священнослужитель в белом одеянии и просит бога водной стихии и бурь о благополучном во все времена плавании для корабля. Строится дом — также приходит служитель культа синто и просит богов земли о благословении, а также о снисхождении за то, что их потревожили. Подобных примеров — масса, очень много мероприятий, к которым отказываются приступить, прежде чем синтоистский священнослужитель не произнесет молитву или заклинания.

Однако, когда приближается час смерти, с ним, как правило, компетенция синтоизма кончается. Все похоронные и заупокойные дела находятся в ведении буддизма. Таким образом, обе религии (синтоизм и буддизм) заняли в истории страны и в душах японцев каждая свое место — в зависимости от обстоятельств. В таком «разделении труда» двух различных религий, очевидно, и состоит истинный японский феномен, пред-

полагающий готовность к компромиссу и большую терпимость. Поэтому христианство с его категорическим требованием веры в единого бога с трудом находит себе место в этой системе. Невзирая на активную миссионерскую деятельность, христианство не получило широкого распространения в Японии. Менее одного процента японцев исповедуют христианство, что составляет 900 тысяч человек. Синтоизм же исповедуют около 80 миллионов, и практически те же 80 миллионов — буддизм. Свыше 10 миллионов приверженцев насчитывают новые религии, развивающие весьма энергичную деятельность.

Некоторые полагают, что японцы — самый религиозный народ в мире, тем более что никто их не принуждает к вере. Церковь и государство отделены друг от друга. Ни одно государственное учреждение не имеет права даже задать кому-либо вопрос о его религиозной принадлежности. И тем не менее тот факт, что в Японии насчитывается примерно 95 тысяч синтоистских святилищ, свыше 96 тысяч буддийских и 46 тысяч храмов различных сект новых религий, подкрепляет мнение о высокой степени религиозности японцев. В этом также убеждают культовые церемонии которые совершаются в Японии почти каждый день. Однако находятся и такие, кто утверждает, что японский народ — самый нерелигиозный народ в мире.

Во время социологического обследования, проводившегося еще в шестидесятых годах, 66 процентов опрошенных прямо, без обиняков, ответили, что они не исповедуют никакой религии, правда, придерживаются ли они для вида какого-нибудь религиозного учения, их не спрашивали. 33 процента признали себя приверженцами одной религии. На вопрос, почему они исповедуют именно эту религию, из 33 процентов треть сослалась на семейные традиции, а еще треть призналась, что сама не знает почему.

Провозглашение догм и их горячее отстаивание (за исключением некоторых сект, влияние которых, правда, в последние годы значительно возросло) для Японии вообще нехарактерно, чего не скажешь о соблюдении отдельных культов и обрядов. Тут скорее следовало бы говорить о «нерелигиозной религиозности» японцев — противоречие, которое не столь безотносительно, как кажется на первый взгляд.

В Токио среди «гайдзинов» несколько лет назад рас-

сказывали такую историю. Корреспондент одной крупной западноевропейской газеты прибыл в Японию, чтобы написать репортаж об этой стране. Он обратился к высокопоставленному буддийскому священнослужителю с вопросом: «Верите ли вы в бога?» У переводчика на лбу выступил пот, так как он не знал, как ему перевести слово «бог». Его учили, что «бог» по-японски «ками». Этот принятый во второй половине прошлого столетия термин скорее вносил путаницу, чем способствовал пониманию сторон, ибо «ками» означает не одного бога, а бесчисленное множество божеств синтоизма, которые редко персонифицируются. Скала, дерево, водопад — все это согласно синтоистской вере может быть «ками» и, как таковые, почитаемы. Хотя переводчик употребил термин «ками», он для верности добавил английское «god», несмотря на то что ему самому это показалось абсурдом. Не мог же буддийский священнослужитель верить в христианского бога. И он, не долго думая, ответил отрицательно. Он и не мог поступить иначе, поскольку его религия незнакома с одним-единственным богом. Буддизм не монотеистичен, как и синтоизм. Наряду с историческим Буддой — Гаутамой, к которому восходит буддизм, имеются еще много других будд. И когда священнослужитель на вопрос журналиста ответил отрицательно, тот, не долго думая, написал, что в Японии уже и духовенство перешло в лагерь материалистов.

Нет рукавов — нечем и трясти.

Японская пословица

Молодые женщины, ежедневно выставляющие на показ свои едва прикрытые прелести перед преимущественно мужской публикой на сцене расположенного в токийском районе Асакуса большого театра «Кокусай гэкидзё», в котором насчитывается более трех тысяч мест, или на рампах ночных клубов и кабаре в других кварталах столицы и городов, очевидно, даже не подозревают, что у них имеется праматерь — богиня Удзумэ. Они, вероятно, также не знают, что первый, засвидетельствованный в японской литературе танец в обнаженном виде исполнялся отнюдь не для того, чтобы привести в замешательство представителей сильного пола, а с целью перехитрить представительницу прекрасного пола, а именно саму богиню солнца Аматэрасу. Дело в том, что в небесной обители произошло следующее.

Бог бури Сусаноо повел себя столь постыдно, совершал такие вопиющие непристойности, что его высокопоставленная сестра Аматэрасу, огорчившись и возмущившись, заперлась в небесной скальной пещере, после чего мир погрузился в глубокий мрак и на небо обрушились всевозможные бедствия. Никакие жертвоприношения, никакая мольба не могли выманить богиню из темницы, куда она добровольно себя заточила. Огромные ворота в скале оставались накрепко запертыми. Наконец кто-то решил позвать на помощь богиню Удзумэ. «Она принялась танцевать перед небесными воротами, от чего впала в такой экстаз, что обнажила свои груди и развязала даже набедренную повязку. Это вызвало у всех 800 божеств небесной обители громкий хохот», — говорится в 17-й главе «Кодзики». Безудержный хохот настолько возбудил любопытство богини солища, что она решила

приоткрыть ворота в скале и посмотреть, что же там происходит.

Имя богини Удзумэ, вероятно, означает женщину, которая во время религиозных празднеств играет и танцует. Сама богиня слывет прародительницей рода Сарумэ, который, как недвусмысленно подтверждают документы, вплоть до 955 года был при императорском дворе ответствен за ритуальные танцевальные представления. «Саругаку» — название одного из древнеяпонских театральных жанров. «Сару» в родовом имени Сарумэ и в слове «саругаку» — это, с одной стороны, «комедия, остроумная шутка и развлечение», а с другой — «обезьяна».

Таким образом, в Японии, как, вероятно, у всех народов мира, изобразительное искусство, то есть театр, во всех своих разнообразнейших жанрах уходит корнями в религию, ритуалы. Танец плодородия, называемый «самбасё», который еще сегодня исполняется во время многих синтоистских праздников, очевидно, восходит к танцу богини Удзумэ перед небесными скальными воротами. Танец «самбасё», представление «саругаку» и некоторые другие ранние японские театральные зрелища легли, в свою очередь, в основу двух профессиональных театральных жанров — ноо и кёгэн. Какими они были четыре-пять столетий назад, такими, по сути, остались и сегодня.

Основная тема кёгэн — человеческие слабости, которые подвергаются то большей, то меньшей критике, и делается это всегда остроумно, с использованием комедийных приемов. Пьесы ноо, напротив, основаны на материалах японской классической литературы, в них господствует дух спокойного достоинства и степенности. Однако как тяготеющие к комедии и сатире представления кёгэн, так и более близкие к трагедии спектакли ноо заканчиваются миром (спасительным смехом — в кёгэн и чувством освобождения от сильного внутреннего напряжения — в ноо). Зритель покидает театр успокоенный, умиротворенный. В прежние времена он часто проводил в театре весь день, с утра до вечера, чтобы посмотреть несколько (чаще всего пять) представлений ноо, а в перерыве между ними, как правило, еще три спектакля кёгэн.

Жанры кёгэн и ноо тесно взаимосвязаны, хотя и сильно отличаются друг от друга, и ни один актер кёгэ-

на не смог бы играть в пьесе ноо, и наоборот. В этом единство противоположностей.

«Зять на пароме» — так называется одна из популярных пьес кёгэна. Приведем вкратце ее содержание. Паромщик уже готов отчалить от берега, как неожиданно появляется молодой человек, желающий переправиться на противоположный берег, чтобы впервые нанести визит будущим теще и тестю. После небольшой перепалки стороны приходят к соглашению. Молодой человек, похоже, прибыл из столицы, думает паромщик, значит, в большом кувшине у него доброе вино. Уж очень не терпится паромщику хоть глоток хлебнуть из кувшина. Глоток, пожалуй, можно, соглашается молодой человек. Однако этим дело не ограничивается, и, когда они достигают другого берега, кувшин оказывается пуст, а паромщик сильно навеселе. К концу переправы паромщик догадывается, что молодой человек спешит в гости именно к нему. Вернувшись домой, он рассказывает обо всем жене. Оба растеряны. «Ты должен сбрить бороду, чтобы будущий зять не узнал в тебе паромщика», — советует жена. Повод пришелся как нельзя кстати, ибо ей давно надоела мужнина борода. Сначала он протестует, но вскоре под натиском убедительных аргументов жены соглашается, но хитрость напрасна: зять сразу узнает в безбородом тесте паромщика, который просит у него прощения за то, что опустошил кувшин. Его, разумеется, прощают, и пьеса заканчивается веселыми песнями и танцами.

Подобным образом, при очень большом тематическом разнообразии, построена любая пьеса кёгэн. Она развлекает, наводит порой на размышления, но никогда не переносит зрителя в потусторонний мир, а отражает реальную действительность. Пьесы ноо, наоборот, наполнены игрой фантазии, действие их происходит вне пространства и времени; они держатся на огромном внутреннем напряжении и требуют как от зрителя, так и от актера максимальной сосредоточенности.

Музыканты — три барабанщика и флейтист — занимают свои места перед «зеркальным помостом», то есть на выступающей в зрительный зал сцене с нарисованной на ее задней стене стилизованной сосной; певцы небольшого хора усаживаются на коленях по правую сторону сцены. Раздается несколько ударов в барабаны, после чего мелодию ведет флейта. Размеренным шагом

в пышном костюме из левого бокового прохода появляется актер. В пьесе «Небесный барабан», считающейся одной из лучших произведений ноо,— это посланец правителя. Создается впечатление, что короткий путь, который ему пришлось проложить до сцены, бесконечен. Затем он рассказывает как бы предысторию самой пьесы. В далеком краю живет человек по имени Охаку. Когда его жена забеременела, ей приснилось, будто с неба упал барабан. Поэтому родившегося сына они назвали Тэнко — «Небесный барабан». Когда Тэнко еще ребенком впервые ударил в барабан, раздались поистине волшебные звуки. Об этом стало известно правителю, и он тут же приказал доставить барабан во дворец. Но Тэнко схватил свой любимый барабан и убежал с ним в горы. Вскоре коварные слуги выследили его и утопили в реке. Барабан же, который был отдан правителю, оставался немой, кто бы в него ни ударял. Неужели в барабан переселилась душа мальчика?— подумал правитель и, чтобы выведать тайну, приказал доставить во дворец Охаку — отца мальчика.

На сцене появляется отец, выслушивает приказ правителя, который ему читает посланник, и следует за ним, уверенный в том, что непослушание сына будет стоить жизни и ему. Многие обдумывает престарелый отец по дороге в далекую столицу, о чем повествует хор. Когда старик наконец прибывает во дворец, его просят ударить в барабан. Он медлит, но все же соглашается взять барабанные палочки, так как надеется, что, если барабан зазвучит, это сблизит его с погибшим сыном. Весь во власти воспоминаний, глубоко опечаленный смертью сына, отец оплакивает его судьбу, а заодно и свою. Так как у него не хватает сил самому рассказать о своем горе, ему помогает хор. Напряжение нарастает. Отец смотрит на барабан и наконец решает ударить в него. Раздается чудесный звук, который заполняет все вокруг,— словно это ответ сына на немой призыв отца.

Вслед за этим придворный объявляет, что правитель доволен и милостиво отпускает старика, притом с богатыми подарками, а по сыну велит отслужить панихиду.

Теперь представление достигает кульминации. На берегу реки, в которой юный барабанщик нашел свой преждевременный конец, должна состояться обещанная панихида по умершему, с тем чтобы его душа обрела покой.

На землю спустилась глубокая ночь. Появляется дух Тэнко. По просьбе придворного он, примирившись, ударяет в барабан, танцует и то любит луну, то резвится в воде, пока далекий звук колокола не извещает о наступлении нового дня и не призывает духа возвратиться в мир иной.

Зритель глубоко переживает вместе с актерами. На сцене находятся лишь три действующих лица: придворный, отец и сын, к тому же роль отца и сына исполняет один и тот же актер. Никакой смены декораций, костюмов, хотя и то и другое великолепно; несмотря на чередование сцен, никакого реквизита, за исключением символического изображения барабана, движения скупы — все крайне иллюзорно, перенесено в далекий мир фантазии, проникнуто религиозной мистикой, верой в духов, но в то же время и безмолвным призывом к гуманности.

Трудно что-либо предсказывать, однако за дальнейшую судьбу ноо и кёгэн можно не опасаться. Напротив, создается впечатление, что именно теперь они испытывают прилив новых жизненных сил, об этом свидетельствует зрительный зал, почти весь заполненный молодыми людьми.

Очень своеобразен еще один театральный жанр — нингё дзёрури — народный кукольный театр, появившийся в XVI и развившийся в XVII веке, в период восхождения нового общественного класса — молодой буржуазии. Главная фигура театра — певец-сказитель (гидаю), рядом с ним сидит обычно аккомпаниатор с трехструнным музыкальным инструментом — самисэном, по которому ударяет плектроном, и все это сопровождается игрой кукол. Гидаю нараспев под музыку ведет повествование — говорит, поет, смеется, плачет за героев-кукол. Восхищает синхронность исполнения, гармония слова, музыки, движения, выразительность кукол (величиной в половину человеческого роста), виртуозность каждого участника в отдельности. Все, выступающие на подмостках кукольного театра, — настоящие мастера своего дела: музыкант из простого струнного инструмента, в зависимости от характера действия, извлекает звуки — то резкие, пронзительные, металлические, то нежные, лирические, щемящие; сказитель, исполняющий в одном лице все роли в пьесе, ведет диалоги так, что каждая фигура приобретает свойственные только ей черты; три актера-кукловода умело манипулируют каж-

дой куклой, меняя даже черты лица для выражения тончайших эмоций. Так что в целом получается такое зрелище, которое и сегодня справедливо оценивается как высшая форма мирового кукольного искусства.

Свой расцвет кукольный театр пережил, когда гениальный Тикамацу Мондзаэмон (1653—1724), первый выдающийся раннебуржуазный драматург Японии, начал писать свои пьесы специально для этого жанра и тем самым открыл для него новый круг тем, посвященных жизни, думам и чувствам городской буржуазии. Во второй половине XVIII века кукольный театр потерял часть своей популярности, которая ему сопутствовала свыше полутора столетий. Лишь на исходе XVIII века благодаря усилиям некоего Бунракукэн Уэмуры кукольный театр ожил. Им был основан в Осаке театр Бунракудза, который с тех пор вплоть до наших дней является единственным стационарным театром японской кукольной драмы. Слово «бунраку» стало еще одним наименованием для этого жанра. Ансамбль певцов-сказителей, игроков на самисэне и актеров-кукловодов насчитывает сегодня едва ли больше 70 человек, среди которых молодых людей совсем немного.

Дзёрури — это ставшее традиционным искусство во времена Тикамацу Мондзаэмона было поистине актуальным. В его героях зритель видел самого себя, в его тематике — волнующие проблемы. На седьмой день четвертого месяца 1703 года у святилища Икутама, вблизи Осаки, было совершено двойное самоубийство влюбленных. Торговый служащий влюбился в девушку из чайного дома и хотел ее выкупить. После того как он стал жертвой обмана своего близкого друга, который выманил у него все накопленные для выкупа деньги и вдобавок оскорбил, он решил покончить с собой. Девушка выразила готовность уйти из жизни вместе с любимым, чтобы соединиться с ним хотя бы в потустороннем мире. Тикамацу Мондзаэмон сделал это событие темой своей многоактной пьесы «Сонэдзаки синдзю» — «Двойное самоубийство в Сонэдзаки», одного из наиболее удачных произведений. Спустя четыре недели после трагического события у святилища Икутама в кукольном театре Осаки состоялась премьера драмы.

Кукольный театр как бы играл в те времена роль телевидения, отражая жизненные события.

Спустя пятьдесят лет после смерти драматурга Тика-

мацу ведущее место среди театральных жанров занял театр кабуки, возникший в XVII веке как искусство ранней буржуазии, стремившейся в то время к эмансипации в области культуры и заявлявшей свои новые требования на жизнь, свободную от феодальных уз и моральных норм. Этот театр отличался большой жизнерадостной силой, а поскольку со времени зарождения театра кабуки исполнителями его были исключительно (а позднее за редким исключением) женщины, строгим блюстителям нравов феодального режима, отмечавшим быстро растущую популярность этого жанра, показалось, что он даже слишком жизнерадостен. По этой причине в 1629 году был издан суровый указ об изгнании женщин из кабуки, что отнюдь не привело к его гибели: слишком уж он был популярен. Женские роли стали играть мужчины и со временем достигли в этом такого совершенства, что созданные ими женские образы сделались эталоном женственности, послужив для многих представительниц прекрасного пола примером, которому стремились подражать как в одежде и косметике, так и в жестах и походке.

Когда спустя почти 250 лет закон, запретивший женщинам играть в театре кабуки, был отменен, в них уже не было больше нужды, ибо более идеальных женщин, чем те, которых изображали актеры-мужчины, следуя японским семейным традициям, нельзя было найти.

Таким образом, кабуки остался «мужским» театром, в котором виртуозная игра актера часто ценится больше, чем сам сюжет. Это в высшей степени пронизанный условностями театр, в одном представлении которого, в противоположность театру ноо, одновременно происходит множество событий, а действие развивается бурно, в захватывающем темпе. Всевозможные трюки и технические усовершенствования кабуки знал раньше, чем театры Европы. Например, вращающаяся сцена, с помощью которой возможна быстрая смена декораций, служит кабуки уже не менее 300 лет. Театральность, внешнее великолепие доведены здесь до совершенства.

Сюжеты свои кабуки часто заимствовал из ноо и кёгэн, приспособляя их к своему жанру. Позднее этот театр нашел своих собственных драматургов. К ним вначале также принадлежал Тикамацу Мондзаэмон, который, кстати сказать, был недоволен тем, что актеры кабуки уж очень бесцеремонно обращались с его текста-

ми. Когда кабуки затмил своей популярностью кукольный театр, то сразу же воспользовался его пьесами. Так что пьесы, написанные первоначально для кукольного театра, составляют более половины сегодняшнего репертуара кабуки. При всей популярности, которой пользовался прежде этот красочный, постоянно приводивший в волнение театр, он вряд ли собирал столько зрителей, сколько собирает сегодня. Что же такое Япония? Страна традиций? Возможно, но не только традиций.

К услугам японского зрителя — выдающиеся произведения зарубежных авторов — и классические, и современные, с успехом идущие на сценах японских театров. Те, кто пожелает смотреть пьесы Шекспира, Гете, Брехта, Петера Вайса и других европейских авторов, могут это сделать. Правда, не все в современном японском театре так, как в европейском. Например, одна-единственная пьеса там идет несколько дней подряд, а если она пользуется большим успехом, то и несколько недель. Затем она надолго исчезает из программы. К услугам любителей разных жанров — множество небольших театральных трупп. Есть политический театр, есть мюзикл. Театральные труппы обычно показывают свои спектакли в самом большом театре Токио «Ниссэй гэкидзё», расположенном рядом с огромным зданием банка «Мицубиси» в районе Маруноути. Желающий более весело провести время может посетить уже упомянутый театр «Кокусай гэкидзё» в Асакусе, но он дороговат. Если и этого мало, следует отправиться в Осаку на суперэкспрессе, а там пересесть на поезд, направляющийся в Кобэ, и выйти в Такарадзуке, примерно на полпути между Осакой и Кобэ. Такарадзука — маленький городок, основателям которого, наверное, никогда и не снилось, что он завоюет мировую славу, так как в нем будет построен один из самых больших театров в масштабах не только Японии, но и мира, а именно Большой театр Такарадзуки, рассчитанный на более чем три тысячи мест. Здесь также выступает ревю-ансамбль, в котором работают около 400 необыкновенно красивых девушек.

В 1910 году еще довольно молодой человек купил почти стокилометровую железнодорожную линию между Осакой и захолустной, забытой богом Такарадзукой. Чтобы поезда не пустовали, он разместил в Такарадзуке несколько аттракционов для жителей Осаки. Начал с

бассейна, затем для развлечения купальщиков организовал балетную труппу из 16 молодых девушек. Постепенно эта труппа разрасталась, и в 1914 году на ее основе была создана «Музыкальная труппа Такарадзуки». Ей всегда сопутствовал успех: публике нравятся феерические ревью, в которых (в отличие от кабуки) выступают девушки. Специфика представлений в том, что наряду с американско-европейским репертуаром этого жанра девушки исполняют японские старинные народные танцы, а также сцены из пьес театра кабуки, поставленные в стиле ревью.

Создатель музыкальной труппы умер в 1957 году в возрасте 84 лет. «Моим девизом всегда было: представить публике такие развлечения, которые бы на самом деле развлекали», — сказал он незадолго до смерти. И тот, кто любит блеск и мишуру, богатство красок, красивые наряды и лица, несомненно, найдет у 400 девушек из ансамбля в Такарадзуке много интересного.

С этой же целью несколько лет назад в большом Токийском концертном зале был поставлен музыкальной труппой Никикай «Дзипусни дансаку» — «Цыганский барон» доброго старого Иоганна Штрауса. Австрийский шарм на японский лад, классическая венская оперетта в исполнении японских певцов — все это несколько ошеломляло. Наверное, потому, что с трудом вписывалось в общепринятое представление о Японии. А возможно, и потому, что трудно поверить мадьярскому владельцу свинофермы, когда он поет по-японски, что свиньи и свиное сало — его идеал. Однако о вкусах не спорят. Действительно, к чему об этом спорить?

ОСАКА И «КАПСУЛА ВРЕМЕНИ»

Время не ждет человека.

Японская пословица

Осака — город, окруженный водой, город мостов (говорят, их там более полутора тысяч), расположен в дельте реки Ёдогавы. Можно ли Осаку назвать «Венецией Востока»? Лишь тот, кто не знает города на Адриатике, согласится с подобным определением для Осаки, ибо, за исключением того, что она окружена водой и изобилует мостами, в ней нет ничего общего с Венецией, не говоря уж о красоте. Это наиболее значительный, интересный и наиболее оживленный город после Токио, но красивым его не назовешь. Нельзя также сказать, что он древний, хотя стоит на древнейшей исторической земле и имеет славное прошлое. В 593 году на юге его нынешней территории был возведен один из первых крупных буддийских храмов Японии — Ситэннодзи (Храм четырех небесных царей). В VII — начале VIII века в этом месте, которое называлось тогда Нанивой, императоры ненадолго устраивали свои резиденции. Несколько поодаль от самого города находится гробница Нинтокутэнно (по официальной хронологии — 16-й японский император, правивший в конце IV века), слыvuщая одной из самых крупных гробниц в мире. Окаймленная тремя широкими рвами, она представляет собой холм неправильной формы высотой 30 метров, длиной — неполных 500 метров и шириной 300 метров.

Впервые Осака документально упоминается в 1498 году. Двамя годами раньше очень популярная и влиятельная в то время буддийская секта синсю построила здесь укрепленный монастырь. Феодалный князь Нобунага из рода Ода, пытавшийся во второй половине XVI века объединить под своим господством истерзанную страну, где все враждовали со всеми, разрушил

этот оплот непокорных монахов. Три года спустя его преемник, возвысившийся из крестьянского сословия военачальник Хидэёси Тоётоми, построил на этом же месте замок-крепость. Вскоре великолепному сооружению суждено было стать последним бастионом единственного сына Тоётоми, где он укрепился вместе со своими союзниками, после того как его соперник Иэясу из дома Токугава в 1603 году стал сёгуном и тем самым единоличным властителем Японии. В результате многомесячной осады летом 1614 года крепость была взята войсками Токугава, правда, достались сёгуну лишь дымящиеся груды развалин. В 1619 году наследники Токугава Иэясу полностью подчинили город Осака своей власти, а в 1620 году приказали восстановить крепость. В этих работах они заставили участвовать более 60 феодальных князей, которых среди прочего обязали доставлять гигантские каменные глыбы для колоссальных крепостных стен. Один из самых крупных камней в сохранившейся части стены имеет в длину почти 11 метров, в высоту — около 5,5 метра, его толщина — примерно 2,5 метра. Сколько пота и крови было пролито, чтобы доставить в Осаку камни с места, отдаленного более чем на 100 километров!

В 1630 году сооружение было закончено, и, если судить по старинной гравюре, воспроизведенной в одной из первых европейских книг о Японии («История Японии») голландца Монтануса, это строение было весьма внушительным. Однако кроме стены и сделанной Монтанусом подписи, гласившей «Большой императорский замок, расположенный в Великой Японской империи» («императорским замком» оно, кстати, никогда не было), от крепости сохранился лишь небольшой кусок стены. Казалось, крепость родилась под несчастливой звездой. В 1665 году сгорели (восстановленные до этого) главная башня, другие строения в результате прямого попадания молнии. Еще раз (и последний) памятнику был нанесен ущерб в январе 1868 года, во время гражданской войны между войском сёгуната Токугава и армией сторонников императорского дома.

В 1929 году было решено воссоздать по старинным чертежам хотя бы главную башню, но не из дерева и глины, каковыми они были первоначально, а из бетона. Эта башня, отличающаяся многообразием форм (создается впечатление, будто она состоит из пяти слегка изо-

гнутых, суживающихся кверху кровель), стала с тех пор символом Осаки.

Очень мало дошло до нашего времени свидетельств прошлого города, наивысший расцвет которого пришелся на XVII век, когда феодалы Западной Японии сооружали здесь свои хранилища для риса и других сельскохозяйственных культур и открывали торговые конторы. Осака сделалась важнейшим перевалочным пунктом по сбыту риса, как тогда говорили, «кухней страны» и тем самым процветающей торговой метрополией. О силе и влиянии осакских купцов ходила поговорка: «Если купцы Осаки начинают гневаться, то всю страну бросает в дрожь». Сейчас здесь почти ничего не напоминает о том славном времени, тем более что во второй мировой войне американские бомбы уничтожили более трети города. Зато в характере его жителей сохранилось много таких черт, которые выделяют их (наподобие жителей Киото) среди населения других частей страны. Это проявляется не только в речи (есть особый диалект), но и в манере говорить, в целом значительно отличающейся от токийской или киотоской. Даже в самых обыденных выражениях проявляется вошедшая в поговорку деловитость жителей Осаки. Так, вместо «Добрый день» там скажут «Как идут дела?»

Обобщения часто бывают ошибочными, но доля правды в них есть. Говорят, что, если жителю Киото дать немного денег, он купит себе на них дорогое кимоно, токиец потратит их на развлечения, а житель Осаки часть проест и пропьет, но большую часть отнесет в банк.

Жизнерадостность, деловитость, не имеющая ничего общего с алчностью, расчетливость, настойчивость в достижении личных целей — вот черты, которые счастливо сочетаются в характере жителей Осаки. Там, где токиец давно, пожав плечами, отступил бы со словами «значит, не суждено», житель Осаки еще долго не сдастся. Ведь его предкам во времена Токугава не раз приходилось за одну ночь лишаться всего состояния. (Когда долги феодальных князей осакским купцам становились настолько велики, что те вынуждены были отдавать под заклад свои урожаи риса на несколько лет вперед, сёгунат издавал приказ об аннулировании долгов феодальных князей, и осакский купец терял все свои деньги.) Однако купцы не унывали, а каждый раз начинали все

заново и настолько успешно, что город продолжал процветать.

Когда в 1868 году в Японии сёгунат был низложен, раздавались даже голоса, настаивающие на том, чтобы Осаку сделать столицей страны. Однако она так и не удостоилась этого высокого звания, более того, за последнее время многие крупные газеты и торговые фирмы перевели свои главные конторы в Токио. Все это воспринимается в Осаке весьма болезненно. Не утешает осакцев и то, что в городе осталась часть монетного двора, тем более — меньшая его часть, та, где изготавливают металлические деньги. Правда, без звонкой монеты не обойтись, особенно с тех пор, как повседневная жизнь в городах почти немыслима без билетных, сигаретных и многих других автоматов, хотя, если учесть перманентную инфляцию, ценность их невелика. А так как остатки центральных органов управления никак не могут служить утешением для жителей Осаки, они берут свое во время спортивных состязаний, которые регулярно проходят между Токио и Осакой, когда игра между прославленными профессиональными бейсбольными командами Токио и Осаки превращается в настоящую битву, так как на карту поставлена честь того и другого города.

Тем не менее Осака не возвращается мечтами в прошлое, а живет сегодняшним днем. На ее окраинах расположены центры сталелитейной, машиностроительной, химической, текстильной и пищевой промышленности. Кроме того, после Кобэ и Йокогамы Осака — третий по значению порт Японии, и в ней находится один из крупнейших концернов электротехнической промышленности и электроники. В городском квартале Минами в растянувшихся на несколько километров пассажах «Синсайбаси» идет бойкая розничная торговля. На улицах и в переулках, вплотную примыкающих к берегу реки Дотомбори, где с давних времен сосредоточены увеселительные заведения, никогда не гаснут огни. Нескоро южнее возвышается «Цутэнкаку» («Поднимающийся в небо»), павильон, представляющий собой стальную башню высотой 103 метра, сооруженную в 1956 году. Это копия аналогичного сооружения, возведенного здесь же в 1912 году в подражание парижской Эйфелевой башне и задуманного как центр «Синсэкай» («Нового мира»), своего рода луна-парк. Вокруг башни рас-

кинулся самый популярный увеселительный квартал города. Он славится также своей улочкой Дзяндзян, на которой расположены один за другим небольшие ресторанчики, ларьки, где все продается за бесценок, но говорят, что здесь никогда нельзя быть полностью уверенным в хорошем качестве товара, например, покупателю могут продать вместо свинины или говядины мясо кошки или собаки.

Куда бы ты ни направил свой взор в Осаке, везде увидишь современность — современность, устремленную в завтра. Этому содействовала, в частности, всемирная выставка ЭКСПО-70. Уже в 1968 году 250 бульдозеров начали вскапывать 3 миллиона квадратных метров поросших лесом земель и пустошей вблизи гор Сэнри на севере Осаки. Два года спустя впервые на Азиатском континенте открылась Всемирная выставка. Чем для Токио были летние Олимпийские игры 1964 года, тем для Осаки стала ЭКСПО-70. Казалось, будто весь город за короткий срок вывернут наизнанку. Новые эстакады, четырехрядная автострада вокруг города, дальнейшее расширение сети метрополитена, где станция Умэда, непосредственно примыкающая к железнодорожному вокзалу Осака, располагает гигантским подземным торговым центром и где одним из аттракционов служит искусственная река, на которой проводятся спортивные игры,— все это придает облику города такой размах, какой редко можно встретить даже в Японии.

Многое в Осаке напоминает о Всемирной выставке 1970 года. Будут ли, однако, помнить ее 5000 лет спустя, вряд ли кто-нибудь отважится предсказать. Абсолютной уверенности в этом не было также у президента «Майнити-Симбун», одной из крупнейших ежедневных газет Японии, и президента концерна «Мацусита электрик», и поэтому они решили оставить будущим поколениям память о стране. Если через 5000 лет кто-нибудь начнет копать в точке пересечения координат $34^{\circ}40'58''$ северной широты и $135^{\circ}31'42''$ восточной долготы (у главной башни крепости Осаки), то на глубине 14,37 метра найдет «Time Capsule» — «Капсулу времени», которая напомнит об ЭКСПО-70. Капсула сделана из нержавеющей стали в виде шара диаметром 1 метр. В нее вложены 2098 образцов: природные элементы, а также предметы материальной и духовной культуры человечества, созданные до 1970 года (например, золото, сереб-

ро, платина, сера и т. п., а также ручные часы, транзисторные приемники и мини-телевизоры, выпускаемые «Мацусита электрик»; нейлоновые чулки и тонометр, желудочный зонд и аспирин, морфий и столовая соль, дамская сумочка, включая ее содержимое, и пеленки, документы о второй мировой войне и фотографии о войне во Вьетнаме; ноты с музыкой Баха, Бетховена, Прокофьева и кассеты с записью шлягеров; порнографические открытки и предметы под инвентарным номером 2098 — 16-миллиметровая кинокамера с приспособлением для звукозаписи и т. д.).

Однако 5000 лет — срок немалый, и координаты, указывающие на место хранения «Капсулы времени», могут быть преданы забвению. Чтобы этого не случилось, была изготовлена копия этой капсулы, которую решили закопать на глубине неполных 10 метров точно над первой. Вторая капсула должна быть вскрыта в 2000 году. Затем подобная операция будет повторяться через каждые сто лет, а содержимое пересматриваться и вновь закапываться на прежнем месте.

Пока стоишь перед установленным вблизи высокой дворцовой башни монументом — отполированным камнем, завершающимся шарообразным куполом из такой же нержавеющей стали, что и зарытая «Капсула времени», невольно думаешь (и не без причин), что идея с капсулой, хоть и хороша, но в какой-то мере обречена на неудачу. И еще думаешь о том, что археологам через 5000 лет, наверное, гораздо легче будет работать, чем их коллегам работается теперь: ведь им никто не оставил никаких координат.

Когда, сидя в машине, я мчался по городской автострате к Итами, осакскому международному аэропорту, глаза останавливались на довольно своеобразном, временами даже пустынном ландшафте, а мысли все еще были заняты «Капсулой времени», но не той, что лишь после труднообозримого отрезка времени в 5000 лет должна быть вскрыта, а той, что будет извлечена на белый свет в конце нашего столетия, в 2000 году, который уже не за горами. Что будут чувствовать люди, разглядывая предметы, фотографии и книги 1970 года, еще можно себе представить, а что они будут чувствовать 5000 лет спустя, представить трудно.

Эта мысль не покидала меня и тогда, когда гигантский «Джумбо-Джэт» поднялся в воздух. Для коротко-

го, в 45 минут, полета до Токио самолету нет необходимости набирать максимальную высоту, так что проносящиеся внизу ландшафты прекрасно обозреваются. Мысль о капсуле все еще сидит в голове, когда за окном самолета неожиданно возникает во всей своей красе Фудзияма. Глядя на все эти пейзажи Японии, возвращаешься мыслью в не столь отдаленное прошлое, когда жестокая война уничтожила многое из того, что сейчас видишь под фюзеляжем самолета. Этим же курсом могли тогда летать самолеты, несшие смерть и разрушение. Здесь, на узкой прибрежной полоске земли, над которой мирно летит «Джумбо-Джэт», строилась новая жизнь, создавался промышленный комплекс невиданных еще в мире масштабов. А разве теперь этому творению миллионов трудолюбивых людей и жизни самих людей не грозит опасность? Что будет в 2000 году? Что в 2100-м? Хотелось бы верить в то, что в это и в последующие столетия толпы жизнерадостных японцев поднимутся на площадку у осакской дворцовой башни, чтобы присутствовать на церемонии извлечения из недр земли почти двухтонной «Капсулы времени».

ЭПИЛОГ

Живущая в колодеце лягушка не догадывается о бескрайних морских даях.

Японская пословица

Последние строки этой книги были написаны как раз в майские дни 1981 года, когда Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР Эрих Хонеккер находился в Японии с официальным визитом, который, без сомнения, положил начало новому этапу в сравнительно недавно установившихся дипломатических отношениях между двумя государствами. В совместном коммюнике от 31 мая 1981 года говорилось, что «с начала установления дипломатических связей в 1973 году отношения между Германской Демократической Республикой и Японией, несмотря на различие в их общественном устройстве и значительное географическое расстояние между ними, постоянно развивались».

Первая фаза этого развития уже завершена, и теперь оба государства прилагают усилия, чтобы привести все более явное доказательство того, что в соответствии с принципами политики мирного сосуществования при всех имеющихся между ними различиях вполне возможно плодотворное сотрудничество, способное не только принести пользу этим двум государствам, но и оказывать содействие в оздоровлении международного климата в целом. Наиболее многогранно и тесно складываются отношения прежде всего в экономической и научно-технической областях, но они значительны также в области культуры. Доказательства тому очевидны, и к ним ежедневно добавляются все новые — в экономике, науке, технике и культуре. Дни культуры ГДР в Японии, знакомившие население последней с конца апреля до начала июля 1981 года с музыкальной жизнью ГДР, являются прежде всего убедительным подтверждением

того, что уже нашло свое отражение в упомянутом выше совместном коммюнике, где, в частности, говорится: «Председатель Государственного совета, с одной стороны, и премьер-министр — с другой, с удовлетворением констатировали, что культурный обмен между обоими государствами успешно развивается. Они придерживаются точки зрения, что этому обмену, углубляющему взаимопонимание между двумя государствами, следует всячески содействовать».

Взаимопонимание и взаимное знакомство предполагают взаимную информацию. Личные встречи руководящих представителей обоих государств создали для этого надежную основу. И ныне настало время ликвидировать все существующие еще недоразумения и предубеждения. Расстояния между странами, что и говорить, велики, однако в эпоху реактивных лайнеров расстояния — не столь уж большое препятствие для взаимопонимания.

Хотелось бы еще раз сказать, что основной целью книги было именно углубление взаимопонимания и что книга не претендует на всеобъемлющее описание японской жизни. Это лишь личные впечатления о Японии, вынесенные за 30 лет ее изучения. События описаны в той последовательности, в какой они имели место в соответствии с многообразием самой жизни. Вначале я надеялся хотя бы в общих чертах изобразить законченную картину Японии, однако в процессе работы над материалом убедился, что могу предложить лишь отдельные эпизоды.

О многом можно было бы еще говорить, например о многообразии японского ландшафта, о красоте традиционных жилищ, сохранившихся в городах Курасики и Канадзава или в некоторых сельских местностях. Следовало бы больше написать и о городке Никко с его святыщами в стиле барокко, ибо японская пословица гласит: «Кто не видел Никко, не способен говорить о красоте». Значительно больше можно было бы поведать о Токио, поражающем своими противоречиями и контрастами, судорожным темпом жизни, или более подробно остановиться на дзэн-буддизме, о котором говорит сегодня весь мир. Что же касается японской экономики, хотелось бы рассказать о крупных торговых фирмах, которыми пользуется японский производитель, не располагающий, как правило, собственной торговой сетью для сбыта своих товаров. А сколько можно было бы говорить о

спорте в Японии, например о любимых японцами бейсболе и древней борьбе сумо, в которой участвуют мощные (весом от 100 до 140 килограммов) борцы. Хорошо бы было рассказать о традиционных видах искусства и о чайной церемонии, о японском искусстве расстановки цветов и веток в вазах (икебана), а также о том, как проводят японцы свое свободное время, и описать повседневную жизнь японцев в целом.

Но где-то надо было поставить точку. И то, что она была все же поставлена, явилось полной неожиданностью для меня самого. Хотелось написать еще несколько страниц, в том числе продолжить мысль приведенной в первой главе эпиграммы Ику Такэнаки об ограниченности суждений о Японии некоторых современников. Они звучали бы примерно так:

Все японцы незаурядные художники.
Все японцы сочиняют стихи.
Все, все дышат загрязненным воздухом.
Все японцы едят отравленную рыбу.
Все японцы любят пользоваться мечом.
Совершенно верно! Однако все же не все!

Необходимо было поразмышлять о стране, которая не отличается большей загадочностью, чем другие страны, но которая подчас задает загадки. И пусть никто не считает себя задетым, если попутно была снята частица очарования с того или иного экзотического явления, меньше всего повинного в том, что его воспринимали лишь как экзотику. Однако этот народ и страну можно любить и без экзотической вуали.

«Литература, посвященная путешествиям, достигает в настоящее время чудовищных размеров, так как весь мир пустился в путешествия. Как правило, книги, написанные туристами, превратились в настоящее бедствие», — писал в прошлом веке специалист по истории культуры и писатель Фердинанд Грегоровиус, называя подобные писания «совершенно ужасным видом издевательства над природой и искусством».

Если автор этой книги и надеется на что-то, так только на то, что хотя бы не «замучил» своего читателя.

За проявленное к автору терпение он говорит читателю «Аригато годзаймасу» — «Сердечное спасибо», «О-гэнки дэ» — «Всего доброго!» и «Саёнара» — «До свидания!»

СОДЕРЖАНИЕ

С. А. Арутюнов. Предисловие	3
От автора	8
О самобытности японцев	11
Сколько ликов у Японии	31
На суперэкспрессе через мегалополисы	45
Сколько стоит японец	57
Когда земля содрогается и бог ураганов приходит в ярость	73
Копирование или творчество?	85
Большие и маленькие, или двойная структура	102
«Далекий остров» — Хиросима	116
Нагасаки — «Неаполь Востока» и еще кое о чем	117
Смерть писателя	145
Самопознание	154
Еще раз о смерти писателя	170
Взаимоотношения	181
Урок японского языка	198
Дополнение к главе о языке	212
Экзаменационная горячка	221
«Рэнай» и «миай», или любовь и посредничество	235
Знакомство с кухней	250
Сгоревший Будда	264
Театр	274
Осака и «Капсула времени»	283
Эпилог	290

Юрген Берндт

ЛИКИ ЯПОНИИ

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Рассказы о странах Востока»*

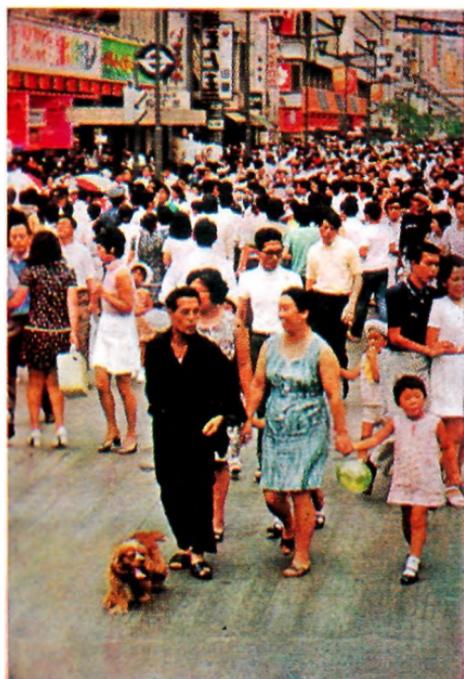
Редактор *Р. Г. Стороженко*
Младший редактор *М. С. Грикурова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Л. М. Кольцина*

ИБ № 15330

Сдано в набор 10.03.88. Подписано к печати 25.07.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Вкл. отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15,54+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 18,27. Уч.-изд. л. 16,8. Тираж 40 000 экз. Изд. № 6486. Зак. № 213. Цена 1 р. 20 к.

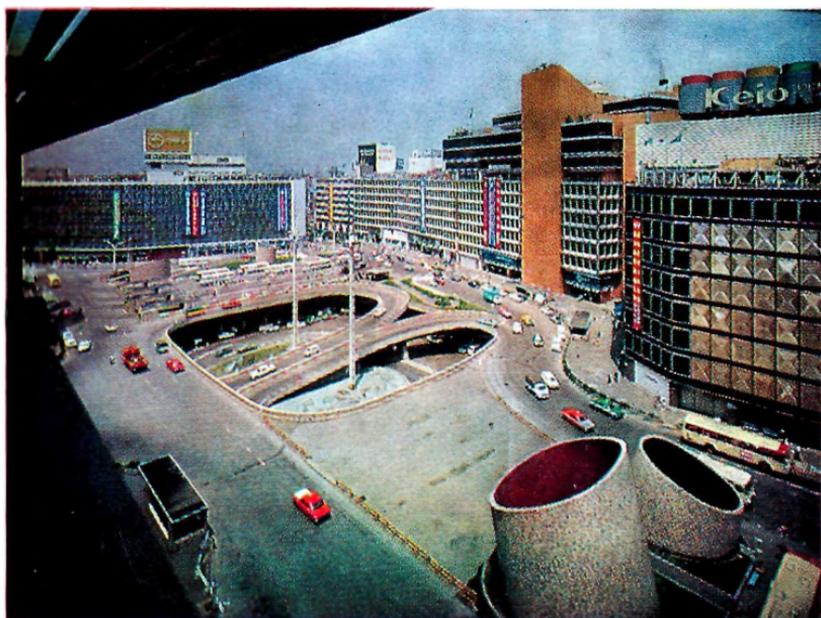
Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51,
Цветной бульвар, 21.

Отпечатано во 2-ой типографии изд-ва
«Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6.
Зак. 2055

На улицах Токио

Синдзюку —
самый крупный
пересадочный узел
столицы

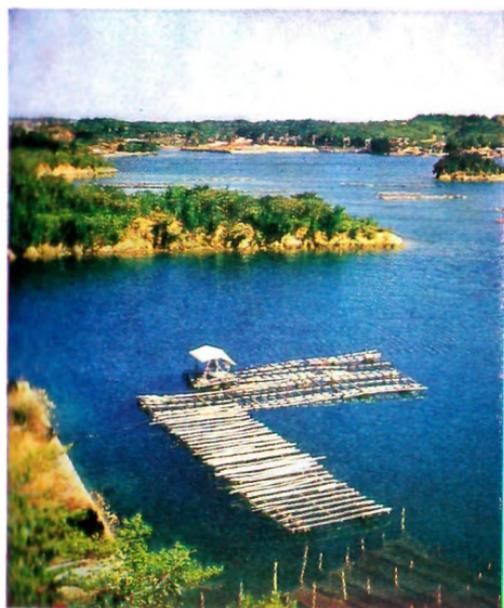

Вид на Токио сверху

Фудзияма

Озеро Хаконе
у подножия
Фудзиямы

Ферма
по выращиванию
жемчуга

Окраска шелка в Киото

Добыча водорослей

—→
Разгрузка крабов

—→
На синтоистском празднике
в Киото

Традиционный
японский жилой дом

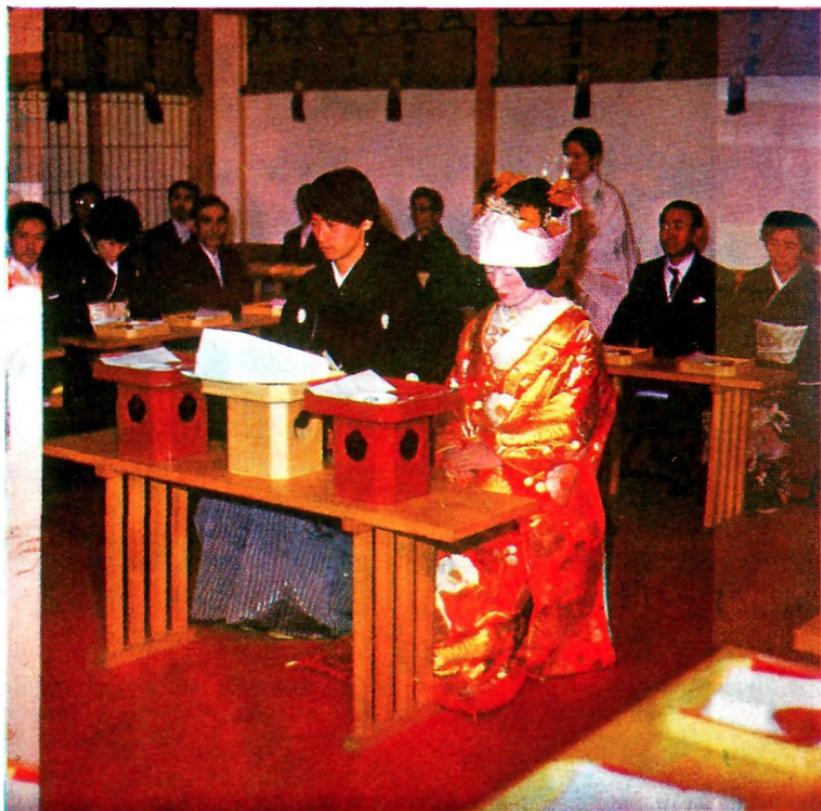
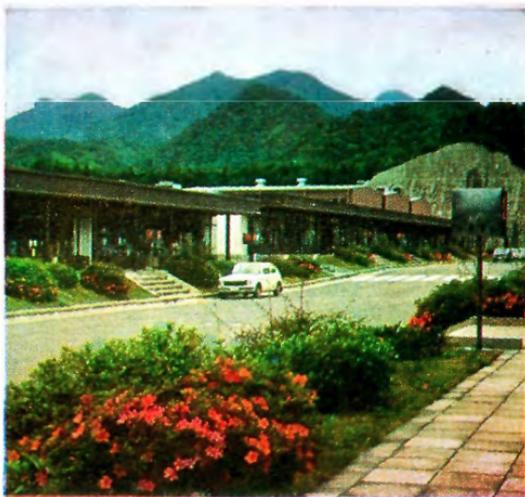

Процессия японских
священнослужителей

Мотель в горах

Повобрачные

Японские дети

Школьницы у синтоистского храма

Синтоистское божество в виде лисы — покровительницы бизнеса

Храм Кинкакудзи в Киото

На одном из японских кладбищ
Фасад синтоистского храма
Туристы у синтоистского храма в Никко
Синтоистский священнослужитель

Японская девочка в кимоно
Дети на празднике ситигосан
Школьники на экскурсии

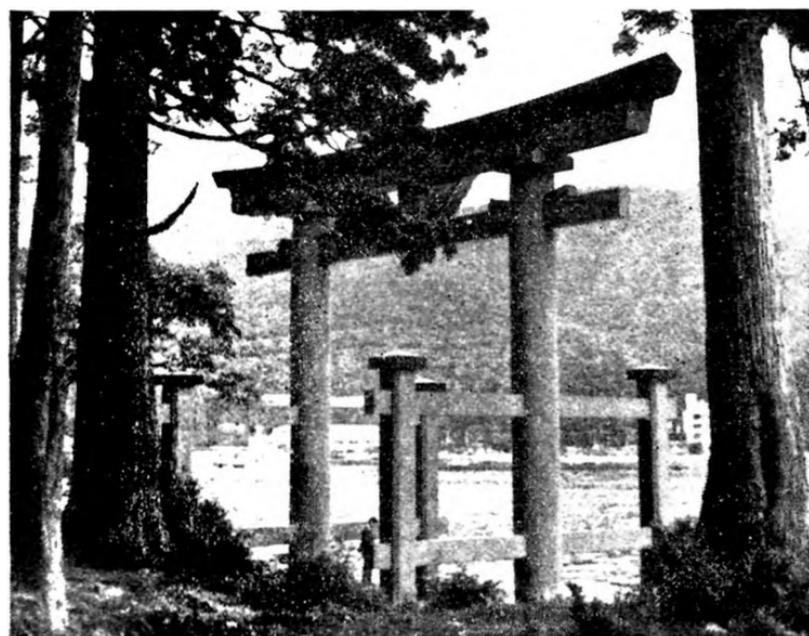

Сцена из спектакля театра ноо

Персонажи театра кабуки

Тории мира на озере Хаконе

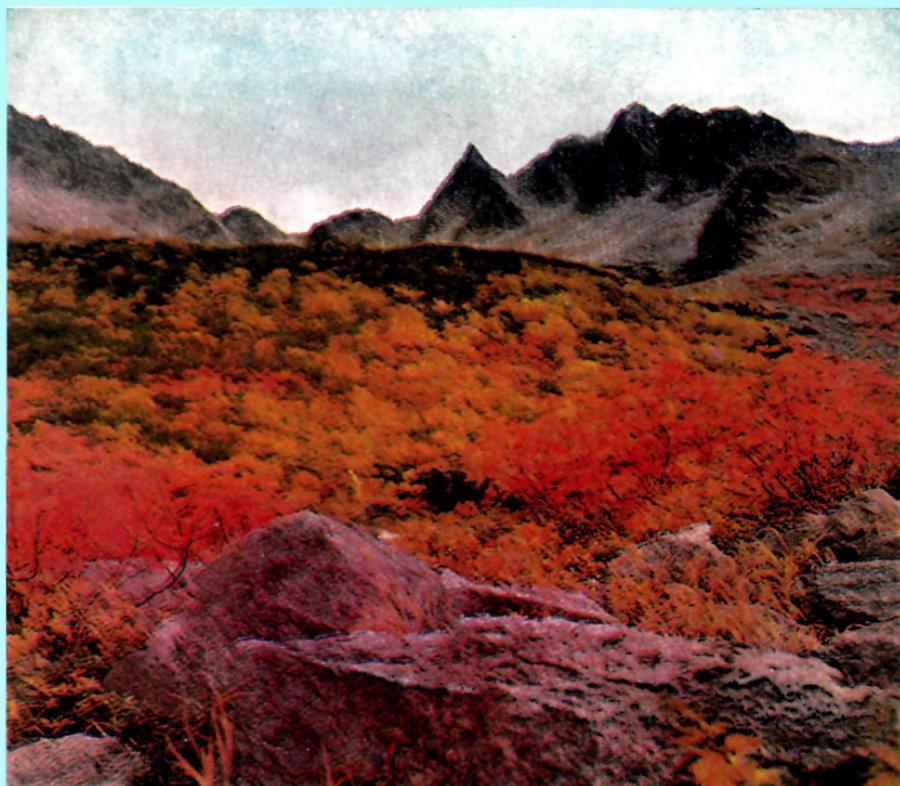

Чайная церемония

Борцы сумо

Парники вдоль набережной

При всем единстве и однородности, о чем так часто и охотно говорят, Япония — страна больших противоречий и контрастов, подлинных и мнимых, как в материальной сфере, так и в духовной. Поэтому складывается впечатление, что как отдельная личность, так и общество в целом живут в невероятном напряжении. Общая динамика и мобильность сегодняшней жизни производят сильное впечатление на всех, кто попадает в Японию. В зависимости от темперамента одних она пленяет, других утомляет и в соответствии с миропониманием вызывает либо восхищение, либо озабоченность, становясь страной грез или страной кошмаров.

Ю. Берндт